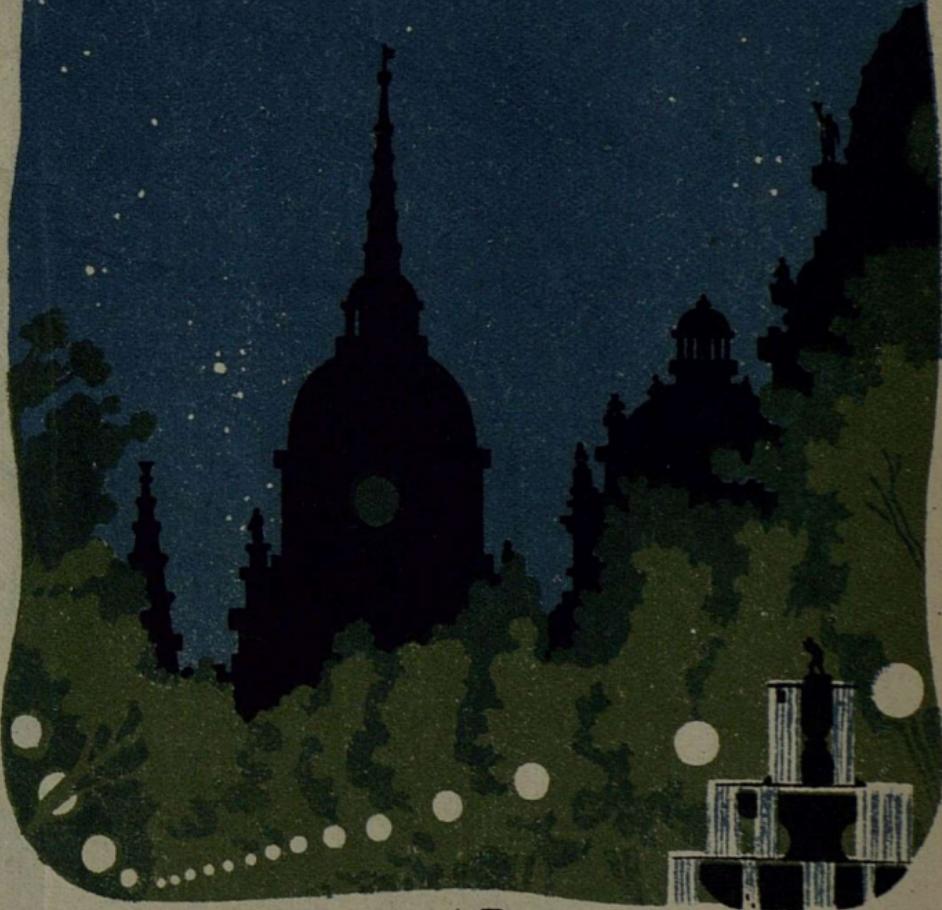
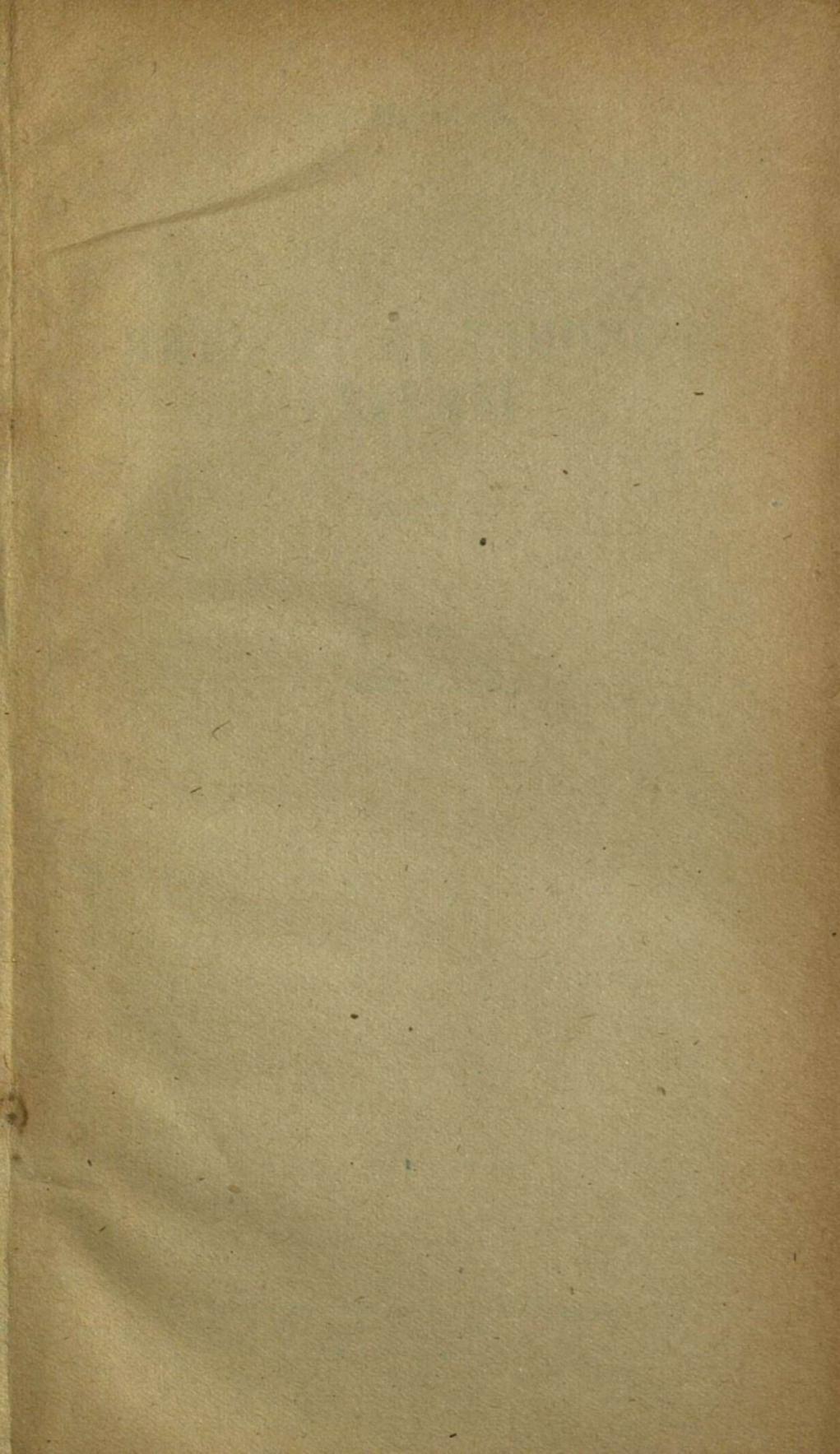

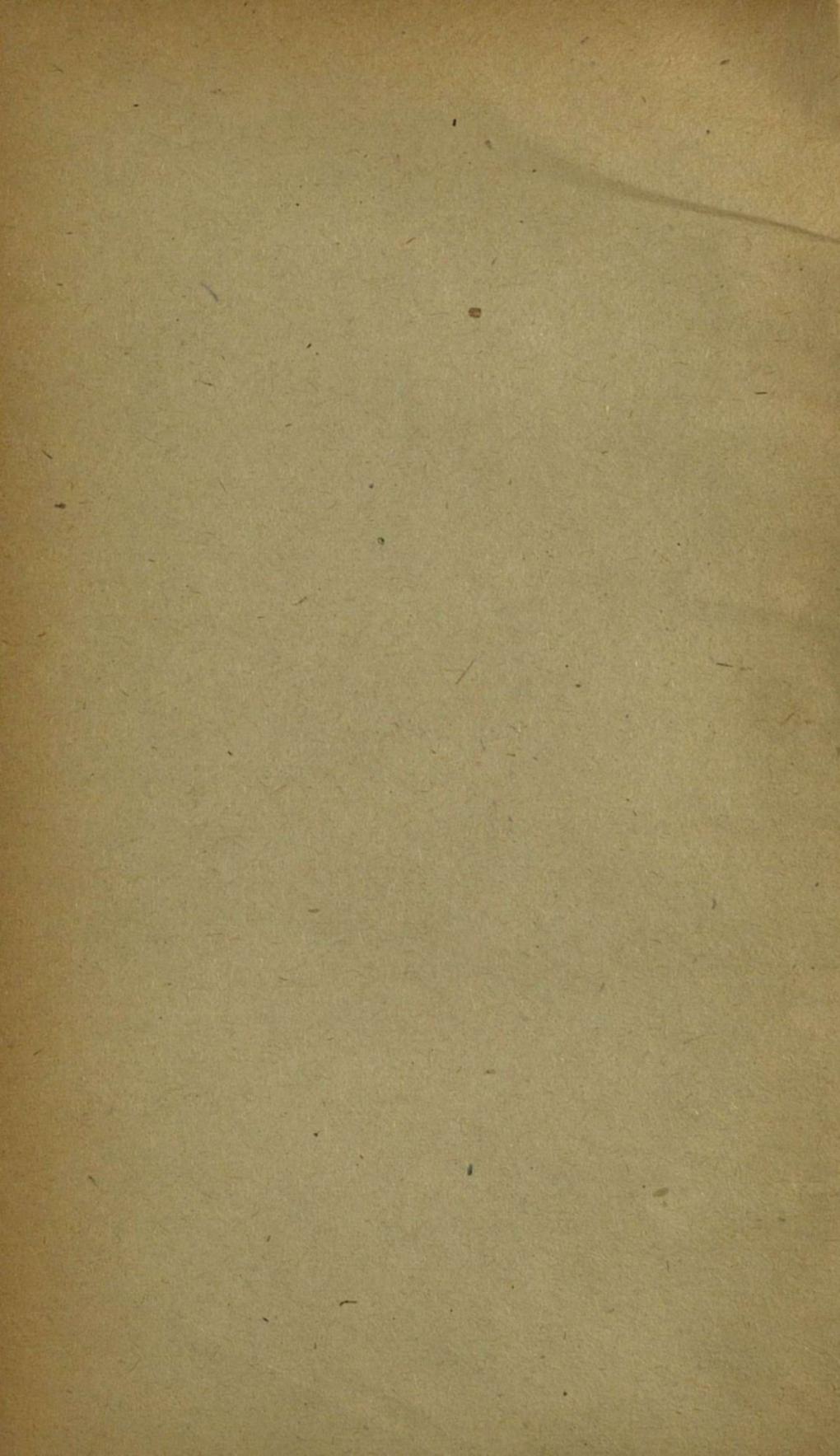
ЖЮЛЬ ВЕРН

ПЯТЬСОТ
МИЛЛИОНОВ
БЕГУМЫ

ДЕТГИЗ.1944

ЖЮЛЬ ВЕРН

1335

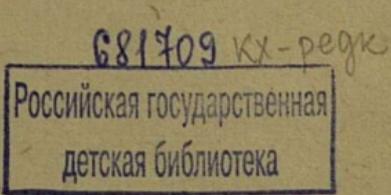
ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ БЕГУМЫ

РОМАН

*Перевод и обработка
под редакцией
М. БОЮСЛОВСКОЙ*

Государственное Издательство Детской Литературы
Наркомпроса РСФСР
Москва 1944 Ленинград

~~9616~~ 1987-88 г.

ВЕЛИКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ

В шестидесятых-семидесятых годах прошлого столетия каждое лето, какова бы ни была погода, в Ламанше появлялась маленькая парусная яхта «Сен-Мишель». Названное так по имени небесного покровителя нормандских моряков, крохотное, но чистенькое суденышко походило больше на рыбачью лодку и только с трудом могло претендовать на громкое название «яхта». Команду его составляли всего два молчаливых матроса, взиравших на мир с флегматичностью истых моряков. Но очень часто встречные корабли первые салютовали маленькому паруснику, храбро пробирающемуся между волнами, а капитаны пакетботов выкрикивали в рупор слова привета. Эти знаки внимания относились, конечно, не к «Сен-Мишелью», а к хозяину его, обычно стоявшему на мостике, — «капитану Верну».

В простой матросской блузе в ясные дни, в непромокаемом плаще и kleenчатой шляпе в непогоду, «капитан Верн», стоя на крохотном мостике, командовал экипажем своего корабля, вел журнал плавания, определял по солнцу местоположение судна и наносил его путь на карту, следил за хронометром, неизменно вежливо отвечал на приветствия — словом, с достоинством нес высокое звание «капитана».

«Сен-Мишель» обычно крейсировал вдоль французского побережья, часто заглядывая в Нант, где родился владелец яхты, поднимаясь на север вдоль побережья, изредка заплывал в бельгийские и голландские воды, а иногда даже отваживался пересекать пролив и посещать меловые берега Англии. Порядок на судне был образцовый, матросы беспрекословно выполняли приказания своего командира, но... лишь до поры до времени. Стоило разразиться шторму, как на корабле происходил переворот. Старший из моряков, седой Сандр, некогда лихой марсовый матрос военного флота, брал на себя команду, а разжалованный «капитан» крепил паруса, тянул снасти, становился у штурвала и подчинялся всем приказаниям, произносимым хриплым голосом старого морского волка...

Эти летние плавания на любимой яхте Жюль Верн обычно использовал для обдумывания своих новых произведений. В маленькой, похожей на карцер каюте, окруженной полками с морскими справочниками и описаниями путешествий, или на крохотной палубе парусника он чувствовал себя свободнее, чем где-либо. В ясные утра, когда первый луч восходящего солнца, пронизывающий толщу океана, окраши-

вает все в зеленый цвет; в прозрачные вечера, свежие от берегового бриза; в короткие летние ночи, украшенные жемчужной лентой Млечного пути и пышными созвездиями; в долгие дни, — одни лишь моряки знают, какими бесконечными они кажутся, — писателя посещали мечты. Перед его глазами проходили страны и материки. В глубине моря ему чудился необыкновенный подводный корабль «Наутилус», над головой проплывал чудесный воздушный корабль «Альбатрос», где-то в безвоздушном пространстве с космической скоростью проносились ядро с пассажирами, отправляющимися на Луну... Подолгу простоявал Жюль Верн, облокотясь на поручни и не слыша, как старый Сандр тихо напевает свою любимую матрёсскую песенку «Марсовые», не подозревая, что ее сочинил когда-то в молодости его капитан.

Как приятно было отдохнувшим и освеженным возвращаться в любимый Амьен — город, с которым писатель сроднился, — в свой уютный рабочий кабинет! Отсюда он следил за умственной жизнью всего мира, читал книги, просматривал газеты, журналы. И все новое, смелое, многообещающее в науке и технике сейчас же привлекало его внимание, заносилось на карточку, помещалось в соответствующее место его замечательной картотеки.

Жюль Верн был гражданином вселенной, не знающим границ между расами и народами. Поэтому среди героев его романов мы находим и неутомимого исследователя полярных стран англичанина капитана Гаттераса, и участников фантастического полета на Луну американцев Барбикена и Николя, и немецкого профессора Линденброка, совершившего пеший поход к центру Земли, русского Михаила Строгова и турка Керабана, китайца Кин-Фо и индийского принца Даккара, прославившегося во всем мире под псевдонимом капитана Немо. Но писатель, мысленно путешествовавший по всему земному шару, больше всех действительных и выдуманных стран любил свою родину и ей посвятил лучшие страницы; сам он всегда оставался французом.

Да, он любил эту страну, ее лазурное южное побережье, ее туманный север, любил Париж — сердце Франции, где он провел свою молодость и где стал знаменитым писателем. Он любил тихий, старый Амьен, широко раскинувшийся в прекрасной долине Соммы, ставший его второй родиной, любил его широкие, правильные, превосходно вымощенные улицы, зеленые, тенистые бульвары, проложенные на месте древних крепостных валов, готический собор тринадцатого века — один из лучших в Европе, с колоннами, звучащими подобно колоколам, старинную ратушу, музей с древностями Пикардии, старую цитадель амьенской крепости...

Но настало время, когда далекими и смешными показались Жюль Верну дни его наивных мечтаний о счастье всего человечества, о машинах — верных слугах человека, облегчающих его труд, помогающих науке в ее бесконечном движении вперед, о братстве великих народов. Писатель стал другим человеком, от прошлого его отделяла страшная грань безумия и позора Франции — тысяча восемьсот семидесятый год, война...

...Германские войска, вооруженные до зубов, ворвались во Францию, грабя и убивая на своем пути мирное население. Ничтожный и неспособный император Наполеон III позорно капитулировал при Седане вместе со всей армией. Париж, осажденный немцами, после пяти месяцев героической обороны был предательски сдан командованием. Одна из крупнейших битв разыгралась под стенами Амьена, где немецкий генерал Мантейфель разгромил французскую Северную армию, вновь сформированную для защиты Парижа. Город пал, только старая цитадель с одиннадцатью офицерами и четырьмястами солдат

несколько дней оказывала герическое сопротивление сорокатысячной немецкой армии.

Жюль Верн следил за событиями с яростью и тоской в сердце. Франция — униженная, но не сломленная, преданная, но не побежденная — стала ему еще ближе, еще дороже. Две цветущие французские провинции — Эльзас и Лотарингия, — перешедшие под власть Германии, контрибуция в пять миллиардов франков — вот плата за слабость и неспособность правительства, за предательство генералов и министров. Пять миллиардов! Сколько добра можно было сделать на эти деньги, даже на одну десятую этой суммы!

Новому своему роману Верн дал название «Пятьсот миллионов бегумы» и героями его сделал старомодного французского ученого-мечтателя доктора Саразена и молодого инженера эльзасца Марселя Брукмана.

Вдали от европейских бурь, на берегу Тихого океана, доктор Саразен, наследник миллионов индийской княгини, строит идеальный город Франсевилль. «Мы сделаем гражданами нашего города честных людей, которых душат нужда и безработица, — говорит он. — У нас же найдут убежище и те, кого чужеземцы-победители обрекли на жестокое изгнание. У нас изгнанники, добровольные и невольные, найдут применение своим способностям, своим знаниям, они внесут в наше дело духовный вклад, более драгоценный, чем все сокровища мира. Мы построим прекрасные школы, которые будут воспитывать молодежь, руководствуясь мудрыми принципами высокой моральной, умственной и физической культуры, и это обеспечит нам в будущем здоровое, сильное и цветущее поколение».

План города принадлежит самому Жюль Верну, сделавшему в амьенской академии доклад «Идеальный город» (Амьен в двухтысячном году). И в словах его об изгнанниках, как бы они ни назывались, легко угадать искреннюю заботу о судьбе мучеников Парижской коммуны. Среди четырнадцати тысяч заключенных и изгнанных коммунаров был и один из близких друзей писателя, позже прославившийся под псевдонимом Андре Лори как автор многих научно-фантастических романов.

«Мы позволим себе усомниться в том, что опыт основателей Франсевилля приведет когда-нибудь к блестящим результатам. Дело в том, что в организационном комитете, в руках которого находится это предприятие, преобладает латинский элемент. Это опасный симптом. С тех пор как существует мир, все великое и полезное, что происходило в нем, происходило по инициативе Германии. Ничего серьезного и решающего без Германии произойти не может. Не руками основателей Франсевилля и не на этом участке Америки будет воздвигнут когда-нибудь идеальный город».

Так пишет о городе Саразена немецкая газета под диктовку другого «героя» романа — профессора Шульце, олицетворения немецкого завоевательного духа. Профессор Шульце считает немецкую расу призванной господствовать во всем мире. Вся земля должна стать одним громадным германским государством, а низшие народы должны превратиться в рабов или быть беспощадно и поголовно истреблены. С какой ненавистью говорит Шульце о французы, с какой жестокой радостью мечтает о массовых убийствах ни в чем неповинных мирных жителей, женщин и детей! Урвав половину наследства Саразена, профессор Шульце рядом с Франсевиллем строит германский «идеальный город» Штальштадт — Стальной город, чудовищный военный завод, где все поставлено на службу разрушению. И в самом сердце этой фабрики смерти как символ творческих сил Германии возвышается гигант-

ская пушка, направленная на Франсевилль. Один ее выстрел должен наполнить город огнем и смертью и превратить в трупы сто тысяч человек.

Роман «Пятьсот миллионов бегумы» написан семьдесят лет назад, но какими свежими, какими злободневными кажутся его страницы! Стальной город Жюль Верна больше походит на современную Германию, чем это мог думать автор. Франсевилль сегодняшнего дня — это каждый свободолюбивый город, где бы он ни находился, любая страна Европы. Нам, свидетелям разрушений Варшавы, Белграда, Роттердама, Сталинграда, даже лучше, чем современникам писателя, понятно, чем угрожают миру такие люди, как профессор Шульце или его достойные потомки — германские фашисты.

Нашим молодым читателям будет особенно близок юноша-эльзасец Марсель Брукман, талантливый и смелый разведчик, дерзко проникающий в самое логово страшного зверя, чтобы вырвать его тайну. Сегодня Марсель — один из борцов за свободу угнетенных стран, образ непокоренной и борющейся Франции сегодняшнего дня.

Жюль Верн был не только мечтателем и фантастом, но и писателем-борцом. В романе «Пятьсот миллионов бегумы» он громко и смело поднял голос против насилия, порабощения, массовых убийств. И сейчас, в дни величайшей в истории битвы, великий писатель, как живой, стоит рядом с нами, сражаясь за Францию и человечество.

Кирилл Андреев

I. Мы знакомимся с мистером Шарпом

— А хорошо работают английские газеты! — воскликнул доктор, откидываясь на спинку своего кожаного кресла.

У доктора вошло в привычку разговаривать с самим собой, это было для него своего рода отдыхом.

Доктору Саразену минуло пятьдесят лет. Его ясные живые глаза на тонко очерченном лице серьезно и в тоже время приветливо смотрели из-за стальных очков. Всякому увидавшему это лицо невольно хотелось сказать: какой хороший человек!

Несмотря на ранний час, доктор был уже в строгом костюме с белым галстуком, и щеки его были гладко выбриты.

Комната, где он сидел, — большой номер гостиницы в Брайтоне, — была вся завалена газетами: «Таймс», «Дейли телеграф», «Дейли ньюс» были разбросаны на столе, на креслах, даже на ковре на полу. Часы только что пробили десять, а доктор уже успел осмотреть город, побывать в больнице и, возвратившись к себе в номер, прощесь в нескольких наиболее крупных лондонских газетах подробный отчет о своем докладе, с которым он два дня тому назад выступал на международном гигиеническом конгрессе. Темой этого доклада было его изобретение — камера для счета кровяных телец.

Перед доктором на подносе, покрытом белой салфеткой, дымилась чашка горячего чая, только что снятая со сковородки котлетка и поджаренные гренки, которые с таким искусством приготовляют английские стряпухи из специальных маленьких хлебцев, выпекаемых английскими булочниками.

— Да, — повторил доктор Саразен, — газеты Великобританского королевства работают превосходно, ничего не скажешь. Речь вице-президента, ответ доктора Чиконья из Неаполя, изложение моего доклада — все схвачено на лету, прямо-таки сфотографировано. Вот оно: «Слово предоставляется доктору Саразену, из Дуэ. Этот почтенный член конгресса делает свой доклад на французском языке. Прежде чем приступить к докладу, он обращается к аудитории со следующими словами: «Прошу извинения у моих слушателей за то, что я разрешаю себе эту вольность, но вам, вне всяких сомнений, будет легче понять мой язык, чем мне изъясняться по-английски...» И дальше пять столбцов петитом — изложение моего доклада. Трудно сказать, какой отчет лучше: «Таймса» или «Телеграфа». Точность и четкость удивительные!

В то время как доктор предавался этим размышлениям, в дверь постучали, и на пороге появился старший коридорный, который в своем безупречном черном фраке выглядел по меньшей мере церемониймейстером. Он осведомился, можно ли видеть «монсью», и подал ему визитную карточку. Англичане считают своим долгом величать французов «монсью», так же как у них считается правилом называть всякого итальянца «сеньор», а немца «герр». Возможно, они и правы, так как эта условность имеет одно несомненное преимущество: сразу определяет национальность данного лица.

Доктор Саразен, крайне удивленный, что в этом городе, где у него не было ни души знакомых, кто-то явился к нему с визитом, взял с подноса визитную карточку и с еще большим удивлением прочел на ней следующее:

«Мистер Шарп — солиситор.

93, Соутгемптон-роу, Лондон».

Он знал, что «солиситор» соответствует французскому «помощнику», или, вернее, судейскому крючку, изучившему все лабиринты законов и представляющему собой нечто среднее между нотариусом, адвокатом и стряпчим.

«Какого черта надо от меня этому господину Шарпу? — подумал доктор Саразен. — Может, я, сам того не зная, уже впутался в какое-нибудь грязное дело?»

— Вы уверены, что это мне? — спросил он.

— О да, монсью, именно.

— Ну что ж, просите.

Церемониймейстер распахнул дверь и пропустил в комнату весьма странного субъекта, которого доктор с первого

«А хорошо работают английские газеты!»

взгляда мысленно окрестил «мертвой головой». Это был еще не старый человек с маленькими серыми, пронизывающими насквозь глазками, с тонкими, словно высохшими губами, которые, раздвигаясь, обнажали ряд длинных белых зубов; впалые щеки, обтянутые пергаментной кожей, и землисто-серый цвет лица придавали ему сходство с египетской мумией, и все вместе взятое как нельзя более соответствовало определению доктора. Туловище его с головы до пят исчезало под широким клетчатым, похожим на балахон макинтошем. В руке он держал дорожный объемистый саквояж из лакированной кожи и лоснящийся цилиндр.

Войдя в комнату, он быстро поклонился, поставил на пол свой саквояж и цилиндр и, усевшись не дожидаясь приглашения, отрекомендовался:

— Уильям-Генрих Шарп младший, компаньон фирмы «Биллоус, Грин, Шарп и К°». Я имею честь видеть доктора Саразена?

— Да, сударь.

— Франсуа Саразен, не так ли?

— Вот именно.

— Из Дуэ?

— Да, я живу в Дуэ.

— Отца вашего звали Исидор Саразен?

— Совершенно верно.

— Да, так, значит, его звали Исидор Саразен...

Мистер Шарп вынул из кармана памятную книжку, заглянул в нее и продолжал:

— Исидор Саразен умер в Париже, в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году, на улице Таран шестого районного округа, в доме пятьдесят четыре, ныне снесенном школьном особняке.

— Все это так, — сказал доктор, все более удивляясь, — но не объясните ли вы мне...

— Мать его была Жюли, — невозмутимо продолжал Шарп, — родом из Бар-ле-Дюк, дочь Бенедикта Ланжеволь из местечка Лориоль, который, как значится по книге гражданских актов вышеупомянутого городка, умер в тысяча восемьсот двенадцатом году. Эти книги записей — в высшей степени драгоценное постановление закона, мосье, поистине драгоценное. Гм... гм.. у Жюли Ланжеволь был брат Жан-Жак Ланжеволь, тамбур-мажор¹ тридцать шестого кавалерийского полка...

¹ Тамбур-мажор — старший барабанщик.

— Признаюсь вам, — перебил доктор Саразен, изумленный таким глубоким знанием его генеалогии, — вы, повидимому, значительно лучше меня осведомлены обо всех этих подробностях. Действительно, фамилия моей бабушки была Ланжеволь, но это все, что я о ней знаю.

Мистер Шарп самодовольно улыбнулся и продолжал наставительным тоном:

— В тысяча восемьсот седьмом году она покинула город Бар-ле-Дюк с вашим дедушкой Жаном Саразеном, за которого она в тысяча семьсот девяносто девятом году вышла замуж. Они обосновались в городе Мелоне и открыли там жестянную торговлю. Здесь они жили до тысяча восемьсот одиннадцатого года, года смерти Жюли Ланжеволь, жены Жана Саразена. От их брака был всего один ребенок — Исидор Саразен, ваш отец. С этого момента генеалогическая нить прерывается, и у нас имеется только дата смерти вашего отца. Эту дату нам удалось установить в Париже.

— Я могу помочь вам связать концы, — сказал доктор, невольно воодушевляясь этой совершенно математической точностью. — Мой дед поселился в Париже, чтобы дать образование своему сыну, избравшему себе профессию врача. Он умер в тысяча восемьсот тридцать втором году, в городке Палезо, близ Версаля, где практиковал мой отец и где я сам появился на свет в тысяча восемьсот двадцать втором году.

— Вот вас-то я и ищу! — воскликнул мистер Шарп. — У вас нет ни братьев, ни сестер?

— Нет, я был единственным ребенком, и моя мать умерла, когда мне было всего два года. Но разрешите узнать, сударь...

Мистер Шарп торжественно поднялся со своего кресла.

— Сэр Бриа Иовагир, баронет Мотороната, — сказал он, произнося это имя с тем уважением, какое чувствуют англичане ко всякому титулу, — я счастлив, что разыскал вас и что я первый могу засвидетельствовать вам мое почтение.

«Этот человек, повидимому, сумасшедший, маниак. Весьма распространенное явление у этих типов из породы «мертвой головы».

Поверенный прочел этот диагноз в глазах своего собеседника.

— Я отнюдь не сумасшедший, — спокойно ответил он. — Разрешите сообщить вам, что вы в настоящее время являетесь единственным признанным наследником титула

баронета, пожалованного, по представлению генерал-губернатора Бенгальской провинции, Жан-Жаку Ланжеволю, вступившему в тысяча восемьсот девятнадцатом году в английское подданство и унаследовавшему после смерти своей жены, бегумы¹ Гокооль, ее состояние. Ваш дед умер в тысяча восемьсот сорок первом году, оставив после себя только одного сына, который, будучи идиотом от рождения, был признан неправомочным и умер в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году, не оставив ни потомства, ни завещания. Наследство вашего деда оценивалось в то время, то есть тридцать лет тому назад, примерно в пятнадцать миллионов фунтов стерлингов. Оно находилось под секвестром² и опекой еще при жизни слабоумного сына Жан-Жака Ланжеволя. В тысяча восемьсот семидесятом году наследство это оценивалось в двадцать один миллион фунтов стерлингов, или пятьсот двадцать пять миллионов франков. По постановлению Королевского Британского суда в Агра (утвержденному палатой в Дели), движимое и недвижимое имущество было продано, драгоценности обращены в деньги и весь капитал передан на хранение в Английский банк. В настоящее время этот капитал равняется пятистам двадцати семи миллионам франков, которые вы можете получить в кассе банка по простому чеку, после того как представите в государственную герольдию³ генеалогические доказательства своего происхождения. Для этого я предлагаю вам свою юридическую помощь и рекомендацию к банкирской конторе «Тролlop, Смит и К°», которая ссудит вас, в счет вашего наследства, какой угодно суммой.

Ошеломленный доктор Саразэн несколько секунд не мог выговорить ни слова, но наконец критическая жилка в нем взяла верх, и рассудок его запротестовал против этой сказки из «Тысячи и одной ночи», которую ему подносили в качестве непреложного факта.

— Но позвольте, сударь... Какие доказательства вы можете привести в подтверждение рассказанной вами истории и каким образом вы напали на мой след?

— Доказательства при мне, — ответил мистер Шарп, похлопывая по своему саквояжу. — Что же касается того, как я напал на ваш след, в этом нет ничего удивительного. Вот уже пять лет, как я вас разыскиваю. Отыскивать наследников, или, как говорится в нашем английском зако-

¹ Бегума — жена индийского владетельного князя — раджи.

² Секвестр — запрещение, временно наложенное на имущество.

³ Герольдия — ведомство по делам о титулах.

нодательстве, ближайших родственников, для введения их в права наследства — специальность нашей фирмы. Наследством бегумы Гокооль мы занимаемся уже много лет. Где мы только не вели розысков! Сотни семей Саразен изучены нами со всей тщательностью, но среди них нет ни одной, связанной с Исидором Саразеном. Я уже было пришел к убеждению, что во Франции нет больше ни одного Саразена, и вдруг вчера утром, просматривая в «Дейли ньюс» отчет о заседании гигиенического конгресса, натыкаюсь на доктора Саразена, которого я каким-то образом упустил из поля зрения. Перерыв все свои заметки и множество картотек, заведенных нами по делу об этом наследстве, я с удивлением обнаружил, что город Дуэ ускользнул от нашего внимания. Чувствуя, что я наконец напал на верный след, я в тот же день отправился в Брайтон и поймал вас, когда вы выходили из зала заседаний конгресса; и тут уж я убедился окончательно. Вы живая копия вящего дедушки Ланжеволя, если судить по снимку с портрета, принадлежащего кисти индийского художника Саранони. Вот он — посмотрите.

Мистер Шарп достал из бумажника фотографическую карточку и передал ее доктору. Фотография изображала рослого мужчину, с роскошной бородой, в тюрбане с бриллиантовой эгреткой, в парчевой мантии, расшитой шелком, и в той специфической позе, в какой на старинных портретах принято изображать генералов: он подписывает приказ к наступлению и смотрит прямо перед собой. На заднем плане смутно в дыму сражения виднеется кавалерийский взвод.

— Вот эти бумажки лучше меня расскажут вам всю историю, — сказал мистер Шарп, вытаскивая из недр своего саквояжа несколько папок и связки бумаг, частью печатных, частью написанных от руки. — Я оставляю их в полное ваше распоряжение и, если позволите, вернусь через два часа.

С этими словами мистер Шарп положил бумаги на стол и, пятаясь задом, направился к двери, низко кланяясь и бормоча на ходу:

— Сэр Бриа Иовагир Мотороната, разрешите откланяться и пожелать вам всего наилучшего.

Наполовину убежденный, но вместе с тем настроенный несколько скептически, доктор Саразен взял лежащую сверху папку и начал просматривать документы. Достаточно было беглого взгляда, чтобы его сомнения рассеялись, ибо вся эта невероятная история подтверждалась от

слова до слова. Да и как было сомневаться, видя перед собой хотя бы следующий документ:

«Досточтимым лордам Чрезвычайного Королевского Совета донесение по делу о наследстве, оставшемся после бегумы Гокооль из Раджинара, провинции Бенгали, пятого января тысяча восемьсот семидесятого года. Краткое содержание дела. Касательно наследства, оставшегося после смерти бегумы Гокооль из Раджинара и заключающегося в сорока трех тысячах акров¹ пахотной земли, угодьях, селениях и различных постройках, как-то: дворцах, службах и прочее, а также в движимом имуществе, как-то: драгоценностях, домашней утвари, оружии, предметах роскоши и пр. и пр. Из отношений, представленных последовательно в гражданский суд в городе Аgra и в верховный суд в Дели, явствует, что в тысяча восемьсот девятнадцатом году бегума Гокооль, вдова раджи Лукмиссура, наследовавшая после его смерти значительное состояние, вторично вступила в брак с иностранцем, французом по происхождению, по имени Жан-Жак Ланжеволь. Сей последний до тысяча восемьсот пятнадцатого года служил во французской армии тамбур-мажором, в чинеunter-officer'a тридцать шестого кавалерийского полка, а по расформировании армии в Luаре поступил в Нанте на коммерческое судно в качестве суперкарго.

Прибыв в Калькутту, он оставил службу на корабле и, поступив в министерство внутренних дел, занял должность офицера-инструктора в армии раджи Лукмиссура. Быстро продвигаясь по службе, он вскоре был назначен командующим этой армией, а спустя некоторое время после смерти раджи сочетался браком с его вдовой. Некоторые политические соображения, а также и значительные услуги, оказанные Жан-Жаком Ланжеволем европейцам, живущим в Аgra, побудили генерал-губернатора Бенгальской провинции испросить для перешедшего в британское подданство мужа бегумы титул баронета. Владения ее, таким образом, были обращены в майорат². В тысяча восемьсот тридцать девятом году бегума умерла, оставив все свое состояние мужу, который пережил ее всего на два года. От их брака остался один сын, слабоумный от рождения. После смерти родителей он был отдан под опеку, из-под которой не выходил до самой смерти, последовав-

¹ Акр — земельная мера, равна 4047 квадратным метрам.

² Майорат — имение, переходящее в порядке наследования к старшему в роде.

шей в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году. Наследников оставшегося после него громадного состояния, насколько известно, не имеется, в силу чего гражданский суд в Агра и верховный суд в Дели, по ходатайству местного управления, постановили продать вышеозначенное имущество с аукциона. Настоящим имеем честь ходатайствовать перед лордами Чрезвычайного Королевского Совета об утверждении решений обоих судов и пр. и пр.». Следуют подписи.

Копии, удостоверенные судом в Агра и Дели, акт продажи, приказы о помещении капитала в Английский банк, результаты розысков наследников Ланжеволя во Франции и целая кипа подлинных официальных документов рассеяли последние сомнения доктора Саразена. Он был поистине «ближайшим родственником», единственным и неоспоримым наследником бегумы. Достаточно было ему только преодолеть кое-какие пустые формальности — представить метрическое свидетельство и выписку о смерти родителей, и миллионы, покоящиеся в подвалах Английского банка, становились его собственностью.

Столь неожиданно свалившееся богатство могло нарушить душевное равновесие самого хладнокровного человека, и доктор невольно поддался охватившему его волнению. Но оно продолжалось недолго и выразилось только в том, что доктор в течение нескольких минут быстро шагал взад и вперед по комнате. Однако вскоре он овладел собой и, упрекнув себя за минутную слабость, уселся в кресло и погрузился в глубокое раздумье. Внезапно он вскочил и снова зашагал по комнате, но теперь глаза его радостно сияли и лицо горело воодушевлением. Казалось, в нем зреет какое-то решение, он обсуждает его, обдумывает и наконец с удовлетворением принимает.

В эту минуту в дверь постучали. Это вернулся мистер Шарп.

— Простите меня за мое недоверие и сомнения, — дружески обратился к нему доктор Саразен, — но вы сами поймете мое удивление... Теперь я уже окончательно уверовал. Нет слов выразить вам мою благодарность, я чувствую себя безгранично обязанным вам за все ваши хлопоты и труды.

— Ну что вы... Самое обыкновенное дело... Ведь это мое ремесло, — ответил мистер Шарп. — Могу ли я надеяться, что сэр Бриа разрешит мне считать его моим клиентом?

— Само собой разумеется. Буду вам чрезвычайно при-

знателен, если вы возьмете это дело на себя. У меня к вам только одна просьба: не величайте меня, пожалуйста, этим нелепым титулом.

«Нелепым! Титул, который приносит вам двадцать один миллион стерлингов!» как бы говорила физиономия мистера Шарпа. Но он был достаточно тонкий дипломат и с полной готовностью ответил:

— Как вам будет угодно. Вы хозяин — я ваш слуга. С вашего разрешения, теперь я немедленно вернусь в Лондон и там буду ждать ваших распоряжений.

— Могу я оставить у себя эти бумаги? — спросил доктор Саразен.

— О, конечно! У нас есть копии.

После ухода мистера Шарпа доктор уселся за письменный стол и, положив перед собой лист почтовой бумаги, принялся писать:

«Брайтон
28 октября 1871 года

Дорогой мой мальчик! На нас свалилось богатство, огромное, чудовищное, невероятное! Не думай, что я сошел с ума, и прочти эти документы, которые я прилагаю к письму. Из них ты увидишь, что я унаследовал титул английского, или, вернее, индийского, баронета и состояние свыше полумиллиарда франков, хранящееся в настоящее время в Английском банке. Я заранее знаю, мой милый Октав, с каким чувством ты примешь это известие. Ты, так же как и я, поймешь, какие серьезные обязанности возлагает на нас такое богатство и какими опасностями угрожает оно нашему здравому смыслу. Я узнал об этом всего час тому назад, и вот уже мысль о той огромной ответственности, какая легла на нас, наполовину заглушает радость, которую я испытываю, думая о тебе. Не будет ли эта перемена в нашей судьбе роковой для нас обоих? Скромные труженики науки, мы были так счастливы в нашей безвестности. Будем ли мы так же счастливы и теперь? Возможно, что и нет, если... Я даже не решаюсь поделиться с тобой мыслью, которая меня сейчас осенила, но, мне кажется, мы только тогда сможем быть счастливы, если сумеем обратить это богатство в новый могущественный двигатель науки. Но мы еще поговорим об этом. Напиши мне скорее, какое впечатление произвела на тебя эта великая новость, и сообщи ее маме. Я уверен, что она как женщина рассудительная отнесется к этому спокойно. Что же касается твоей сестренки, то она еще слишком молода, и можно не опасаться, что у нее от

такого известия закружится голова. К тому же в ее мальчишеской головке столько здравого смысла, что если бы она даже и вполне понимала, что означает это событие, ее меньше всех нас смущила бы такая перемена в нашей судьбе. Крепко жму руку Марселя. В моих планах на будущее он занимает особое место.

Любящий тебя отец
Ф. Саразен».

Доктор закончил письмо, вложил его вместе с нескользкими наиболее убедительными документами в конверт и надписал адрес: «Господину Октаву Саразену, студенту Центральной школы прикладных искусств, дом номер тридцать два, улица Руа де-Сесиль, Париж», затем надел шляпу, пальто и отправился на заседание конгресса. Четверть часа спустя этот скромный человек забыл и думать о своих миллионах.

II. Приятели

Октава Саразена, сына доктора, нельзя было назвать совершенным лентяем. Он был не то чтобы глуп, но и не особенно умен; не отличался ни красотой, ни уродством. Короче говоря, Октав Саразен не представлял собой ничего особенного.

В школе он всегда получал вторые награды, иногда похвальный лист, а в его бакалаврском дипломе было отмечено: «удовлетворительно». В Центральную школу он первый раз не прошел по конкурсу, а во второй раз попал сто двадцать седьмым. Словом, Октав Саразен принадлежал к числу тех неопределенных молодых людей, которые, не углубляясь ни во что серьезно, довольствуются поверхностным знанием, обо всем судят приблизительно и скользят по жизни, как лунный свет.

Такие люди в руках судьбы подобны поплавку на гребне морской волны. Подует ветер с севера — его потянет к экватору, подует с юга — он поплынет к полюсу. Будущность, карьера таких людей зависят от случая. Если бы доктор Саразен не пребывал в счастливом заблуждении относительно характера своего сына, он призадумался бы, прежде чем написать ему такое письмо, но родительскому ослеплению подвержены и самые умные люди...

К счастью для Октава, он, еще будучи в школе, подпал под влияние своего товарища, натуры энергичной, не-

сколько властной, но чье воздействие на него было несомненно благотворным.

В лицее Шарлемань, куда доктор Саразен поместил сына после подготовительной школы, Октав подружился с одним из своих одноклассников, эльзасцем, по имени Марсель Брукман. Оставшись сиротой двенадцати лет, Марсель получил небольшое наследство, доходы с которого целиком уходили на его ученье. Если бы не Октав, который каждый год брал его к себе домой на каникулы, Марсель был бы обречен на безвыходное сиденье в стенах лицея. Незаметно для Марселя семья доктора Саразена стала для него как бы родной семьей. Юный эльзасец всей душой привязался к этим добрым людям, заменившим ему отца и мать. Он обожал доктора, его жену и их маленькую, но уже серьезную дочурку. Чувства свои Марсель выражал поступками, а не словами. Он с удовольствием занимался с Жанной, которая с раннего возраста обнаруживала любовь к знанию и обещала стать умной, здравомыслящей девушкой, и поставил себе задачей сделать и Октава достойным сыном своего отца. Сказать правду, эта задача была довольно трудной, так как Октав не отличался способностями и усидчивостью своей сестры, однако Марсель дал себе слово достигнуть цели и не отступал ни перед каким препятствием. Это был решительный и настойчивый юноша, один из тех смелых и упорных борцов, родина которых Эльзас. В его крепком, здоровом, мускулистом теле был заключен сильный, мужественный дух.

В Центральную школу, куда он держал экзамены вместе с Октавом, он прошел вторым по конкурсу, но решил окончить ее первым. Октав смог выдержать вступительные экзамены только благодаря своему другу. В течение целого года Марсель понуждал Октава, заставлял работать, заряжая его своей энергией, которой хватало на двоих. Он испытывал к этой слабой, нерешительной натуре чувство покровительственной жалости; такое чувство мог бы испытывать лев к беспомощному щенку. Ему доставляло удовольствие поддерживать избытком своей силы это хилое растение и видеть, как оно развивается и приносит плоды.

Война тысяча восемьсот семидесятого года застигла наших друзей во время экзаменов. На другой же день после того, как последний экзамен был сдан, Марсель, исполненный патриотических чувств, которые не позволяли ему оставаться в стороне в то время, как над Страсбургом и Эльзасом нависла тяжкая угроза, записался волонтером в тридцать первый стрелковый пехотный полк. Октав

тотчас же последовал его примеру. Плечо к плечу сражались они на аванпостах Парижа в тяжелые дни осады. Под Шампиньи Марсель был ранен в правую руку, а за битву при Бузенвале получил нашивку. Октав не получил ни раны, ни нашивки. Так уж это вышло само собой. Он следовал за своим другом в сражениях и отставал от него только на каких-нибудь пять-шесть метров, но... эти-то шесть метров решали все.

После заключения мира они вернулись к своим занятиям и поселились в двух смежных меблированных комнатах в скромном особняке, недалеко от школы. Несчастья, перенесенные Францией, и отделение Эльзаса и Лотарингии оставили в душе Марселя глубокий след.

— Первый долг французской молодежи, — говорил он Октаву, — исправить ошибки своих отцов. И достичь этого она может только неустанным трудом.

Каждый день Марсель просыпался в пять часов и тотчас же поднимал Октава. Они вместе садились заниматься, затем отправлялись на лекции и в течение всего дня не расставались ни на минуту. Вернувшись из школы домой, они снова садились за работу и отрывались от нее, только чтобы дать себе маленькую передышку — выкурить трубку или выпить чашку кофе. В десять часов, удовлетворенные сознанием полезно проведенного дня, они уже лежали в постели. Время от времени они позволяли себе скромные развлечения: партию на биллиарде или концерт в консерватории, прогулку верхом или пешком в окрестностях Парижа и два раза в неделю урок фехтования и бокса.

Случалось, что Октав иногда проявлял признаки недовольства таким образом жизни и, взбунтовавшись, заявлял о своем желании пойти куда-нибудь в кабачок, повеселиться с товарищами. Но Марсель так ядовито высмеивал его фантазии, что обычно они так и не приводились в исполнение.

Двадцать девятого октября тысяча восемьсот семьдесят первого года около семи часов вечера приятели сидели, по обыкновению, рядом за одним столом, освещенным лампой с зеленым абажуром. Марсель был увлечен решением задачи по начертательной геометрии, касающейся каменной кладки. Октав с неменьшим воодушевлением священнодействовал над варкой кофе; он очень гордился своим искусством приготовлять кофе, возможно потому, что эта отрадная процедура ежедневно позволяла ему хоть на несколько минут оторваться от ненавистных уравнений, которыми Марсель, как ему казалось, слишком злоупотреб-

лял. Медленно пропуская каплю за каплей кипящую воду через густой слой душистого мокко, Октав от души наслаждался этим мирным занятием, но когда взгляд его упал на склонившегося над тетрадью Марселя, он почувствовал угрызения совести и непреодолимое желание помешать товарищу, который был для него словно живым укором.

— А не мешало бы нам завести кофейник с фильтром, — неожиданно изрек Октав, — а то это древнее оружие годится разве в антикварный магазин.

— Вот-вот, купи кофейник с фильтром, — поддержал Марсель, — тогда, может быть, тебе не придется каждый вечер тратить часы на эту стряпню. Итак, — невозмутимо продолжал он, возвращаясь опять к своей задаче, — внутренняя, вогнутая сторона свода представляет собой трехосный эллипсоид с тремя неравными осями. Пусть A , B , D , E есть исходный эллипс, которому принадлежат большая ось OA , равная a , и средняя ось OB , равная b , тогда как малая ось эллипса OC' вертикальна и равна c , что делает свод покатым...

В эту минуту в дверь постучали.

— Письмо господину Октаву Саразену, — сказал мальчик-рассыльный.

Октав с радостью выхватил у него из рук письмо.

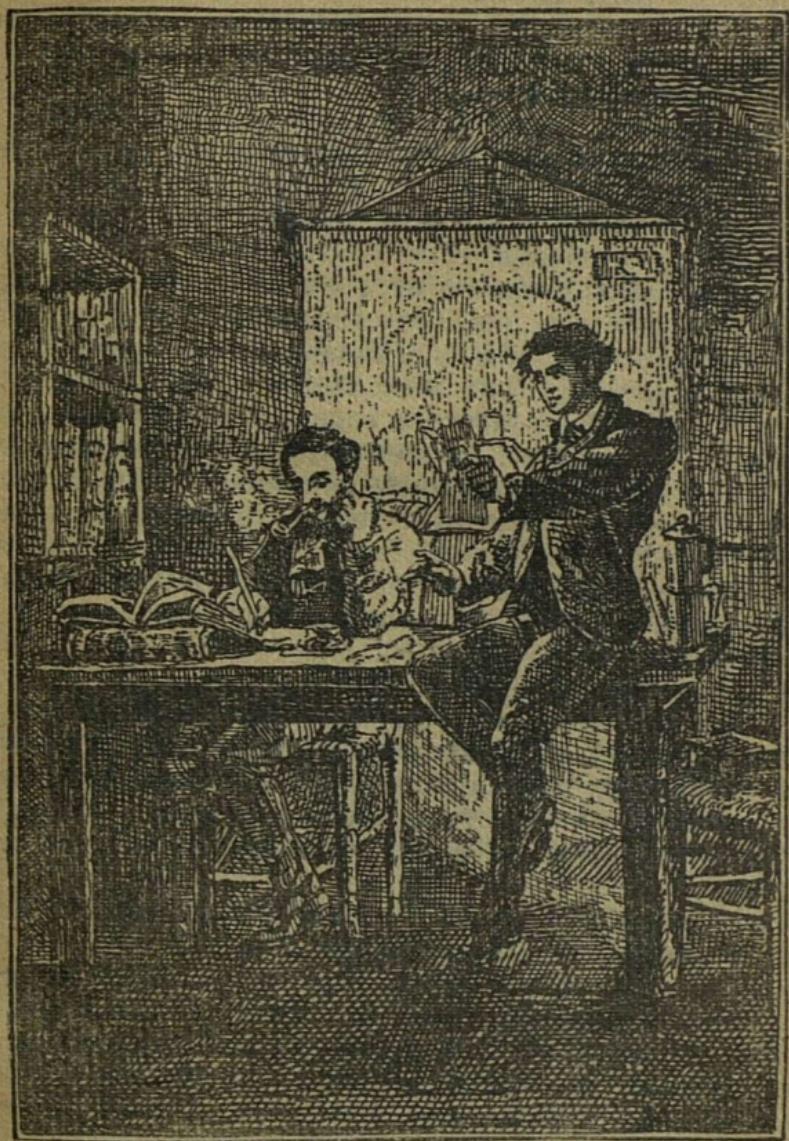
— Это от отца, узнаю его почерк! — весело тараторил он, распечатывая конверт. — Да тут, оказывается, целое послание!

Марсель, разумеется, как и Октав, знал, что доктор сейчас находится в Англии. Неделю тому назад, остановившись проездом в Париже, доктор угостил обоих юношей лукулловским обедом¹ в некогда знаменитом ресторане Пале-Рояль, который, по его мнению, до сих пор являлся непревзойденным образцом изысканного парижского вкуса.

— Ты мне прочтешь, что он пишет о гигиеническом конгрессе, — сказал Марсель, не отрываясь от своей задачи. — Это он хорошо придумал — поехать туда. Наши французские ученые слишком уж замкнутый народ... Итак, значит, внешняя сторона свода будет образована эллипсоидом, подобным первому; центр его находится выше O' , на вертикальной прямой OO' . Наметив фокусы E_1 , E_2 , E_3 трех основных эллипсов, мы чертим вспомогательные эллипс и гиперболу, общие оси которых...

Громкий возглас, вырвавшийся у Октава, заставил Марселя поднять голову.

¹ Лукулл — римский богач, прославившийся своим пирами.

«Это от отца, узнаю его почерк!»

— Что такое? — спросил он, с беспокойством глядя на внезапно побледневшее лицо товарища.

— На, прочти, — с трудом вымолвил Октав, совершенно ошеломленный полученным известием.

Марсель взял протянутое письмо, внимательно прочел его с начала до конца, потом пробежал еще раз, просмотрел приложенные документы и сказал:

— Любопытная история!

Затем он не спеша набил свою трубку и старательно начал раскуривать ее. Октав с нетерпением ждал, что он еще скажет.

— Ты думаешь, что это правда? — спросил он наконец, задыхаясь от волнения.

— Очевидно! У твоего отца слишком трезвый и критический ум, чтобы он мог бездоказательно, на веру принять подобную историю. Да и доказательства здесь налицо. В конце концов, все это объясняется очень просто.

Раскурив трубку, Марсель снова погрузился в свои вычисления. Октав сидел не двигаясь, словно остолбенев; он забыл и думать о своем кофе, он вообще потерял способность думать, но испытывал непреодолимую потребность говорить, чтобы убедиться, что он не спит и не бредит.

— Но если это правда, так ведь это же просто умопомрачительно! Ты представляешь себе полмиллиарда — ведь это огромное богатство!

Марсель поднял голову.

— Да, действительно огромное. Во Франции другого такого, пожалуй, и не сыщешь. Можно насчитать всего лишь нескольких обладателей таких состояний в Соединенных штатах и пять-шесть в Англии. Словом, на всем земном шаре найдется не более пятнадцати-двадцати таких богачей.

— И сверх всего еще и титул, — продолжал Октав, — титул баронета! Не скажу, чтобы я когда-либо мечтал о титуле, но раз уж так случилось, должен признаться, что это звучит гораздо приятнее, чем просто Октав Саразен.

Марсель выпустил клуб дыма из своей трубки и не произнес ни слова, но в этом попыхивании звучало такое насмешливое «пуф, пуф», что Октав счел нужным оправдаться:

— Конечно, мне никогда не пришло бы в голову присоединять всякие там приставки к своему имени или присваивать себе вымышленный титул, но быть обладателем настоящего титула, вписанного в книгу пэров Великобритании и Ирландии, это что-нибудь да значит!

Трубка Марселя продолжала выразительно попыхивать.

— Ты можешь сколько угодно возражать, — с жаром воскликнул Октав, — но благородство крови — великая вещь!..

Но тут он прикусил себе язык и, избегая насмешливо-го взгляда Марселя, быстро заговорил о другом:

— А ты помнишь, как наш учитель арифметики Бином внушил нам на уроках, что полмиллиарда такое большое число, что человеческий разум не мог бы ясно его представить, если бы на свете не было цифр. Подумай только, что если бы человек, обладающий полумиллиардом франков, в минуту тратил по франку, то ему понадобилась бы тысяча лет, чтобы истратить всю эту сумму! Нет, знаешь, как-то странно даже чувствовать себя наследником полу-миллиарда франков.

— Полмиллиарда франков! — повторил Марсель, потрясенный, повидимому, больше этой цифрой, чем самим событием. — А знаешь, как вы могли бы лучше всего распорядиться этими деньгами? Отдать их Франции на уплату контрибуции: Это была бы десятая часть всего, что ей надо выплатить.

— Не вздумай только внушать это отцу! — испуганно вскричал Октав. — Он способен на такой поступок. Мне кажется, что он уже задумал что-то в этом роде.. Вложить деньги в государственный заем — это еще куда ни шло, нам, по крайней мере, останутся хотя бы проценты...

— Ты, повидимому, сам того не подозревая, сущий капиталист по натуре, — сказал Марсель. — Боюсь, что для тебя, бедный мой Октав, было бы лучше, если бы это состояние оказалось не таким огромным. Я, конечно, не говорю о твоем отце, человеке здравомыслящем и трезвом, но для тебя я предпочел бы, чтобы у вас было, ну, примерно, тысяч двадцать пять годового дохода на двоих, пополам с сестренкой, а не эти чудовищные золотые горы, которые готовы на вас обрушиться.

Наступило молчание. Марсель снова принялся за работу, но Октав не в состоянии был ничего делать: он то вскакивал, то снова садился, то принимался шагать по комнате, так что Марсель наконец не выдержал:

— Ты бы лучше пошел прогуляться. Я вижу, ты совершенно неспособен заниматься сегодня.

— А правда, пожалуй, — ответил Октав, с радостью хватаясь за это предложение.

Надев шляпу, он сбежал с лестницы и мигом очутился на улице. Но, пройдя несколько шагов, он остановился

у первого же уличного фонаря и, вынув из кармана письмо отца, снова начал его перечитывать. Ему нужно было еще раз убедиться, что все это не сон.

— Полмиллиарда! Полмиллиарда! — повторял он. — Это значит по меньшей мере двадцать пять миллионов годового дохода! Если отец будет давать мне хотя бы миллион в год или даже полмиллиона, ну пусть даже четверть миллиона... какое это будет счастье! Ведь с деньгами можно все сделать. А уж я-то сумею их употребить! Ведь не дурак же я, на самом деле! Пройти конкурс в Центральную школу — это что-нибудь да значит! И ко всему этому у меня теперь титул баронета. Будьте покойны, я сумею носить его с достоинством...

Октав мимоходом взглянул на свое отражение в зеркальной витрине магазина.

«У меня будет свой собственный особняк, свой выезд. И у Марселя тоже будет собственная верховая лошадка. Ну ясно: если я буду миллионером, он будет жить точно так же, как я. Ах, как это чудесно! Полмиллиарда... И титул баронета! Вот странно: теперь, когда это случилось, мне кажется, что я давно этого ждал. Точно у меня было предчувствие, что вот-вот что-то случится, что я не всегда буду корпеть над книгами и чертежами. Ах! Полмиллиарда! Какое блаженство!»

Предаваясь этим восторженным мечтам, Октав шел по улице Риволи. Дойдя до Елисейских Полей, он свернул на улицу Рояль и вышел на бульвар. Прежде он с полным равнодушием проходил мимо витрин, зная, что все это великолепие, выставленное в них, не имеет к нему ни малейшего отношения. Но сейчас он остановился и как завороженный смотрел на сокровища, которые в любую минуту могли стать его собственностью.

«Все это мое! — мысленно говорил он себе. — Для меня голландские пряхи прядут свои тончайшие кружева, для меня эльбифские ткачи выделывают свои лучшие ткани. Для меня сияют тысячами огней люстры Гранд-Опера, надрываются скрипки, порхают по сцене балерины, поют знаменитые певицы. Это для меня жокеи объезжают лошадей, для меня загорается ослепительным светом Английское кафе. Весь Париж мой! Весь мир принадлежит мне! Я отправлюсь путешествовать. Ведь должен же я посетить свои владения в Индии... А там, в Индии, захочу и куплю себе пагоду, со всеми ее бонзами и идолами из слоновой кости... Заведу себе слонов. Устрою охоту на тигра. Гоеду кататься по морю в собственной шлюпке. Да

что шлюпка! Нет, я заведу себе роскошную быстроходную яхту и отправлюсь на ней в кругосветное плавание; буду останавливаться, где хочу. Да... кстати, насчет путешествий... Ведь я должен сообщить эту новость матери. Не отправиться ли мне сейчас в Дуэ? Гм... а как же школа? Ну что школа, о ней сейчас можно забыть. А вот Марсель... Ему надо дать знать. Пошли-ка ему телеграмму. Он, конечно, поймет, что мне не терпится увидеть своих».

Октав зашел на телеграф и дал Марселя телеграмму, в которой сообщал, что уезжает в Дуэ и вернется через два дня. Затем он кликнул фиакр и приказал везти себя на Северный вокзал.

Едва очнувшись в вагоне, он снова погрузился в свои волшебные мечты и промечтал всю дорогу. В два часа ночи он стоял у подъезда родительского дома и трезвонил изо всех сил, а из окон соседних домов высовывались испуганные лица, и любопытные кумушки спрашивали друг друга:

— Кто же это заболел? Звонят к доктору.

— Доктора нет в городе! — крикнула старая служанка, высунув голову в слуховое окошко из своего чулана на чердаке.

— Это я! Я, Октав! Откройте мне, Франсина.

Наконец, минут через десять, Октава пустили в дом. Мать и сестра Жанна, обе в халатах, выбежали ему навстречу, испуганные и изумленные этим неожиданным появлением среди ночи.

Октав вместо всяких объяснений прочел им вслух письмо отца.

Первое мгновенье госпожа Саразен словно осталась оцепенела, а потом со слезами радости бросилась обнимать сына и дочь. Маленькая Жанна, которой недавно исполнилось тринадцать лет, хотя и не совсем понимала, какая перемена произошла в их судьбе, все же радовалась, глядя на мать и на Октава. Ее воображение не сулило ей ничего такого, на что бы она согласилась променять свое тихое, мирное существование под крыльышком родителей, которые баловали, ласкали ее и не отказывали ей ни в чем.

Госпожа Саразен, выйдя замуж в очень молодом возрасте за человека, всецело отдавшегося науке, с благоговением относилась к занятиям мужа, хотя и не понимала его увлечения. Чуждая тех радостей, которые дает человеку творческая работа, она иногда чувствовала себя несколько одинокой рядом с этим подвижником науки и весь свой избыток нежности, все свои надежды перенесла на детей.

Когда Октав поступил в Центральную школу, это скромное учебное заведение, выпускавшее молодых инженеров, преобразилось в ее глазах в некий питомник знаменитостей. Она внущила себе, что Октава ждет блестящее будущее, что он уже на пути к славе, и единственное, что иной раз омрачало эти радужные мечты, был недостаток средств — препятствие, которое могло помешать головокружительной карьере сына, так же как и счастью ее дочки Жанны.

Теперь все эти опасения рассеялись, счастье ее детей было обеспечено, и чувство глубокой радости наполняло ее материнское сердце.

Мать с сыном чуть ли не до самого рассвета строили всевозможные планы, обсуждали тысячи проектов, а Жанна, слушая их, так и уснула в кресле.

Наконец, когда, усталые и счастливые, они уже собирались итти спать, госпожа Саразен спросила сына:

— Что же ты мнё ничего не говоришь о Марселе? Разве ты не показал ему письмо отца? Что он об этом думает?

— Ну разве ты не знаешь Марселя, — ответил Октав. — Ведь это настоящий философ, то, что называется стоик. Он, знаешь, испугался за нас... не за отца, конечно, — за него, как он сказал, нечего опасаться, — но что касается всех нас, тебя, Жанны и в особенности меня, он говорит, что его пугает это огромное богатство, что он предпочел бы для нас нечто более скромное — тысяч двадцать пять годового дохода.

— И, может быть, он прав, — ответила мать, задумчиво глядя на сына. — Есть такие натуры, которым неожиданное богатство может принести несчастье.

При этих словах Жанна проснулась.

— Ты помнишь, мама, — сказала она, поднимаясь и протирая глаза, — помнишь, как ты мне говорила, что Марсель никогда не ошибается? Я верю всему, что говорит Марсель.

И, поцеловав мать, Жанна вышла из комнаты.

III. Хроника происшествий

Когда доктор Саразен явился на четвертое заседание гигиенического конгресса, он обнаружил, что все его коллеги проявляют по отношению к нему исключительное внимание. До сих пор его светлость лорд Гландовер, кавалер ордена Подвязки и почетный президент собрания, едва

удостаивал замечать присутствие скромного французского врача.

На первом заседании конгресса, когда доктор Саразен подошел представиться президенту, лорд Гландовер в ответ на его приветствие ограничился всего лишь милостивым кивком, который можно было бы расшифровать так:

«Здравствуйте, маленький человечек! Это вы, кажется, добывая себе средства к существованию, изобрели какую-то маленькую машинку? Надо обладать моим острым зрением, чтобы рассмотреть с высоты моего величия столь незаметного человечка, копошащегося где-то там внизу. Но я милостив и добр и разрешаю вам приютиться под сенью моего величия».

Но на этот раз лорд Гландовер встретил доктора Саразена ласковой улыбкой и простер свою любезность до того, что указал ему на пустое кресло возле себя. Все остальные члены конгресса почтительно поднялись со своих мест.

Чрезвычайно удивленный этими знаками исключительного и лестного внимания к своей особе, доктор Саразен решил, что, повидимому, его камера для счета красивых телец признана весьма ценным изобретением и что работе его придают больше значения, чем ему казалось сначала.

Но это самообольщение длилось недолго. Едва только он сел на предложенное ему место, как лорд Гландовер, повернувшись всем телом, наклонился к его уху и шепнул:

— Я слышал, вы получили громадное наследство? Говорят, вы теперь стоите двадцать один миллион фунтов стерлингов. Правда это?

Лорд Гландовер был, повидимому, страшно огорчен, что он легкомысленно просчитался в своем обращении с человеком, представляющим собой такую громадную ценность. Вся его поза, казалось, говорила: «Почему же вы нас не предупредили? Ну, знаете, откровенно говоря, это нехорошо. Ввести человека в такое заблуждение!»

Доктор Саразен, который, по совести говоря, отнюдь не считал, что ценность его увеличилась хотя бы на одно су, только удивился, каким образом известие о его богатстве успело так быстро распространиться. Но в это время доктор Овидиус из Берлина, его сосед справа, повернулся к нему с притворно сладкой улыбкой и сказал:

— Как сообщает нам «Дейли телеграф», вы теперь не уступите самому Ротшильду, дорогой коллега... Разрешите вас поздравить.

И он протянул доктору свежевыпущенный номер газеты. Там, в отделе «Хроника происшествий», под заголовком «Наследство» красовалась следующая заметка, автора которой нетрудно было узнать:

«Многолетние поиски наследников колоссального состояния бегумы Гокооль стараниями многоопытных поверенных конторы «Биллоус, Грин и Шарп» (93, Соутгемптон-роу, Лондон) наконец увенчались успехом. Счастливым обладателем двадцати одного миллиона фунтов стерлингов, находящихся ныне на хранении в Английском банке, является французский ученый доктор Саразен, чей прекрасный доклад на гигиеническом конгрессе в Брайтоне был помещен на страницах нашей газеты всего три дня тому назад.

Долгие, терпеливые поиски и усилия, сопряженные со всевозможными препятствиями и злоключениями, описанию которых можно посвятить целую книгу, позволили наконец мистеру Шарпу установить, что доктор Саразен является прямым потомком Жан-Жака Ланжеволя из Бар-ле-Дюка, баронета, супруга бегумы Гокооль во втором браке.

В настоящее время для введения в права наследника осталось выполнить лишь некоторые формальности. Необходимые бумаги уже представлены на утверждение канцлеру. Столь удивительное сцепление обстоятельств приносит в дар французскому ученому британский титул и несметное богатство, собранное многими поколениями индийских раджей. Однако судьба могла оказаться и менее разборчивой, и мы можем только порадоваться, что это колоссальное состояние попало в руки человека, который сумеет распорядиться им достойным образом».

Доктор Саразен читал заметку со странным чувством досады. Ему была неприятна быстрая огласка этого события. Хорошо зная человеческую природу, он предвидел, что ему будут без конца надоедать, а главным образом он испытывал глубокое унижение от того, что люди придавали этой новости такое значение.

Доктору казалось, что его личное достоинство умалялось огромной цифрой состояния. Его труды и личные заслуги уже потонули в этом море золота даже в глазах его собратьев по науке. Они уже не ценили в нем неутомимого исследователя, тонкого, проницательного ученого, талантливого изобретателя,двигающего науку вперед, они ценили в нем только полмиллиарда. Будь он прирожденным кретином, или совершенно невежественным готтентотом, или даже абсолютным ничтожеством, ценность его

была бы та же. Как выразился лорд Гландовер, он теперь стоит двадцать один миллион фунтов стерлингов, не больше, не меньше. Его охватило чувство отвращения, и члены конгресса, которые с чисто научным интересом разглядывали сидящего среди них полумиллиардера, не без удивления констатировали, что физиономия представителя этой породы выражает явное недовольство.

Но доктор заставил себя подавить эту минутную слабость. Он вспомнил о той великой цели, которой решил посвятить свое нежданное богатство, и лицо его прояснилось. Во время перерыва, наступившего после доклада доктора Стивенсона из Глазго о воспитании малолетних идиотов, он встал и попросил слова.

Лорд Гландовер сейчас же дал ему слово, хотя на очереди было выступление доктора Овидиуса.

— Господа, — сказал доктор Саразен, — я хотел подождать несколько дней, прежде чем сообщить вам об этом удивительном событии, произшедшем в моей жизни, и о благоприятных перспективах, которые оно открывает для науки. Но, поскольку событие приобрело гласность, я считаю излишним умалчивать об этом... Итак, господа, я действительно оказался законным наследником громадного капитала, находящегося на хранении в Английском банке. Но нужно ли мне говорить вам, что я в данном случае являюсь не чем иным, как душеприказчиком науки! (Сенсация в зале.) Этот капитал принадлежит не мне — он принадлежит человечеству, прогрессу. (Движение в зале. Одобрительные возгласы. Дружные аплодисменты. Весь зал встает, взволнованный этими прекрасными словами.) Не аплодируйте мне, господа. Я твердо убежден, что каждый честный труженик науки, поистине достойный этого прекрасного имени, сделал бы на моем месте то же самое. Возможно, что кое у кого явится подозрение, что мной в данном случае руководит не столько преданность науке, сколько свойственное всем людям тщеславие. (Возгласы в публике: «Нет! Нет!») Ну что ж, не все ли равно. Ведь нам важно не то, что об этом будут думать и говорить. Нам важны результаты. Итак, я заявляю твердо и безоговорочно: полмиллиарда, столь неожиданно оказавшиеся в моих руках, принадлежат не мне. Они принадлежат науке. Я попрошу вас взять на себя труд помочь мне достойно распределить эти средства. Я не считаю себя достаточно компетентным и не возьму на себя смелость распоряжаться самолично таким громадным капиталом. Я предлагаю вам разделить со мной эту ответственность и

общими усилиями найти ему наиболее достойное применение. (Крики «ура». Восторженное смятение.)

Все поднялись с мест. Многие из членов конгресса влезли на столы. У профессора Тернбуэлла из Глазго лицо наливается кровью, и кажется, будто его сейчас хватит удар. Доктор Чиконья из Неаполя совсем задохнулся от восторга и ловит воздух открытым ртом, как рыба, вытащенная из воды. Один лорд Гландовер сохраняет величественное спокойствие и невозмутимость, приличествующие его высокому рангу. Впрочем, он совершенно убежден, что доктор Саразен мило шутит и, разумеется, не имеет ни малейшего намерения привести в исполнение столь безрассудный проект. Наконец в зале кое-как восстанавливается тишина, и доктор Саразен получает возможность продолжать.

— Итак, с вашего разрешения, господа, я позволю себе предложить вам на обсуждение следующий план, который вы легко сможете исправить, усовершенствовать и дополнить.

Услышав это заявление, члены конгресса напрягают слух и с благоговейным вниманием ловят каждое слово оратора.

— Господа, мы наблюдаем вокруг много причин болезней, нищеты и смертности. Я считаю необходимым обратить ваше внимание на одну из них, имеющую первостепенное значение: это чудовищные антисанитарные условия, в которых вынуждена жить большая часть человечества. Я имею в виду главным образом большие города, где скучена масса людей, вынужденных ютиться в тесных домах, зачастую лишенных света и воздуха — этих двух необходимых источников жизни. Эти чудовищно перенаселенные дома нередко являются настоящим рассадником всевозможных инфекционных болезней. Люди, живущие в таких условиях, обречены на преждевременную гибель. Те, что выживают, теряют здоровье и работоспособность, а государство в силу этого несет громадные потери в рабочей силе, которая могла бы быть использована производительно и рационально... Почему бы нам не попробовать, господа, прибегнуть для борьбы с этим злом к одному из самых могущественных средств — показать пример? Разве мы не могли бы объединить все силы нашего воображения, всю нашу изобретательность, для того чтобы создать проект образцового города, отвечающего самым строгим требованиям гигиены? (Возгласы: «Да! Да! Правильно! Прекрасно! Превосходная мысль!») А затем мы могли бы употребить наш капитал на постройку этого города и преподнести

его миру как пример, достойный подражания. («Да! Да! Браво!» Гром аплодисментов.)

Члены конгресса, охваченные исступленным восторгом, кричат, пожимают друг другу руки, бросаются к доктору, поднимают его и торжественно проносят по всему залу. Когда доктор наконец обретает свободу и в зале снова возвращается благоговейная тишина, он просит собрание разрешить ему продолжить речь.

— Господа, — продолжает доктор, — этот город, который каждый из нас мысленно видит перед собой, этот город здоровья и благоденствия через несколько месяцев может воплотиться в действительность и будет открыт для народов всех стран. Мы издадим на всех языках подробное описание и план нашего прекрасного города и распространим их по всему свету... Мы сделаем гражданами нашего города честных людей, которых душат нужда и безработица в перенаселенных столицах. У нас же найдут убежище и те, кого чужеземцы-победители обрекли на жестокое изгнание. У нас изгнанники, добровольные и невольные, найдут применение своим способностям, своим знаниям, они внесут в наше дело духовный вклад, более ценный, чем все сокровища мира. Мы построим прекрасные школы, которые будут воспитывать молодежь, руководствуясь мудрыми принципами высокой моральной, умственной и физической культуры, и это обеспечит нам в будущем здоровое, сильное и цветущее поколение.

Нет слов описать всеобщий энтузиазм, охвативший аудиторию, когда доктор Саразен закончил свою речь. Взрывы аплодисментов и крики «ура» не смолкали по меньшей мере четверть часа. Доктору с трудом удалось добраться до своего места, но едва только он сел, как лорд Гландовер, снова повернувшись всем туловищем, наклонился к нему и, многозначительно прищутившись, шепнул:

— Недурная идея! Вы рассчитываете на доходы с таможенного сбора. Городская пошлина — дело верное. Надо только хорошо организовать рекламу, собрать побольше влиятельных имен. А люди с расстроенным здоровьем или нуждающиеся в поправке после болезни охотно поедут к вам. Надеюсь, вы для меня прибережете хороший участочек?

Бедный доктор, глубоко оскорбленный упорной настойчивостью, с которой лорд Гландовер усматривал в его действиях одни лишь корыстные побуждения, хотел было ответить его светлости, но в это время вице-президент

дент предложил собранию выразить единодушное одобрение и благодарность автору столь высокогуманного проекта.

— Брайтонский конгресс, — сказал он, — где зародилась эта великая идея, будетувековечен в людской памяти. И мы должны признать, что человек, у которого возникла эта идея, поистине должен обладать высоким умом, большим сердцем и беспримерным великодушием. И вот теперь, когда нас посвятили в эту идею, не кажется ли нам странным и удивительным, что до сих пор она никому не приходила в голову? Сколько миллиардов, истраченных на кровопролитные войны, сколько состояний, выброшенных на бессмысленные спекуляции, могли быть вложены в этот прекрасный проект!

Закончив свою речь, оратор предложил наименовать новый город в честь его основателя «Саразина».

Предложение было единогласно принято, но, по просьбе доктора Саразена, его пришлось заново проголосовать.

— Нет, — сказал он, — мое имя здесь ни при чем. Не будем портить наш будущий город ни одним из этих нелепых наименований, заимствованных из латинского или греческого языка. От них веет невыносимой скукой. Ведь это будет город благоденствия... Я бы хотел дать ему имя моей родины. Давайте назовем его Франсевиль.

Разумеется, никому не пришло в голову спорить с доктором, и просьба его была немедленно удовлетворена. Итак, Франсевиль уже начал свое существование, пока только на словах, но сегодня же его должны были внести в протокол и таким образом запечатлеть на бумаге. Собрание уже приступило к обсуждению первого наброска проекта.

Но оставим почтенных членов собрания за этой полезной работой, которая столь отличается от их обычного времяпрепровождения, и последуем шаг за шагом за заметкой из хроники происшествий, напечатанной в «Дейли телеграф», по одному из ее бесчисленных маршрутов.

Вечером двадцать девятого октября эта заметка, перепечатанная слово в слово всеми английскими газетами, облетела все страны Соединенного королевства. Появилась она, между прочим, и в «Газетт де-Гулль» и, украсив собой этот скромный листок, отправилась с ним на груженной углем трехмачтовой шхуне «Мери Куин» в Роттердам, куда и прибыла первого ноября. Здесь ее сейчас же поймали и вырезали усердные ножницы главного ре-

дактора и единственного секретаря «Эко Нидерланд», затем перевёли на язык великих живописцев Куипа и Поттера, и второго ноября она на пароходе прикатила в город Бремен и тут пошла прямехонько в редакцию газеты «Бремен мемориал». Здесь ее приодели, причесали и перепечатали на немецком языке. Стоит ли упоминать о том, что тевтонский репортер, полюбовавшись на заманчивый заголовок, красующийся на немецком языке, не утерпел и, положившись на доверчивость читателей, смошенничал и подмахнул рядом: «От специального корреспондента в Брайтоне».

Таким образом, будучи жульнически онемечена, заметка приехала в редакцию внушительной «Газетт дю норд», где ее поместили на втором столбце третьей страницы, причем обкорнали ей заголовок, чересчур романический для такой солидной газеты.

Наконец третьего ноября вечером, пройдя через все эти перевоплощения, заметка очутилась в толстых руках здоровенного саксонца, лакея профессора Иенского университета Шульце, и пожаловала в комнату, служившую кабинетом, гостиной и столовой герру профессору.

Особа профессора Шульце, удостоенная столь высокого звания, на первый взгляд не представляла собой ничего интересного. Это был человек лет сорока пяти, довольно грузный; квадратные плечи свидетельствовали о его крепком телосложении. Редкие, цвета банной мочалки волосы на висках и на затылке окаймляли широкую лысину, начинавшуюся от самого лба. Бледноголубые глаза, лишенные всякого блеска, не выражали ничего, но этот тусклый взгляд вызывал неприятное ощущение. Тонкие длинные губы профессора Шульце разжимались словно только для того, чтобы отсчитывать слова, которые он скоро цедил, но, раздвигаясь, эти губы обнажали два ряда громадных зубов, которые, казалось, вцепившись, никогда не выпустят своей добычи. Все это вместе взятое производило весьма неприятное и даже отталкивающее впечатление, но сам профессор Шульце был, повидимому, весьма доволен своей внешностью.

Услышав шаги входящего лакея, профессор Шульце поднял глаза, взглянув на стенные часы изящной французской работы, которые резко выделялись среди окружающей его грубой безвкусицы, и сухо сказал:

— Без пяти семь... Последняя почта приходит ровно в шесть тридцать. Вы подаете ее сегодня с опозданием на двадцать пять минут. Если в следующий раз она не будет

у меня на столе ровно в половине седьмого, в восемь вы будете рассчитаны.

Лакей молча выслушал замечание и направился к выходу, но в дверях остановился и спросил:

— Прикажете подавать обед?

— Сейчас без пяти семь. Я обедаю ровно в семь... Пора вам изучить мои привычки. Вы служите у меня уже третью неделю. Запомните раз навсегда, что я никогда не изменяю распорядка дня и не имею обыкновения отдавать приказания дважды.

Профессор отодвинул газету на край стола и снова взялся за перо. Он заканчивал свою статью, которая должна была появиться через два дня в «Вестнике физиологии». Статья эта была озаглавлена: «Почему французы вырождаются из поколения в поколение?»

Между тем лакей подал обед, состоявший из огромного блюда сосисок с капустой и гигантской кружки пива. Все это он молча поставил на маленьком столике у камина и бесшумно удалился. Ровно в семь профессор отложил перо и, перейдя к маленькому столику, сосредоточил все свое внимание и усердие на сосисках с капустой. Покончив с этим, он позвонил, чтобы подали кофе, и, закурив большую фарфоровую трубку, снова уселся за свою работу.

Профессор дописал последнюю страницу часов около двенадцати и сейчас же прошел в спальню, чтобы предаться вполне заслуженному отдыху. Уже лежа в постели, он развернул газету и начал ее просматривать. Сон одолевал его и глаза уже смыкались, как вдруг внимание его было привлечено иностранной фамилией «Ланжеволь» в заметке о колоссальном наследстве. Тщетно старался он припомнить, почему это имя показалось ему знакомым, но, сколько он ни напрягал память, ничего не выходило. Отказавшись наконец от этих безуспешных попыток, профессор бросил газету в сторону, задул свечу и тут же захрапел. Но в силу какого-то странного физического процесса, на изучение и объяснение которого он когда-то сам положил немало труда, фамилия Ланжеволь преследовала его и во сне, и так неотступно, что, даже проснувшись утром, он поймал себя на том, что машинально повторяет ее.

И вдруг, когда он потянулся к ночному столику, чтобы взглянуть на свои карманные часы, его словно что-то осенило. Схватив валявшуюся на коврике у кровати газету, он несколько раз подряд прочел ту самую заметку, в которой вчера обратил внимание только на фамилию Ланжеволь. Потирая себе лоб рукой, он изо всех сил напрягал

память, силясь поймать какое-то мелькнувшее в его мозгу воспоминание, и вдруг, соскочив с постели и даже не накинув халата, бросился к камину и, сняв со стены старинную миниатюру, висевшую около зеркала, перевернул ее и провел рукавом по пыльному, пожелтевшему от времени картону.

Он не ошибся. На обратной стороне миниатюры виднелась выцветшая, полустертая от времени, но все же достаточно разборчивая надпись:

«Тереза Шульце, урожденная Ланжеволь».

В этот же вечер профессор Шульце отправился скорым поездом прямого сообщения в Лондон.

• IV. Раздел

Шестого ноября, в семь часов утра, герр Шульце вышел из вагона на вокзале Чэринг-Кросс. В двенадцать часов дня он уже входил в дом номер девяносто три на Соутгемптон-роу. Большой зал конторы разделялся надвое невысокой деревянной перегородкой; по одну сторону ее находилось помещение клерков, по другую — приемная. Здесь стояло полдюжины стульев, черный крашеный стол, стенные полки и на них бесчисленные ряды зеленых папок и толстенный справочник. Двое молодых людей мирно упивались хлебом с сыром — излюбленный завтрак всех стряпчих, писцов и нотариальных клерков во всех странах.

— Поверенные «Биллоус, Грин и Шарп»? — спросил профессор таким тоном, точно он требовал свой обед.

— Мистер Шарп у себя в кабинете. Ваша фамилия? По какому делу?

— Профессор Шульце из Иёны. По делу Ланжеволь.

Молодой клерк повторил эти слова в резиновую слуховую трубку, раструб которой торчал из стены возле его стула, но, получив ответ в собственную ушную раковину, не решился огласить его, ибо он звучал примерно так:

— По делу Ланжеволь? Гоните к чорту! Опять какой-нибудь сумасшедший пришел доказывать свои права.

— Это человек солидный, — шепотом сказал клерк, приложив руку ко рту. — Неприятный господин, но похоже, что с положением.

— Он что, из Германии?

— Так он сказал.

В трубке послышался вздох и горестное:

— Ну хорошо. Пустите.

— Второй этаж, дверь прямо, — громко сказал клерк, показывая на лестницу в глубине комнаты.

Профессор поднялся на второй этаж и очутился перед тщательно обитой толстым войлоком дверью, на которой черными буквами на медной дощечке красовалась надпись: «Мистер Шарп».

Мистер Шарп сидел за большим столом красного дерева. Комната, именовавшаяся его кабинетом, была обставлена на казенный лад: устланый войлоком пол, стулья с кожаными спинками, картотека и полка с делами. Мистер Шарп слегка приподнялся навстречу посетителю и, следуя утивому обычаю всех истинных чиновников, уткнулся с деловым видом в какую-то папку и по меньшей мере пять минут перелистывал лежащие в ней бумаги.

Наконец он повернулся к профессору Шульце, который молча сидел в кресле против него, и сухо сказал:

— Прошу вас, сударь, изложите мне ваше дело, и как можно короче. Я очень спешу и могу вам уделить всего лишь несколько минут.

Профессор слегка усмехнулся, явно давая понять, что его отнюдь не смущает этот холодный прием.

— Может быть, вы найдете возможным уделить мне еще несколько лишних минут, когда вы узнаете причину моего посещения, — сказал он.

— Я вас слушаю, сударь.

— Дело касается наследства Жан-Жака Ланжеволя из Бар-ле-Дюка. Я внук его старшей сестры, Терезы Ланжеволь, которая в тысяча семьсот девяносто втором году вышла замуж за моего деда Мартина Шульце, военного хирурга брауншвейгской армии. Он умер в тысяча восемьсот четырнадцатом году. У меня сохранились три письма Жан-Жака Ланжеволя к его сестре и письма моих родных, в которых упоминается о его пребывании в доме моего деда, где он был проездом после сражения при Иене. Кроме того, я, разумеется, могу представить метрические документы, устанавливающие мое происхождение.

Не будем утомлять внимание читателей подробным изложением всего, что говорил профессор Шульце мистеру Шарпу. На этот раз он изменил своей привычке и говорил весьма пространно. Правда, речь шла о том, о чем герр Шульце способен был говорить с неистощимым красноречием, ибо это была его излюбленная тема. Он стремился доказать англичанину мистеру Шарпу превосходство германской расы над всеми прочими. Предъявляя свои права на это наследство, Шульце главным образом ставил себе

задачей вырвать его во что бы то ни стало из рук француза, который способен употребить это богатство на какуюнибудь нелепость. Национальность его соперника — вот что больше всего возмущало профессора Шульце. Будь это немец, он, конечно, не стал бы настаивать на своих правах. Но то, что этот осмеливающийся выдавать себя за ученого французишка может обратить свой громадный капитал на распространение французских идей, — эта мысль приводила его в исступление, он готов был пойти на все, чтобы вырвать это наследство из рук соперника.

Казалось, трудно было понять, что общего между этими политическими рассуждениями и наследством бегумы. Но мистер Шарп был достаточно опытным дельцом, чтобы уловить высшую связь между этими национальными чаяниями германской расы и персональными чаяниями господина Шульце в отношении богатого наследства. Они, в сущности, были одного порядка.

Однако никаких сомнений быть не могло. Сколь ни удивительно было для профессора Иенского университета оказаться в родстве с отпрысками низшей расы, тем не менее доказательства были налицо: легкомысленная бабка-француженка несла свою долю ответственности за появление на свет этого несравненного образца человеческой породы.

Правда, это родство было весьма отдаленным, и, следовательно, права профессора Шульце на наследство по сравнению с правами доктора Саразена были также весьма отдаленными. Однако мистер Шарп тотчас же почуял возможность найти некие якобы законные основания для поддержания этих прав и, исходя из этой возможности, почуял и нечто другое, весьма заманчивое для фирмы «Биллоус, Грин и Шарп», а именно: превратить выгодное дело Ланжеволя в еще более выгодный громкий процесс, нечто вроде «Жорндайс против Жорндайса»¹ Диккенса.

Глазам мистера Шарпа представились груды гербовой бумаги, актов, протоколов, отношений. Но тут же у него мелькнула еще более блестящая мысль — постараться привести своих клиентов, в их же, разумеется, интересах, к некоему обоюдному соглашению, которое принесло бы ему, мистеру Шарпу, сразу и деньги и славу.

Итак, он сообщил герру Шульце, на каких основаниях наследником считается доктор Саразен, показал в подтверждение своих слов некоторые документы и дал понять,

¹ «Жорндайс против Жорндайса» — бесконечная судебная тяжба, описанная в романе Диккенса «Холодный дом».

что, может быть, фирма «Биллоус, Грин и Шарп» и возьмет на себя попытку доказать эфемерные права герра Шульце.

— Весьма эфемерные права, сударь, и если дело дойдет до суда, вряд ли из этого что-нибудь выйдет.

Фирма может взяться за дело, только полагаясь на чувство справедливости, столь глубоко присущее каждому немцу. Оно-то и должно заставить герра Шульце признать за фирмой несколько иное, но гораздо более несомненное право — право рассчитывать на его благодарность.

Профессор Шульце обладал достаточной сообразительностью и не мог не оценить логического хода рассуждений талантливого дельца. Он, разумеется, немедленно успокоил его на этот счет, воздержавшись, однако, от уточнения размеров своей благодарности.

Мистер Шарп учтиво попросил разрешения дать ему время поближе ознакомиться с делом и, всячески изъявляя Шульце свое внимание, проводил его до двери. Разумеется, теперь уж не было и речи о считанных минутах, которыми он так дорожил.

Герр Шульце уделился, вполне убедившись, что формально у него нет никаких прав претендовать на наследство бегумы, но в то же время твердо веря, что борьба между германской и латинской расой, — а вести эту борьбу — долг каждого уважающего себя немца, — несомненно, должна завершиться его торжеством.

Теперь для мистера Шарпа самым важным было узнать, как отнесется к этому доктор Саразен. Вызванный телеграммой из Брайтона, доктор в пять часов вечера явился в кабинет своего поверенного.

Доктор Саразен выслушал сообщение с полным спокойствием, удивившим даже мистера Шарпа.

Он без всяких обиняков тотчас же заявил, что действительно его родные часто вспоминали о двоюродной бабушке, которая воспитывалась в доме какой-то знатной дамы, уехала вместе с ней за границу, а потом вышла замуж в Германии. Но он не знал точно ни имени, ни степени своего родства с этой бабушкой.

Мистер Шарп, который уже успел заглянуть в свою картотеку, тщательно подобранныю по алфавиту, любезно предложил доктору ознакомиться с нею.

— По всей вероятности, — сказал он, — вопрос этот придется разрешить судебным порядком, ибо у второй стороны имеются все основания для тяжбы, а процессы такого рода имеют свойство тянуться весьма неопределенное время. Вы, разумеется, отнюдь не обязаны посвящать

своего соперника в ваши семейные воспоминания. Но письма Жан-Жака Ланжеволя к сестре, о которых говорил герр Шульце, как-никак свидетельствуют в его пользу. Несомненно, он постарается подкрепить их официальными данными, если ему удастся извлечь их из недр горэдских управлений. Но может случиться и так, что за отсутствием подлинных документов соперник не побоится пустить в ход и поддельные... Тут все нужно предвидеть. Не исключена даже возможность и того, что после всех этих расследований и раскопок закон признает за этой так некстати появившейся с того света Терезой Ланжеволь и ее ныне здравствующими потомками преимущественные права на это наследство. Во всяком случае, тут можно ждать массы всяческих осложнений, придиорок, недоразумений — словом, тысячи поводов для бесконечного затягивания дела. Один такой знаменитый процесс тянулся восемьдесят три года и прекратился только потому, что были истощены все средства: проценты, капитал — все было ухлопано дочиста! Так и здесь дело может тянуться без конца, пять, десять лет, а полмиллиарда тем временем попрежнему будут лежать в банке...

Доктор Саразен слушал все эти бесконечные разглашения и, не принимая за чистую монету всего, что преподносил ему мистер Шарп, все же невольно поддавался чувству унылой безнадежности. Он сравнивал себя с путешественником, устремившим нетерпеливый взор на желанную пристань, которая была уже вот-вот, совсем близко, и вдруг снова начала удаляться, становиться все меньше и меньше и наконец совсем скрылась из глаз. Так же случилось и с этим наследством: оно уже было в его руках, цель, для которой оно предназначалось, была почти достигнута, и вдруг все это стало опять зыбким, готовым вот-вот растаять у него на глазах.

— Ну-да... Что же делать? — наконец промолвил он.
— Что делать? — протянул мистер Шарп. — Гм... Трудно решить.

В конце концов, дело может принять и благоприятный оборот, мистер Шарп был в этом почти уверен. Английское судопроизводство — лучшее в мире. Несколько медлительное, правда, но действующее безошибочно. Можно не сомневаться, что через несколько лет доктор Саразен будет бесспорно владеть этим наследством... если, конечно, ха... ха... права его будут законно доказаны.

Доктор Саразен вышел из конторы мистера Шарпа, сильно поколебленный в своей уверенности, что права его

будут когда-либо доказаны, и совершенно убежденный в том, что ему надо выбирать одно из двух: или вести бесконечные тяжбы, или отказаться от своей мечты. И, вспомнив о прекрасном проекте, он тяжело вздохнул.

Между тем мистер Шарп, не откладывая, вызвал к себе профессора Шульце и заявил ему, что доктор Саразен никогда не слышал ни о какой Терезе Ланжеволь, что он категорически отрицает всякую возможность существования какой-либо немецкой родни и даже мысли не допускает ни о каком соглашении. Герру Шульце, если он желает настаивать на своих правах, не остается, повидимому, ничего другого, как подать в суд.

Мистер Шарп — лицо в данном случае абсолютно незаинтересованное, ибо его интерес к этому делу носит чисто профессиональный характер, — разумеется, не станет его отговаривать. Что лучшего может пожелать всякий юрист? Судебный процесс! Побольше судебных процессов, да таких, чтобы они тянулись несколько десятков лет, как обещает тянуться это дело. Мистер Шарп как професионал может только радоваться этому. Если бы он не опасался возбудить подозрения у профессора Шульце, то простер бы свою незаинтересованность вплоть до того, что предложил бы профессору в качестве защитника его интересов одного из своих коллег... О! Выбор защитника в таком деле имеет громадное значение. Профессия юриста в наши дни стала чем-то вроде большой дороги. Какие только проходимцы, авантюристы да сущие бандиты не толкуются на этом пути!

— А если этот доктор француз пойдет на соглашение? Сколько это может стоить? — внезапно спросил профессор.

Вот что значит умный человек: словами его не проведешь! Сразу видно, человек дела — не тратит времени даром, а идет прямо к цели. Мистер Шарп даже несколько огорчился такой необыкновенной прямолинейностью. Он стал доказывать герру Шульце, что дела так скоро не делаются, что нельзя предрешать исход переговоров, когда они еще не начаты, что если доктора Саразена и удастся склонить к соглашению, то не иначе как путем проволочки, чтобы у него отнюдь не могла явиться мысль, что герр Шульце готов идти на мировую.

— Прошу вас, сударь, — заключил он, — предоставьте это дело мне, положитесь во всем на меня, и я вам ручаюсь за успех.

— Я тоже ручаюсь, — сказал герр Шульце, — но я бы хотел знать, сколько это будет стоить.

Однако и на этот раз ему не удалось выведать у мистера Шарпа, в какую сумму английский поверенный расценивает немецкую благодарность, и он вынужден был предоставить юристу в этом деле полную свободу действий.

Когда на другой день доктор Саразен, вызванный мистером Шарпом, вошел к нему в кабинет, мистер Шарп, несколько встревоженный тем невозмутимым спокойствием, с которым доктор осведомился о своих делах, заявил ему, что по тщательном рассмотрении, взвесив все за и против, он пришел к выводу, что зло надо уничтожить в самом корне и лучшее, что можно сейчас сделать, — это предложить новому претенденту пойти на соглашение.

Мистер Шарп тут же подчеркнул, что немногие на его месте способны были бы проявить такое исключительное бескорыстие и дать своему клиенту подобный совет. Но он, мистер Шарп, печется об этом деле с истинно отеческой заботливостью и ставит себе целью привести его к скорейшему разрешению. Доктор Саразен, выслушав этот совет мистера Шарпа, признал его весьма разумным. Он так свыкся за эти дни с мечтой осуществить как можно скорее свой прекрасный проект, что готов был все принести ему в жертву. Отложить его на десятки лет или хотя бы даже на год было бы для него жестоким разочарованием. Слабо разбираясь в финансовых и юридических вопросах, он не вполне доверял пышным разглашениям мистера Шарпа, но тем не менее охотно готов был уступить свои права за солидную сумму наличными деньгами, которые позволили бы ему немедленно приступить к делу. Итак, исходя из этих соображений, он также предоставил мистеру Шарпу полную свободу действий.

Таким образом, английский поверенный добился того, чего хотел. Возможно, что другой на его месте поддался бы соблазну затянуть дело, затеять ряд бесконечных судебных процессов, которые обеспечили бы его на всю жизнь, обратившись в своего рода крупную пожизненную ренту. Но мистер Шарп был не из тех людей, которые занимаются длительными спекуляциями. Он видел перед собой возможность снять одним махом обильный урожай и решил не упускать случая. На другой день он сообщил доктору, что герр Шульце, повидимому, не возражает против того, чтобы вступить в переговоры о соглашении.

В следующий же за этим визит к доктору и затем к герру Шульце он по очереди сообщил своим клиентам, что противная сторона категорически отказывается от каких бы то ни было переговоров о соглашении и что, кроме то-

го, ходят слухи о где-то объявившемся третьем претенденте на наследство.

Эта игра тянулась примерно неделю. С утра все как будто складывалось как нельзя лучше, а вечером вдруг возникало какое-нибудь неожиданное препятствие, и все шло наスマрку. Бедному доктору то и дело расставлялись какие-то ловушки, капканы, западни... Мистер Шарп никак не мог решиться дернуть удочку — он очень боялся, что в самый последний момент рыба начнет биться, сорвется с крючка и уплывет у него из рук. Но по отношению к доктору Саразену все эти меры предосторожности были совершенно излишни. С самого первого дня доктор, во что бы то ни стало желавший избежать всяких проволочек, связанных с процессом, готов был пойти на любое разумное соглашение. Наконец, когда, по мнению мистера Шарпа, «психологический момент» наступил, или, выражаясь его более развязным языком, клиент был «готов», он мигом сматывал все свои снасти и предложил немедленно подписать соглашение.

Тут же нашелся и готовый к услугам благожелательный банкир Стилбинг, который предложил разделить капитал поровну между обеими сторонами, отсчитать каждому из них по двести пятьдесят миллионов и за эту неоценимую услугу удержать в качестве комиссионных всего лишь скромный излишек полумиллиарда — двадцать семь миллионов.

Доктор Саразен чуть было не бросился на шею мистеру Шарпу, когда тот явился к нему с этим предложением. Он готов был подписать эти условия тут же, он жаждал подписать их, он находил их великолепными и с радостью воздвиг бы золотые памятники банкиру Стилбингу, повеленному Шарпу и всей банкирской и сутяжнической братии Соединенного королевства.

Итак, составили акты, пригласили свидетелей. Чиновники в Сомерсет-хауз пустили в ход свою священную административную машину и круглые печати. Герру Шульце пришлось подчиниться.

Прижатый к стене мистером Шарпом, он, скрежеща зубами, должен был признать, что, имей он своим противником не столь покладистого человека, как доктор Саразен, все это обошлось бы ему много дороже.

Наконец все было покончено. Каждый из наследников получил по чеку на сто тысяч фунтов стерлингов к немедленной уплате и гарантийное обязательство на выплату

всего капитала тотчас же по завершении некоторых необходимых формальностей.

Так, к величайшей славе и торжеству англо-саксонской расы, закончилось это поистине удивительное дело.

Рассказывают, что в тот же вечер мистер Шарп обедал со своим приятелем Стилбингом в Кобсден-клубе, выпил бокал шампанского за здоровье доктора Саразена и другой за здоровье профессора Шульце, а потом, увлекшись, восхликал, приканчивая бутылку:

— Урра! Правь, Британия!.. Ну, разве есть народ, который может тягаться с нами!

Но, сказать правду, банкир Стилбинг считал своего приятеля существенным дураком, ибо, польстившись на двадцать семь миллионов, он выпустил из рук дело, которое могло бы принести по меньшей мере пятьдесят, и то же самое думал профессор Шульце, которого, представьте себе, вынудили пойти на это дурацкое соглашение! А подумать только, что можно было сделать с таким человеком, как доктор Саразен! Легкомысленный, неустойчивый кельт да к тому же еще и одержимый.

Герр Шульце слышал о проекте идеального города Франсевилля, и затея доктора Саразена казалась профессору нелепой. Он заранее предсказывал ее полный провал, ибо она, по его мнению, противоречила закону эволюции, который обрекал латинскую расу на вырождение, на полное подчинение германской расе, а в дальнейшем на полное исчезновение с лица земли. Однако если проект доктора будет в какой-то мере осуществлен и, тем паче, если представить себе, что он будет иметь успех, этот процесс может нежелательным образом затянуться. Поэтому долг каждого истинного немца, признающего этот незыблемый закон и приверженного идеи мирового порядка, — стараться всеми силами помешать безумной затее. И тут становилось ясно, что именно он, профессор Шульце, доктор химических наук, приват-доцент Йенского университета, известный своими многочисленными трудами о различии рас — трудами, в которых он доказывал, что германская раса избрана поглотить все другие, — именно он призван великой неизменной созидательной и разрушительной силой природы уничтожить этих пигмеев, осмелившихся взбунтоваться против нее. От века было предрешено, что Тереза Ланжеволь соединится браком с Мартином Шульце и что обе эти расы — германская в лице профессора Шульце и латинская в лице доктора Саразена — столкнутся друг с другом и первая уничтожит вторую.

И вот он, Шульце, уже держит в своих руках половину состояния доктора Саразена — оружие, которым он будет бороться.

Впрочем, этот поединок в программе профессора Шульце отнюдь не стоял на первом месте: он только дополнял его другие, гораздо более обширные планы об истреблении всех народов, которые не захотят слиться с германской рабой и посвятить себя служению Фатерланду.

Однако, объявляя себя беспощадным врагом французского ученого, профессор Шульце считал необходимым поближе ознакомиться с его проектом, если только это можно было назвать проектом. С этой целью он принял участие в международном гигиеническом конгрессе и стал аккуратно посещать его заседания. После одного из таких заседаний, когда члены конгресса покидали зал, доктор Саразен и кое-кто из присутствующих услышали, как профессор Шульце в разговоре с кем-то громко заявил, что одновременно с Франсевиллем будет воздвигнут другой мощный город, который сотрет с лица земли этот противостоятельный, нелепый муравейник.

— Я надеюсь, — прибавил он, — что опыт, который мы проделаем, послужит примером всему миру.

При всей своей любви к человечеству доктор Саразен отлично знал, что не все его ближние достойны именоваться филантропами. Человек здравомыслящий, он тут же сказал себе, что никогда не стоит пренебрегать никакой угрозой, и хорошо запомнил эти слова своего противника. Спустя некоторое время в письме к Марселю, которому он предлагал принять участие в своем проекте, он рассказал об этом случае и так живо изобразил профессора Шульце, что юный эльзасец понял, с каким жестоким врагом предстоит иметь дело добруму доктору Саразену. Письмо доктора заканчивалось следующей фразой:

«Нам понадобятся сильные и энергичные люди, деятельные и неутомимые ученые, не только для того, чтобы со-зидать, но и для того, чтобы защищаться в случае надобности».

Марсель тотчас же ответил ему:

«Если я в настоящее время и лишен возможности принять участие в разработке вашего проекта, вы твердо можете рассчитывать на то, что я приду вам на помощь в нужный момент. Я постараюсь не упускать из виду этого Шульце, которого вы так живо описали. Мой долг эльзасца обязывает меня поближе ознакомиться с его планами. Поверьте мне, что вдали от вас я попрежнему предан вам

и вашей семье. И если даже в течение нескольких месяцев, а может быть, и лет вы ничего не услышите обо мне, не беспокойтесь. Где бы я ни был, все мысли мои и силы будут устремлены на то, чтобы трудиться на пользу вам и служить Франции».

V. Стальной город

Прошло пять лет с тех пор, как наследство бегумы перешло в собственность ее наследников. Действие происходит теперь в Соединенных штатах, на юге Орегона, в десяти милях от побережья Тихого океана, где между двумя пограничными государствами раскинулся обособленный округ, представляющий собой нечто вроде американской Швейцарии.

Действительно, он напоминает Швейцарию: крутые утесы вонзают в небо свои остроконечные вершины, глубокие лощины прорезают длинные цепи гор, величественный и дикий ландшафт открывается перед вами, если вы глядите на него сверху, с высоты птичьего полета.

Но это не та европейская Швейцария, где жители мирно пасут скот на горах, содержат гостиницы для туристов или избирают себе профессию проводника, — нет, это скорее альпийские декорации: скалистые горы, ущелья, поросшие вековыми сосновами, а под всем этим царство железа и каменного угля.

Если бы какой-нибудь путник, прельстившийся этим уединенным пейзажем, остановившись, прислушался к горной тишине, он не уловил бы в этом величественном безмолвии того гармонического лепета жизни, которым наполнены ущелья Оберланда. До него донеслись бы издалека глухие удары молота, и он почувствовал бы у себя под ногами тяжкое содрогание, подобное отдаленному взрыву. И ему могло показаться, что он стоит на сцене необыкновенного театра, что эти громадные скалы пусты внутри и что они в любую минуту могут опуститься в какие-то таинственные недра.

Дороги, усыпанные золой и щебнем, извиваются по склонам гор. Среди пучков желтой, опаленной травы кусочки синеватого шлака, отливающие всеми цветами, горят, как глаза василиска¹. Там и сям колодец заброшенной шахты, размытый дождями, поросший колючим терновни-

¹ Василиск — сказочное чудовище, убивающее взглядом людей и животных, иссушающее своим дыханием траву.

ком, зияет своей разинутой пастью, открывая бездонную пропасть, напоминающую кратер потухшего вулкана. Воздух пропитан копотью и плотно окутывает землю темной пеленой. Ни одна птица не пролетит, даже мошка исчезла отсюда, и никто и не помнит, водились ли здесь когда-нибудь бабочки.

Обманчивая Швейцария! На северной границе этого горного района, там, где крутые уступы переходят в отлогую равнину, открывается между двумя грядами голых холмов так называемая «красная пустыня» — бурая обнаженная земля, вся пропитанная окисью железа. Ныне она именуется «Штальфельд», что значит «стальное поле».

Представьте себе горное плато, простирающееся на пять-шесть квадратных миль, с песчаной почвой, усеянной каменным щебнем и галькой, безжизненное, пустынное, как высохшее морское дно. Природа ничего не сделала, чтобы оживить эту пустыню; но человек проявил здесь неожиданно свою энергию и настойчивость.

За пять лет на голой, каменистой равнине выросло восемнадцать рабочих поселков с маленькими деревянными домишками, серыми и одинаковыми; их привезли совсем готовыми из Чикаго, и теперь здесь живет многочисленное рабочее население.

В самом центре рабочих поселков, у подножия горного кряжа, таящего неистощимые запасы каменного угля, возвышается гигантское мрачное сооружение — правильные ряды зданий с симметрично расположенным рядами окон, а над красными крышами этих зданий — густой лес цилиндрических труб, непрестанно изрыгающих громадные клубы черного дыма; этот дым обволакивает небо черной пеленой, которую то и дело прорезают огненные снопы искр. Ветер доносит издалека глухой грохот, похожий на раскаты грома или на гул прибоя, но более ритмичный и величественный.

Это Штальштадт — Стальной город, собственное владение герра Шульце, бывшего профессора химии Иенского университета, а ныне благодаря миллионам бегумы крупнейшего в мире сталелитейщика, который занимается главным образом отливкой пушек, поставляя их во все страны Нового и Старого Света.

Он отливает пушки всех видов и всех калибров, с гладким каналом и с нарезкой, для России и для Турции, для Румынии и Италии, для Японии и Китая, но больше всего для Германии.

Благодаря могущественной силе денег как бы по мановению волшебной палочки выросла эта чудовищная громада, этот город, город- завод, где живут и работают тридцать тысяч рабочих — преимущественно немцев. В два-три месяца продукция этого нового завода благодаря своему высокому качеству приобрела мировую известность.

Профессор Шульце добывает железную руду и каменный уголь из своих собственных шахт; тут же переплавляет их в сталь и тут же отливает из нее пушки. Он сумел достичнуть того, что не удавалось ни одному из его конкурентов. Во Франции делали отливки весом до сорока тысяч килограммов; в Англии удалось отлить чугунную пушку в сто тонн весом; в Эссене, на заводе Круппа, отливают бруски стали весом до пятисот тысяч килограммов, но для герра Шульце не существует никаких пределов: закажите ему пушку любого веса, любой мощности — он отольет ее в точности, блестящую, как новенькая монетка, аккуратно в назначенный срок.

Но он и сдерет с вас за нее, можете быть уверены. Пожалуй, что доставшиеся ему миллионы только разбудили в нем аппетит.

В пушечном производстве, так же как и во всяком другом, впереди всех оказывается тот, кто умеет делать то, чего не умеют другие. Излишне говорить, что пушки герра Шульце отличались не только тем, что они могли быть любого размера, но также и своим превосходным качеством. Они, разумеется, изнашивались от употребления, но они никогда не разрывались. Штальштадтская сталь обладала, повидимому, какими-то особыми свойствами. Каких только сказок не рассказывали о штальштадтских таинственных сплавах и химических секретах! Безшибочно же можно было сказать только то, что никто не знал, в чем заключаются эти секреты. И еще можно было не сомневаться в том, что в Штальштадте умеют хранить секреты.

В этом уголке Северной Америки, отрезанном от мира стеной гор, окруженному пустыней, в городе, удаленном от населенных мест, вы не нашли бы следа той свободы, из которой выросла могучая сила республики Соединенных штатов.

Если бы судьба привела вас к стенам Штальштадта, тщетно стали бы вы пытаться проникнуть в его тяжелые ворота, от которых в обе стороны тянутся глубокие рвы и высятся укрепления. Суровая, неумолимая стража немедленно вернет вас обратно. Вам придется остановиться в одном из предместий. Войти в Стальной город вы можете,

только если знаете магическое слово, пароль, или если у вас имеется пропуск со всеми надлежащими печатями и подписями.

Такой пропуск, повидимому, был у молодого рабочего, который в одно пасмурное ноябрьское утро прибыл в Штальштадт и, оставив в гостинице предместья свой потерянный кожаный чемодан, направился пешком к ближайшим городским воротам.

Это был рослый малый, крепкого сложения, одетый на манер американских колонистов в шерстяную фуфайку без воротника, свободную блузу и широкие бархатные штаны, засунутые в высокие сапоги. Низко надвинув на глаза широкополую фетровую шляпу, словно стараясь скрыть свое прокопченное угольной пылью лицо, он легкой походкой, тихонько посвистывая, шел к городу.

Подойдя к воротам, молодой человек протянул караульному бумажку, на которой было что-то напечатано, и его тотчас же пропустили.

— У вас пропуск к мастеру Зелигману, сектор «К», улица девять, мастерская семьсот сорок три, — сказал караульный. — Пойдете направо по окружному шоссе до указательного знака «К» и там подойдете к будке. Правило знаете? За вход в чужой сектор тут же увольняют! — крикнул он вслед удалявшемуся молодому человеку.

Молодой рабочий пошел по указанному направлению и очутился на шоссе. Справа от него тянулся глубокий ров, обнесенный крепостным валом, по которому прохаживались часовые. Слева вилась лента окружной железной дороги, а за нею высилась точно такая же стена, как та, что окружала город. Таким образом, весь город был построен наподобие концентрических кругов, разделенных радиальными укреплениями на отдельные, не сообщающиеся между собой секторы. Каждый круг, в свою очередь, был опоясан рвом и крепостной стеной.

Вскоре молодой человек подошел к табличке со знаком «К», указывавшей на громадные ворота, на которых красовалась та же буква, высеченная из камня. Он постучал в окошко будки. К нему вышел инвалид на деревянной ноге, с медалью на груди. Он внимательно прочел бумажку, приложил к ней еще одну печать и сказал:

— Пойдете прямо. Девятый поворот налево.

Молодой человек миновал этот второй заградительный пост и очутился наконец в секторе «К». По обе стороны дороги, которая вела от ворот, тянулись под прямым углом ряды одинаковых строений.

«У вас пропуск к мастеру Зелигману...»

Грохот машин становился все оглушительней. Эти се-
рые громады, глазеющие тысячью светящихся окон, были
похожи на каких-то чудовищ. Но пришелец, повидимому,
привык к такого рода зрелищу и не обращал на него ни-
какого внимания.

Минут через пять он завернул на девятую улицу и,
разыскав цех 743, вошел в небольшое помещение, застя-
ленное стеллажами и картотеками, среди которых восседал
мастер Зелигман.

Мастер взял пропуск, внимательно прочел его и пере-
вел глаза на молодого человека.

— Пудлинговщиком поступаете? — спросил он. — Уж
очень вы молоды.

— Не в возрасте дело, — отвечал молодой рабочий. —
Мне скоро будет двадцать, а я уже семь месяцев как ра-
ботаю пудлинговщиком. Могу вам показать аттестаты,
которые я предъявлял начальнику вашей конторы по най-
му в Нью-Йорке.

Молодой человек говорил по-немецки свободно, но с
каким-то легким акцентом, который, повидимому, вызвал
некоторое подозрение мастера.

— Вы эльзасец? — внезапно спросил он.

— Нет, я швейцарец, из Шаффгаузена. Да вот, я могу
вам показать мои бумаги.

Он вынул из кожаного портфеля паспорт, аттестаты и
удостоверения и протянул все это Зелигману.

— Хорошо, хорошо, — сказал тот, успокоившись при
виде официальных документов, — в конце концов, вас при-
няли, а мое дело только указать вам рабочее место.

Он вписал имя Иоганна Шварца в большую книгу, за-
тем написал это имя на голубой карточке под номером
57938 и вручил ее молодому рабочему.

— Ежедневно в семь утра вы должны являться к буд-
ке у ворот и предъявлять эту карточку, по которой вас
будут пропускать в ворота. В будке вы возьмете жетон с
вашим номером и утром, приходя, будете предъявлять
этот жетон мне. В семь часов вечера, по окончании рабо-
ты, вы будете опускать этот жетон в ящик у входа в
цех. Ровно в семь, ни минутой раньше.

— Мне известны все правила... А я могу жить на тер-
ритории завода? — спросил Шварц.

— Нет, вы должны найти себе помещение в поселке,
но питаться вы можете в цеховой столовой за очень уме-
ренную цену. Ваша заработная плата пока что будет доллар
в день. Через каждые три месяца она увеличивается на

двадцать процентов... Взысканий у нас нет никаких. При первом же нарушении правил я отдаю приказ об увольнении. Приказ подписывает инженер цеха. Вы хотите сегодня приступить к работе?

— А почему бы нет?

— Предупреждаю, что сегодняшний день будет считаться за полдня, — сказал мастер и, предложив Шварцу следовать за ним, направился к внутренней галлерее.

Они прошли широким коридором, пересекли небольшой двор и вошли в обширное помещение, которое своим устройством и видом напоминало дебаркадер¹ большого вокзала. Окинув цех взглядом профессионала, Шварц на секунду замер на месте от изумления.

По обе стороны длинной платформы шли в два ряда высокие мощные колонны, похожие на колонны храма святого Петра в Риме. Они упирались наверху в стеклянный свод, а местами выходили наружу. Это были трубы пудлинговых печей². Их было пятьдесят в каждом ряду. С одной стороны платформы ежеминутно подходили поезда с чугуном, которым загружали печи; с другой — этот чугун, уже превращенный в железо, грузили в прибывающие пустые составы.

Это превращение и достигается пудлингованием.

Куски чугунного сплава укладывают в печь, в которую предварительно засыпают шлак. Печь накаливают до известной температуры, и когда сплав превращается в вязкую массу, пудлинговщик мешает ее в огне большой железной клюшкой до тех пор, пока она не приобретает определенной степени упругости. Затем, разделив ее на четыре части — «крицы», он передает их одну за другой на паровой молот или прокатный стан, под действием которых из крицы удаляются заключенные в ней шлаки, и она принимает призматическую форму так называемой болванки.

Когда огненная масса немного остывает, ее снова бросают в печь и, накалив до нужной степени, опять кладут под паровой молот.

В этой огромной кузнице стоял непрерывный грохот; с веем двигались взад и вперед тысячи приводных ремней,

¹ Дебаркадер — крытая вокзальная платформа..

² Пудлингование — устаревший способ переработки чугуна в железо посредством плавления в особых (пудлинговых) печах, где расплавленный чугун перемешивается рабочими-пудлинговщиками или механической мешалкой. При этом часть углерода чугуна выгорает, и расплавленный металл превращается в тестообразное железо.

в воздух взлетали огненные споны искр, нестерпимое белое пламя слепило глаза. Человек среди этого яростного рева порабощенной материи казался почти ребенком.

В действительности же эти пудлинговщики были рослые, крепкие молодцы! Поистине нужно обладать железной выносливостью и громадной физической силой, чтобы в этой адской температуре в течение нескольких часов подряд мешать в пылающей печи раскаленную добела металлическую массу и при этом не спускать с нее глаз. Самый здоровый человек не может выдержать такого режима больше десяти лет.

Шварц, как бы желая показать мастеру, что он к этому делу привычен, сбросил с себя блузу, снял шерстяную фуфайку и, обнажив торс молодого атлета с отчетливо обрисовывающимися крепкими мускулами, вооружился клюшкой и начал умело орудовать в печи.

Убедившись, что он прекрасно справляется с этим делом, мастер оставил его за работой, а сам вернулся в контору.

Юноша работал без перерыва до самого обеда. Но, потому ли, что он вносил в свою работу слишком много рвения, или, может быть, недостаточно подкрепился с утра, он вдруг как-то сразу выдохся и ослаб, что тотчас же заметил старший в бригаде.

— Нет, ты в пудлинговщики не годишься, — сказал он. — Лучше сейчас же просись в другой цех, а то потом поздно будет.

Шварц стал уверять его, что это случайная усталость, которая скоро пройдет, и что он может пудлинговать не хуже всякого другого. Тем не менее бригадир счел нужным доложить начальству, и молодого рабочего тотчас же вызвали к старшему инженеру.

Инженер тщательно проверил его документы и, покачав головой, сурово спросил:

— Разве вы пудлинговщиком работали в Бруклине?

Шварц в смущении опустил глаза.

— Я уж вам сознаюсь, что я работал литейщиком... Хотел заработать побольше, вот и решил пойти в пудлинговщики.

— Вот все вы так, — с досадой сказал инженер, пожимая плечами. — В двадцать пять лет вы хотите делать работу, которая и в тридцать пять не всякому под силу... Хороший ли вы литейщик по крайней мере?

— Последние два месяца я числился по первому разряду.

Юноша работал без перерыва до самого обеда.

— Незачем вам было и переходить. Здесь вы начнете с третьего. И еще будьте довольны, что вам дают возможность перейти в другой цех.

Инженер черкнул несколько слов на бланке, отправил его по проволочному телеграфу и, обратившись к Шварцу, сказал:

— Верните ваш жетон, выходите из цеха и отправляйтесь прямо в сектор «О», в контору старшего инженера. Он предупрежден.

У ворот сектора «О» Шварцу снова пришлось пройти через все те формальности, какие он преодолел, чтобы попасть сюда.

Его допросили, прежде чем впустить, потом направили к мастеру, и тот сам проводил его в литейный цех.

Здесь работа была более спокойная и не такая напряженная.

— Это у нас малый цех, — сказал мастер, — мы отливаем здесь только сорокадвухмиллиметровые пушки. К отливке больших орудий допускаются только рабочие первого разряда.

«Малый» цех имел сто пятьдесят метров в длину и шестьдесят пять в ширину. В нем помещалось по меньшей мере шестьсот тигельных печей¹.

Посредине цеха, во всю длину его, шло продольное углубление. В нем стояли наготове формы, куда поступала расплавленная сталь. Возле каждой формы стоял рабочий, наблюдавший за плавкой в тиглях. Когда проба показывала, что плавка готова, наблюдающий давал сигнальный звонок, и тотчас же к каждой печи по очереди подходили двое рабочих, несших на плечах железную штангу с крюками на обоих концах. По свистку бригадира тигель вынимали из огня при помощи щипцов и вешали на крюки штанги. Рабочие плавным движением опрокидывали содержимое тиглей в специальные желоба из огнеупорной глины, по которым расплавленная сталь стекала в воронку, расположенную под формой, а раскаленные тигли опускали в приспособленную для этой цели ванну.

Операция эта совершалась в течение десяти секунд, с такой быстротой и точностью движений, что последний тигель опускался в ванну в тот самый момент, когда стрелка на хронометре бригадира отмечала десятую секунду.

Железная дисциплина, привычка, приобретенная опы-

¹ Тигель — сосуд из огнеупорного материала. Применяется для плавки металлов.

том, и ритмическая согласованность всех движений совершили это чудо.

Шварц, повидимому, был хорошо знаком с этим процессом. Его поставили в пару с рабочим его роста и после проверки работы на отливке высшего сорта признали пре- восходным литейщиком. После окончания работы старший сказал ему, что он может надеяться на быстрое повышение.

Когда Шварц в семь часов вечера вышел за пределы Стального города, он первым делом отправился в гостиницу за своим чемоданом. Оттуда он пошел по дороге, которая вела к группе домиков, замеченных им еще утром. Здесь он без труда нашел себе комнатку у одной добродушной женщины, которая взяла его на полный пансион.

Поужинав, он заперся у себя в комнате, вынул из кармана кусок стали и кусок тигельной глины, которые он незаметно подобрал в литеиной, и при свете коптящей лампы стал внимательно рассматривать их.

Затем, достав из чемодана толстую переплетенную тетрадь, он стал перелистывать ее, просматривая записи, вычисления, формулы, и, наконец открыв ее на шестой странице, записал шифром, ключ которого был известен только ему одному:

«Десятое ноября. Штальштадт. В методе пудлингования не обнаружил ничего особенного. Взаимоотношения температур, сравнительно невысоких при первой и повторной плавке, соответствуют правилам Чернова. Что же касается литья, оно производится по способу Круппа, но с совершенно изумительной точностью и согласованностью действий.

В этой точности и кроется секрет успеха немцев. Он объясняется присущей немцам музыкальностью. Англичанам труднее достигнуть такого совершенства, и не столько из-за дисциплины, сколько из-за отсутствия слуха. А вот французы, лучшие танцоры в мире, легко могли бы этого добиться. Пока что не нахожу ничего загадочного в этом замечательно поставленном производстве. Образцы руды, которые я подобрал в горах, мало чем отличаются от наших доброкачественных железняков. Каменный уголь действительно очень высокого металлургического качества, но не отличается никакими другими особенностями. Несомненно, к процессу обработки у Шульце приступают только после тщательной очистки руды, но это не так трудно осуществить. Теперь для того, чтобы до конца проникнуть в эту загадку, мне осталось только определить состав

огнеупорной глины, из которой они делают тигли, литейные формы и трубы. Когда этот секрет будет у нас в руках и мы приучим наших рабочих-литейщиков к такой же дисциплине и точности, я не сомневаюсь, что мы сможем делать у себя то же, что делают здесь. Правда, я видел пока еще всего только два цеха, а их по крайней мере двадцать четыре, не считая центрального аппарата, планового и модельного отделов и секретного кабинета. Что-то они замышляют в этих катакомбах? После угроз герра Шульце, заполучившего в свои руки такое наследство, можно опасаться всего».

Тут Шварц, почувствовав усталость, захлопнул тетрадь, разделся, взял какую-то старую книжку и, улегвшись в постель, которая отличалась всеми неудобствами типичной немецкой постели, закурил трубку.

Мысли его блуждали где-то - далеко. Попыхивая трубкой, он рассеянно следил за легкими облачками светлого ароматного дыма. Наконец он отложил книгу и долго лежал задумавшись, словно углубившись в решение какой-то трудной задачи.

— Ах, что бы там ни было, — вдруг воскликнул он, — хотя бы ему сам чорт помогал, все равно я проникну в его секрет и узнаю, что он там такое задумал против Франсевилля!

Он уснул с именем доктора Саразена на устах, но во сне с губ его срывалось другое имя, имя маленькой девочки Жанны. Она все еще была девочкой в его воспоминании, хотя, с тех пор как они расстались, она уже успела превратиться в взрослую девушку. Конечно, это было естественной ассоциацией идей. Мысль о докторе влекла за собой невольное воспоминание о его дочери... Во всяком случае, когда Шварц, или, вернее, Марсель Брукман, проснулся на другой день, все еще полный мыслями о Жанне, он ничуть не удивился упорству этого воспоминания, а усмотрел в этом лишь новое подтверждение правильности превосходных психологических трактатов Стюарта Милля.

VI. Шахта Альбрехт

Госпожа Бауэр, добрая женщина, у которой поселился Марсель Брукман, была швейцарка. Муж ее, рудокоп, погиб четыре года тому назад, во время одной из тех катастроф, которые ежеминутно угрожают жизни шахтера. Завод выплачивал ей маленькую пенсию — тридцать дол-

ларов в год; к этому присоединялось то, что она выручала от сдачи внаем комнаты со столом, и заработка ее маленького сына Карла.

Хотя Карлу было только тринадцать лет, он уже работал в шахте; на его обязанности лежало открывать после прохода вагонетки с углем подъемную дверь, которая служит в шахте для вентиляции и правильного циркулирования воздуха. Домик, где жила бедная вдова, находился далеко от шахты Альбрехт, и мальчику было не под силу совершать каждый день утомительное путешествие; ему было поручено сменять вечером конюха в подземной конюшне и ходить за шестью лошадьми.

Таким образом, жизнь Карла изо дня в день круглые сутки протекала на глубине пятисот метров под землей. Днем он дежурил у подъемной двери, ночью спал на соломе возле своих лошадей. Только раз в неделю, по воскресеньям, он поднимался на землю и в течение нескольких часов мог наслаждаться благами, доступными каждому человеку: солнечным светом, синевой неба и материнской улыбкой. Легко представить себе, что этот мальчик после недельного пребывания под землей отнюдь не был похож на краснощекого сорванца своих лет. Он напоминал скорее какого-то сказочного гнома, а еще его можно было принять за маленького трубочиста или за негритенка. Первой заботой госпожи Бауэр было хорошенько отмыть его с помощью изрядного количества мыла и горячей воды. На это уходило немало времени. Потом она извлекала из недр своего большого шкафа хорошенький костюмчик из толстого темного сукна, переделанный из отцовского сюртука, и, облачив в него Карла, весь день любовалась своим сынишкой, не сводя с него глаз.

Отчищенный от угольной пыли, Карл и в самом деле был не хуже других ребятишек. Волосы у него были светлые, шелковистые, а на бледном, прозрачном лице сияли кроткие голубые глаза; он был очень маленького роста для своих лет. Жизнь под землей делала его слабым и болезненным, как хилое растение, выросшее без солнечного света, в подвале. Если бы кто-нибудь взял на себя труд исследовать его кровь при помощи аппарата доктора Сарзена, у него, несомненно, обнаружили бы явный недостаток кровяных шариков.

Характер у Карла был спокойный, несколько флегматичный, и в его манере держать себя уже обнаруживалось то молчаливое сознание собственного достоинства, которое благодаря чувству постоянной опасности, суровому труду

и упорству, необходимому в этом труде, развивается у каждого шахтера. Любимым занятием мальчика было, усевшись рядом с матерью за большим столом, стоявшим посреди комнаты, накалывать на картон чудовищных насекомых, которых он находил под землей.

Теплая и ровная атмосфера шахт имеет свою фауну, мало исследованную натуралистами; то же можно сказать и о подземной флоре — странных зеленоватых мхах, причудливых грибовидных растениях, похожих на какие-то бесформенные хлопья.

Инженер Маульсмюле, страстный энтомолог¹, чрезвычайно интересовался этой подземной жизнью. Он обещал мальчику, что будет давать ему серебряную монету за каждый экземпляр насекомого нового вида. Это обещание заставляло мальчугана тщательно обыскивать все закоулки шахты и постепенно развило в нем любовь к коллекционированию. Теперь он уже с увлечением собирал насекомых для своей собственной коллекции.

Но он увлекался не только пауками и мокрицами. В своем уединении он завел тесную дружбу с двумя летучими мышами и большой крысой. Он утверждал, что эти его друзья были самыми умными и самыми кроткими зверьками на свете; пожалуй, умнее даже его лошадок с длинной блестящей, как шелк, шерстью, о которых он с восхищением рассказывал матери.

Карл особенно любил Блер-Атоля, самого старого обитателя подземной конюшни, которого шесть лет тому назад спустили на глубину пятисот метров и с тех пор ни разу не поднимали на свет божий. Теперь он уже почти совсем ослеп, но как он хорошо знал свой подземный лабиринт! Как безошибочно поворачивал направо или налево, таща за собой вагонетку! Не было случая, чтобы Блер-Атолль когда-нибудь ошибся. Он всегда во время останавливался перед опускной дверью, как раз на таком расстоянии, чтобы можно было ее открыть, не задев его. И каким приветливым ржаньем встречал он мальчика утром и вечером, когда тот приносил ему корм! Такое доброе, ласковое, привязчивое животное!

— Ты знаешь, мама, он по-настоящему целует меня, он трется мордой о мою щеку каждый раз, когда я подхожу к нему! — говорил Карл. — А еще знаешь, мама, какое это для нас счастье, что Блер-Атолль так хорошо знает часы! Если бы не он, мы бы целую неделю так и не знали — утро или вечер, день или ночь у нас в шахте.

¹ Энтомология — наука о насекомых.

Так он болтал, сидя за столом, а госпожа Бауэр слушала его и восхищалась. Она тоже любила Блер-Атоля, к которому так привязался ее мальчик, и никогда не забывала послать ему кусок сахара. Как бы ей хотелось посмотреть на этого старожила, которого знал еще ее покойный муж! Ее тянуло взглянуть на это ужасное место, где после взрыва нашли обугленный труп бедного Бауэра... Но женщины не пускали в шахты, и она должна была довольствоваться рассказами своего сына. О, она хорошо знала его шахту, эту огромную черную пропасть, поглотившую ее мужа! Сколько раз она ждала его у зияющей пасти, сколько раз провожала взглядом дубовую клетку, опускавшую в это мрачное подземелье партию рабочих и среди них ее мужа! Сколько раз грелась она у огня огромной сушильни, где рудокопы, выйдя из подземелья, сушат свою одежду, а нетерпеливые курильщики спешат зажечь трубку! И как она хорошо знала всех этих подземных тружеников!

Все они проходили перед ее глазами, и каждого она помнила в лицо. Она рисовала в своем воображении то, чего не могла видеть глазами, следя мысленным взором за этой исчезающей клеткой, откуда некоторое время до нее доносились смех и голоса, которые, быстро удаляясь, слабели, затихали и наконец совсем смолкали в глубине. Она видела, как клетка останавливается, достигнув конца своего опасного пути, и рабочие спешат выйти. Вот они расходятся влево и вправо по своему подземному городу: откатчики идут к своим вагонам, забойщики с ломом в руке направляются рубить угольные пласты, крепильщики идут проверять своды.

Широкая, как проспект, дорога идет от главной площади к другой шахте на расстоянии трех-четырех километров. От этого проспекта под прямым углом расходятся в обе стороны вторые боковые галереи, а дальше параллельно проспекту тянется третий подземный коридор.

Между этими коридорами возвышаются черные стены, колонны из угольных пластов, каменные своды. И все это такое солидное, устойчивое, прочное.

И в этом лабиринте черных, совершенно одинаковых улиц при свете безопасных ламп, прикрепленных к поясам, движется, копошится, снует взад и вперед целая армия полуголых рабочих.

Вот что видела перед собой госпожа Бауэр, когда, оставшись одна, задумчиво следила за пылавшим в камине огнем.

И в этом лабиринте подземных ходов она особенно

ясно представляла себе тот коридор, в котором ее маленький Карл открывал и закрывал подъемную дверь.

Когда наступал вечер, дневная смена поднималась на верх, а в шахты спускались партии других рабочих. Но ее мальчик не поднимался вместе с другими. Он отправлялся в конюшню к своему любимому Блер-Атолю, давал коню его порцию овса и сена и, усевшись возле него, принимался за свой скромный ужин, который ему присыпали сверху; потом, поиграв с большой крысой, пригревшейся у его ног, и с двумя летучими мышами, кружившимися возле него, он укладывался спать тут же на подстилке из соломы.

Как ясно представляла себе все это госпожа Бауэр и как быстро, с полуслова понимала она все, что рассказывал о своей подземной жизни маленький Карл!

— Знаешь, мама, что мне вчера сказал господин Маульсмюле? Он сказал, что если я отвечу ему правильно на все вопросы по арифметике, которые он мне задаст, то он возьмет меня к себе в помощники, когда будет снимать план шахты, и даст мне держать нивелировочную ленту. У нас, кажется, собираются прокладывать новый коридор, чтобы соединить нашу шахту с шахтой Вебера, а ведь это очень трудно размерить все так, чтобы он вышел как раз туда, куда нужно.

— Вот как! — воскликнула обрадованная госпожа Бауэр. — Тебе сказал это сам господин Маульсмюле?

И она тут же представила себе, как ее маленький Карл держит протянутую по всему коридору нивелировочную ленту, а инженер ходит с записной книжкой в руке и, справляясь со своим компасом, делает отметки.

— Но я боюсь только, что я не все понимаю в этой арифметике, — продолжал Карл, — и мне некого попросить, чтобы мне объяснили. Вдруг я отвечу неверно?

Тут Марсель, который молча курил свою трубку, сидя на табурете возле печки, вмешался в разговор и, обращаясь к Карлу, сказал:

— А ты бы мне показал, что ты там не понимаешь, — может быть, я смогу тебе объяснить.

— Вы сможете объяснить? — с сомнением в голосе спросила госпожа Бауэр.

— А что же, — сказал Марсель, — ведь не зря же я каждый день после ужина хожу на вечерние занятия. Наш учитель очень доволен мной и говорит, что я могу помогать ему и репетировать с теми, кто отстает.

С этими словами Марсель прошел к себе в комнату, принес оттуда чистую тетрадь и, усевшись рядом с маль-

чиком, стал задавать ему вопросы по арифметике и так хорошо объяснил задачу, что Карл тут же решил ее без всякого труда.

С этого дня госпожа Бауэр прониклась уважением к своему жильцу, а Марсель и маленький Карл стали друзьями.

Между тем на заводе Марсель зарекомендовал себя превосходным литейщиком, и его скоро перевели во второй, а затем и в первый разряд.

Каждое утро, ровно в семь часов, он входил в ворота сектора «О» и каждый вечер после ужина отправлялся на вечерние занятия, которые вел инженер Трюбнер. Геометрию, алгебру и черчение он одолевал с одинаковым усердием, и его необыкновенные успехи поражали учителя. Спустя два месяца после поступления на завод Шульце молодой рабочий Шварц заслужил репутацию самого способного и толкового работника не только в секторе «О», но и во всем Стальном городе. Рапорт, представленный о нем в конце квартала его непосредственным начальником, заканчивался следующей официальной характеристикой: «Шварц (Иоганн), двадцати шести лет, литейщик первого разряда. Считаю своим долгом обратить внимание высшей администрации на этого молодого человека, который по своим теоретическим знаниям, практической сметке и ярко выраженному изобретательскому уму представляет собой совершенно исключительную фигуру».

Однако, чтобы привлечь к Марселью внимание высшей администрации, понадобился совершенно необыкновенный случай; случай этот не замедлил представиться, но обстоятельства, сопутствовавшие ему, оказались весьма трагическими.

Как-то раз утром, в воскресенье, Марсель, прислушавшись к бою часов, с удивлением обнаружил, что уже прошло десять, а его маленького друга Карла все еще нет. Он спустился вниз спросить госпожу Бауэр, не знает ли она, отчего запоздал Карл, но госпожа Бауэр сама была в страшном беспокойстве: мальчик должен был притти из шахты по крайней мере два часа тому назад. Марсель, видя ее в таком смятении, решил пойти узнать, что случилось, и направился к шахте Альбрехт.

Дорогой он встретил кое-кого из шахтеров и спросил, не видали ли они маленького Карла, но, получив от них отрицательный ответ и пожелав им «Glück auf», что значит буквально: «Удачи наверху» (обычное приветствие немецких рудокопов), отправился дальше.

Часов около одиннадцати он подошел к шахте Альбрехт. В это воскресное утро здесь не было той оживленной суетолоки, какая обычно бывает у входа в шахту в рабочие дни. Две-три молоденькие «модистки» (так прозвали в насмешку шахтеры браковщиц) болтали с табельщиком, которому даже в праздничные дни полагалось дежурить у шахты.

— Не заметили вы, поднялся из шахты маленький Карл Бауэр, номер сорок одна тысяча девятьсот два? — спросил его Марсель.

Табельщик заглянул в свой список и отрицательно покачал головой.

— А другого выхода из шахты нет?

— Нет, это единственный. Второй, северный выход еще только строят.

— Тогда, значит, мальчик внизу?

— Очевидно, — отвечал табельщик, покачав головой, — но это странно. По воскресеньям там остаются только пять дежурных сторожей.

— Нельзя ли мне спуститься — узнать, не случилось ли там чего?

— Без разрешения нельзя.

— А вдруг его там завалило? — сказала молоденькая «модистка».

— Ну что там может завалиться в воскресенье! — невозмутимо сказал табельщик.

— Но все-таки ведь надо узнать, что с ним такое, — продолжал настаивать Марсель.

— А вы обратитесь к мастеру в конторе, если только он сейчас там...

Мастер, к счастью, оказался в конторе. В праздничном костюме, в туго накрахмаленном, точно сделанном из белой жести воротничке, он возился с каким-то отчетом. Человек интеллигентный и добрый, он тотчас же откликнулся на просьбу Марселя.

— Мы сейчас вместе посмотрим, что там случилось, — сказал он и тут же распорядился, чтобы дежурный механик подготовил машину для спуска.

— А вы не захватите с собой приборы Галибера? — спросил Марсель. — Может быть, они нам пригодятся.

— Пожалуй, вы правы... Никогда нельзя знать, что может случиться под землей.

Мастер достал из шкафа два одинаковых резервуара, похожих на те сифоны, в которых на улицах Парижа проходят прохладительные напитки. Это сосуды со сжатым

воздухом, оканчивающиеся резиновой трубкой с роговым наконечником, который зажимают в зубах. Сосуд накачивают воздухом при помощи специальных мехов. С этим запасом воздуха, зажав нос деревянными щипчиками, можно безнаказанно находиться в отравленной вредными газами атмосфере.

Надев на спину приборы, мастер с Марселеем вошли в клетку подъемной машины, дежурный механик привел канат в действие, и они начали спускаться. При слабом свете маленьких электрических фонариков они медленно углублялись в темное подземелье.

— А у вас, видно, нервы крепкие, вы хладнокровно держитесь, — заметил мастер. — Новички обычно не сразу решаются войти первый раз в эту клетку...

— Ну что вы, — отвечал Марсель. — Чего ж тут не решаться? Правда, мне раза два-три уже приходилось спускаться в рудники.

Наконец они очутились на дне шахты. Сторож, дежуривший на площадке, сказал им, что не видел маленького Карла.

Они отправились в конюшню. Блер-Атель встретил их приветственным ржаньем. Лошадям, повидимому, наскучило стоять в одиночестве. На стене висел брезентовый плащ Карла, а в углу, рядом со скребницей, лежал его учебник арифметики.

Марсель сейчас же заметил, что безопасной лампы Карла в конюшне нет, и, следовательно, мальчик находится где-нибудь в глубине шахты.

— Может, конечно, случиться, что его где-нибудь засыпало, — сказал мастер, — но это мало вероятно. Зачем ему понадобится идти в рабочий коридор в воскресенье?

— А может, он пошел ловить жуков, — сказал сторож. — Он за этой нечистью куда хочешь пойдет и все на свете забудет.

Подошедший в это время конюх подтвердил эти предположения. Он видел, как Карл рано утром, часов около семи, пошел с фонарем в шахту. Недолго думая, решили приступить к поискам. Взяли большой план шахты, созвали свистками дежурных сторожей, отвели каждому участок, который надо было пройти, и, вооружившись лампами, углубились в боковые проходы.

Через два часа все коридоры шахты были пройдены, и все семь человек сошлись на центральной площадке. Нигде не было обнаружено никаких следов маленького Карла.

Проголодавшийся мастер высказал предположение, что,

может быть, мальчик как-нибудь незаметно давно уж поднялся наверх и сидит преспокойно дома, но Марсель уверял его, что этого не может быть, и настаивал на продолжении поисков.

— А вот это что такое? — внезапно спросил он, указывая на плане место, отмеченное пунктиром, подобно тому как географы на картах отмечают еще не исследованные земли.

— Это брошенная жила. Ее было начали разрабатывать, да оказался очень бедный пласт.

— И там есть заброшенные ходы? — вскричал Марсель. — Ну, значит, там и надо искать.

Он сказал это с такой уверенностью, что никто не стал возражать, и все вместе направились к заброшенному участку.

Они вошли в длинную галлерею с мокрыми, замшелыми стенами и некоторое время шли молча, не обнаруживая ничего подозрительного. Внезапно Марсель остановился.

— Никто из вас не чувствует головокружения и тяжести в ногах? — спросил он.

— Да, да, — сейчас же подхватили его спутники в один голос.

— Мне сейчас прямо чуть дурно не сделалось. Здесь явно ощущается присутствие углекислого газа. Вы разрешите мне зажечь спичку? — обратился Марсель к мастеру.

— Конечно, конечно, зажигайте.

Марсель вынул из кармана спичечницу, зажег спичку и, наклонившись, поднес ее к земле. Пламя тотчас же потухло.

— Так я и думал, — сказал он. — Газ этот, будучи тяжелее воздуха, стелется по земле. Здесь не годится оставаться, — я, конечно, имею в виду тех, у кого нет прибора Галибера. Может быть, мы с вами вдвоем осмотрим этот участок? — обратился он к мастеру.

Тот согласился. Отослав остальных, они взяли в рот наконечники своих приборов и, зажав нос деревянными щипчиками, пошли дальше по заброшенной галлереи. Каждые четверть часа они выходили в главный, более высоко идущий коридор, чтобы возобновить запас воздуха, и затем снова продолжали свои поиски.

Внезапно в глубине мелькнул тусклый голубоватый свет безопасной лампы. Ускорив шаги, они направились туда.

У сырой стены неподвижно лежал уже похолодевший

маленький Карл. Губы у него были синие, лицо багровое, пульс не работал.

Повидимому, он хотел поднять что-то с земли, наклонился и, вдохнув насыщенный углекислотой воздух, сразу лишился сознания.

Все усилия вернуть его к жизни оказались тщетными. Он лежал здесь уже по меньшей мере часа четыре.

На следующий день к вечеру на кладбище Штальштадта прибавилась еще одна могила, и бедная госпожа Бауэр осталась одна на белом свете.

VII. Центральный сектор

Весьма ученый рапорт доктора Эхтернаха, главного врача шахтерского участка Альбрехт, гласил, что смерть Карла Бауэра, № 41902, тринадцати лет от роду, «привратника» в галлерее 228, последовала от асфиксии в результате отравления углекислотой, поглощенной в большом количестве дыхательными органами.

Другой, не менее ученый рапорт — инженера Маульсмюле — указывал на необходимость расширить вентиляционную сеть и охватить ею участок «В» пятнадцатой зоны, где наблюдается скопление вредных газов.

Второй, краткий рапорт инженера Маульсмюле обращал внимание высшей администрации на самоотверженное поведение мастера Райера и литейщика первого разряда Иоганна Шварца, нашедших погибшего «привратника» Карла Бауэра.

Спустя дней десять после этого трагического случая литейщик Иоганн Шварц, войдя утром в караульную будку, чтобы снять с доски свой жетон, увидел на этой доске следующий приказ:

«Литейщику Шварцу явиться сегодня, в десять часов утра, в контору главного директора, центральный сектор, ворота «А», улица «Б».

«Наконец-то! — подумал Марсель. — Долго же они думали, но хорошо, что додумались».

Из своих воскресных прогулок в окрестностях Штальштадта и разговоров с товарищами Марсель успел узнать кое-что об организации города. Он знал, что приглашения явиться в центральный сектор удостаивались немногие. Попытки самовольно проникнуть в этот оплот Стального города оканчивались печально, и о них рассказывали всякие легенды. Говорили, что смельчаки, решившиеся пересту-

пить запретную черту, не возвращались обратно; что каждый рабочий и служащий, допущенный в это святая святых, подвергался всякого рода таинственным испытаниям и приносил торжественную клятву хранить все виденное и слышанное им в тайне, а нарушивший клятву наказывался смертью.

Святилище это соединялось с окружной линией подземной железной дорогой. По этой дороге ночью нередко прибывали таинственные гости. За высокими стенами в центральном здании происходили заседания Высшего совета, в которых эти загадочные незнакомцы принимали участие.

Марсель не очень доверял подобным разговорам и слухам, но знал, что они вызваны действительно трудным доступом в центральный сектор.

У него было немало друзей среди рабочих — и рудокопы, и углекопы, и доменщики, и формовщики, и плотники, и кузнецы, но ни один из тех, кого он знал, никогда не переступал заповедных ворот «А».

Со смешанным чувством любопытства и тайного удовлетворения Марсель в назначенный час подходил к воротам. Он сразу мог убедиться в том, что здесь поистине соблюdenы все самые строгие меры предосторожности. Прежде всего выяснилось, что его уже ждали. Два человека в серых мундирах, с саблями на боку, стояли в караульном помещении. Это помещение, подобно келье сестры-привратницы какого-нибудь сурового монастыря, имело две двери: одну — открывающуюся наружу, другую — внутреннюю. При этом двери никогда не открывались одновременно.

Марсель подал пропуск; его тщательно проверили, поставили печать, а затем люди в серой форме, ни слова не говоря, завязали Марселю глаза белым платком и, подхватив его под руки, повели в неизвестном направлении.

Они прошли около трех тысяч шагов, поднялись по лестнице, перед ними открылась дверь, которая, впустив их, тотчас же захлопнулась, и наконец Марсель разрешили снять повязку.

Молодой человек увидел себя в просторной комнате, где стояли всего несколько стульев, черная доска и большой чертежный стол со всеми принадлежностями для черчения. Свет проникал в комнату через высокие окна с матовыми стеклами.

Тотчас же вслед за ними вошли два человека, напоминавшие своим видом университетских профессоров.

— Нам аттестовали вас как исключительно одаренного субъекта, — сказал один из них. — Мы намерены проэкзаменовать вас, и, если ваши знания окажутся удовлетворительными, вы будете переведены в модельный цех. Угодно вам сейчас подвергнуться испытаниям?

Марсель скромно ответил, что он готов.

Тогда оба экзаменатора по очереди стали задавать ему вопросы из химии, геометрии и алгебры. Молодой человек отвечал безошибочно и ясно; с спокойной уверенностью отчетливо чертил он на доске геометрические фигуры. Цифры его уравнений вытягивались изящными правильными рядами, как колонны войск на параде. Одно из его решений поразило экзаменаторов своей необыкновенной тонкостью и новизной доказательства. Они не замедлили выразить ему свое удивление и спросили, где он учился математике.

— На родине, в Шаффгаузене, в средней школе, — скромно ответил Марсель.

— Вы, повидимому, прекрасный чертежник?

— Это был мой любимый предмет.

— Вы не находите, что народное образование в Швейцарии поставлено на удивительную высоту? — сказал экзаменатор, обращаясь к своему коллеге. — Так вот, мы вам даем два часа на выполнение этого чертежа, — продолжал он, повернувшись к Марселю и передавая ему схему довольно сложной паровой машины, представленной в разрезе. — Если вы проявите себя в этом так же, как проявили в устных ответах, мы дадим вам оценку «весьма удовлетворительно».

И с этими словами они удалились.

Оставшись один, Марсель с жаром принял за работу.

Ровно через два часа экзаменаторы вернулись. Чертеж Марселя, повидимому, настолько поразил их, что они не ограничились лаконичной оценкой, принятой в аттестатах, а с обоюдного согласия приписали: «Чертежник с исключительным дарованием».

Вслед за тем в комнату снова вошли молчаливые серые проводники и, подвергнув Марселя той же церемонии, то есть завязав ему глаза, повели его в кабинет главного директора.

— Вас рекомендуют чертежником в модельный цех, — сказал Марселя директор. — Готовы ли вы подчиниться всем нашим правилам?

— Я их не знаю, но думаю, что они приемлемы, — отвечал Марсель.

— Так вот слушайте. Во-первых, вам надлежит в течение всего срока вашей службы у нас жить на территории самого цеха. Вы не можете выходить за пределы этой территории без особого разрешения, котороедается только в исключительных случаях. Во-вторых, вы подчиняетесь военному уставу и должны беспрекословно повиноваться вашему начальству. Всякое нарушение дисциплины влечет за собой соответствующее взыскание, согласно воинскому уставу. Вам присваивается звание унтер-офицера действующей армии Стального города, и, проявляя себя достойным образом, вы можете достигнуть самых высших чинов. В-третьих, вы даете присягу никогда никому не разглашать того, что вы увидите или услышите в отделе, где будете работать. В-четвертых, ваша переписка будет вскрываться начальством, и вести ее разрешается только с родными...

«Короче говоря, настоящая тюрьма», подумал Марсель, но вслух сказал спокойно:

— Я нахожу эти условия справедливыми и готов им подчиниться.

— Хорошо. Поднимите руку и повторяйте за мной слова присяги... Итак, вы зачисляетесь чертежником в четвертый цех. Вам будет предоставлено помещение. Питаться вы будете здесь же — у нас первоклассная столовая. Ваши вещи с вами?

— Нет, я не знал, зачем меня вызывали. Все мое имущество у меня на квартире.

— За ним будет послано, ибо вы с этого момента не имеете права выходить за пределы этой территории.

«Хорошо, что я писал свои заметки шифром», — подумал Марсель. — Вот бы они попались им в лапы!»

К концу дня Марсель окончательно расположился в хорошенкой комнатке на четвертом этаже огромного, стоящего в глубине двора здания и уже мог составить себе некоторое представление о своей будущей жизни. Она уже не казалась ему такой безотрадной, как вначале.

Его товарищи по работе, с которыми он познакомился в столовой, были по большей части спокойные, мягкие люди, всецело поглощенные своим трудом.

Чтобы внести некоторое оживление в свое чересчур монотонное существование, они организовали своими силами недурной оркестр и каждый вечер устраивали интересные концерты. В редкие часы досуга можно было пойти в библиотеку или читальню, которые предоставляли богатейший выбор научной литературы. Кроме того, при цехе были устроены специальные, обязательные для всех курсы, где

занятия вели старые, опытные профессора. Время от времени слушатели подвергались испытаниям или участвовали в конкурсах. Словом, в этом режиме нехватало только движения, воздуха, свободы. Это был своего рода закрытый пансион для вполне сложившихся, взрослых людей, но пансион с военным режимом, со всеми строгостями военной дисциплины.

Зима прошла в усидчивой работе и в научных занятиях, которым Марсель отдавался душой и телом. Его усердие, совершенство его чертежей и поразительные успехи по всем предметам были отмечены всеми профессорами и экзаминаторами и завоевали ему своего рода славу среди товариществ. Он был единодушно признан самым талантливым, изобретательным и самым искусным чертежником-конструктором. Возникало ли какое-нибудь затруднение — обращались к Марселя. Даже начальство, считаясь с его опытностью и знаниями, относилось к нему с невольным уважением, которое внушает к себе истинное достоинство наперекор самой черной зависти.

Но если Марсель, проникнув в центральный сектор Стального города, надеялся, что теперь проникнет во все его тайны, — он жестоко ошибся. Вся его жизнь протекала за железной решеткой, окружавшей пространство в триста метров в диаметре.

Умственная деятельность Марселя охватывала все самые разнообразные отрасли металлургической промышленности. Практически же она ограничивалась конструкцией и чертежами паровых машин.

Он конструировал эти машины любого размера, любой мощности, для любой отрасли производства и промышленности, начиная с военного корабля и кончая типографией. Но дальше этого он не шел. Узкое ограничение специальности, ограничение, доведенное до крайности, замыкало его словно в тиски.

После четырехмесячного пребывания в центральном секторе Марсель знал о продукции Стального города в целом не больше, чем до своего поступления сюда. Ему удалось только приобрести некоторое представление об организации этой машины, в которой он, несмотря на все свои заслуги, был не более чем ничтожным винтиком. Он знал теперь, что центром этой паутины, именуемой Штальштадтом, была так называемая «Башня быка», чудовищная громада, высоко вздымающаяся над всем городом. Из рассказов, которые обычно передавались шепотом в столовой и не всегда отличались правдоподобием, Марсель узнал, что

личная резиденция герра Шульце находится в основании башни — знаменитый тайный кабинет в центре. Рассказывали, что это большой сводчатый зал со всякими противопожарными приспособлениями, бронированный изнутри, как военное судно снаружи, что у него целая система стальных дверей с секретными скорострельными замками, которые сделали бы честь любому банку.

Про самого герра Шульце рассказывали, что он заканчивает какое-то изобретение — чудовищную военную машину неслыханной мощности, которая якобы должна обеспечить Германии владычество над всем миром.

Тщетно ломал себе голову Марсель, стараясь изобрести способ проникнуть в тайну профессора Шульце, тщетно придумывал он тысячи самых отчаянных планов с переодеванием и веревочной лестницей. Он вынужден был признаться себе, что все эти планы неосуществимы. Эти мрачные толстые стены, залитые ночью потоками яркого света, охраняемые испытанной стражей, были непреодолимой преградой для всех его надежд и усилий. Но если бы даже ему удалось каким-то чудом одолеть эту преграду, что увидел бы он за ней? Частности, только частности, детали и ничего более!

Но все равно. Он поклялся себе не отступать, и он не отступит. Если ему придется тянуть эту лямку десять лет, он выдержит десять лет. Но пробьет час, когда эта тайна откроется ему. Это должно случиться. А между тем благодатный город Франсевиль растет и процветает, открывая усталым, исстрадавшимся людям новый, сияющий горизонт.

Марсель не сомневался, что это великое достижение, этот триумф латинской расы приводит Шульце в ярость, что он прилагает все усилия к тому, чтобы как можно скорее привести в исполнение свои угрозы. Подтверждением этому были Штальштадт и вся деятельность этого страшного города.

Прошло несколько месяцев. Как-то раз днем в марте, когда Марсель в тысячный раз повторял себе эту клятву Ганнибала¹, перед ним внезапно выросла серая фигура блюстителя порядка и объявила ему, что его желает видеть главный директор.

— Я получил приказ от герра Шульце, — сообщил ему этот высокий сановник, — приказ прислать ему нашего лучшего чертежника. Это, без сомнения, вы. Соблаговолите

¹ Ганнибал — карфагенский полководец, прославившийся мужеством и упорством в войне с римлянами.

собрать ваши вещи, и вас сейчас же проводят во внутренний сектор. Кроме того, имею вам сообщить, что вы произведены в лейтенанты.

Итак, в ту минуту, когда он уже почти готов был отчаяться, его упорство, терпение, его мужественный героический труд в силу естественного, логического хода вещей открывали ему доступ к цели.

Марсель так обрадовался, что забыл о самообладании — лицо его просияло.

— Я счастлив сообщить вам такую прекрасную новость, — продолжал директор, — и могу только посоветовать вам и впредь держаться того пути, который вы так мужественно проложили себе. Перед вами открывается блестящее будущее. Ступайте же.

Марсель не помнил, как он уложил в чемодан вещи, как шел со своими серыми провожатыми, как открылись перед ним единственные ворота последней крепостной стены и он очутился у подножия неприступной «Башни быка», которая до сих пор показывала ему только свою мрачную вершину, поднимающуюся высоко в небеса.

То, что теперь открылось перед ним, было для него полной неожиданностью.

Представьте себе человека, который из шумного, скучного, казенного европейского учреждения внезапно перенесся в девственный тропический лес.

Это чудо свершилось с Марселеем. Перед ним, вокруг него, со всех сторон поднимался зеленый лес — стройные пальмы, широколистственные бананы, причудливой формы кактусы; гибкие лианы, обвиваясь вокруг высоких эвкалиптов, ниспадали зелеными гирляндами или пышной густой завесой. Сочные ананасы и гоявы зрели рядом с благоухающими апельсинами. Стая колибри, полугаев и райских птичек носились над головой, сверкая всеми красками своего роскошного оперения. Знойный тропический воздух был насыщен ароматом чудесных цветов.

Марсель оглядывался по сторонам, ища глазами стеклянные оранжерейные стены и крыши и теплопроводные трубы, но видел только синее небо и не мог притти в себя от изумления.

Потом он вдруг вспомнил, что где-то совсем близко отсюда находятся угольные копи, в которых уже много лет бушует подземный пожар, и понял, что герр Шульце остроумно использовал эти неистощимые запасы подземного тепла. Но и объяснив себе это чудо, он продолжал стоять как вкопанный, не в силах оторвать очарованного

взора от этого буйного цветения, и с упоением вдыхал пропитанный благоуханием воздух. Усыпанная песком аллея отлого спускалась к широкой мраморной лестнице с величественной колоннадой. За ней возвышалась тяжелая громада массивного квадратного здания, служившего как бы пьедесталом «Башни быка». По обе стороны лестницы стояли лакеи в красных с золотом ливреях, а выше, у входа, швейцар в треуголке, с алебардой в руке. Поднимаясь по ступеням, Марсель услышал глухой отдаленный шум подземной железной дороги.

Марсель назвал свое имя, и его тотчас же ввели в вестибюль, представляющий собой настоящий музей скульптуры. Но он едва успел бросить взгляд по сторонам: они уже вошли в громадный, обитый красным с золотом зал, затем во второй — черный с золотом и наконец в третий — желтый с золотом, где его попросили подождать. Минут через пять двери распахнулись, и его пригласили войти в роскошный кабинет, отделанный зеленым с золотом.

Сам герр Шульце, собственной персоной, сидел за столом, со своей неизменной глиняной трубкой в зубах, перед ним стояла громадная кружка пива. Посреди всего этого блеска и роскоши он производил впечатление комка грязи на ярко вычищенном лаковом сапоге.

Не приподнявшись, даже не повернув головы, стальной король спросил холодно и сухо:

— Вы чертежник?

— Да, сударь.

— Я видел ваши чертежи. Они превосходны. Но вы, повидимому, занимались исключительно конструкцией паровых машин?

— Мне никогда не поручали ничего другого.

— Имеете ли вы хоть какое-нибудь представление о баллистике?

— Я изучал ее в свободное время, для собственного удовольствия.

Ответ этот, повидимому, пришелся по душе герру Шульце. Он удостоил поднять глаза на своего подчиненного.

— Так вот! Способны ли вы под моим руководством сделать чертеж пушки? Посмотрим, как вы справитесь с этой задачей. Не знаю, удастся ли вам заменить этого дурака Зоне, которого сегодня утром разорвало на куски из-за его неосторожного обращения с динамитом. Дубина, он чуть было всех нас не отправил на тот свет!

Отвратительные грубость и жестокость этих слов, свидетельствовавших о полном бесчувствии говорившего, в устах герра Шульце казались вполне естественными.

VII. Пещера дракона

Прошло всего несколько недель, но за это время Марсель сумел сделать себя положительно незаменимым в глазах герра Шульце. Стальной король не отпускал его от себя ни на минуту. Они вместе работали, вместе ели, прогуливались вдвоем в парке или сидели, покуривая, за кружкой пива.

Никогда за всю свою жизнь бывший профессор Иенского университета не встречал ассистента, который пришелся бы ему так по душе. Этот молодой человек понимал его с полуслова, с необычайной быстротой схватывал все его теоретические построения, развивал их и тут же осуществлял на практике.

И это был не только искусный специалист своего дела, нет, это был усердный работник, неистощимый, талантливый изобретатель и при всем этом интереснейший собеседник.

Профессор Шульце был от него в полном восторге; десять раз в день он повторял про себя: «Какая находка! Истинное сокровище этот мальчишка».

Секрет был в том, что Марсель с первого взгляда безошибочно угадал характер своего страшного патрона. Он увидел, что господствующей чертой его характера был чудовищный, невероятный эгоизм, проявлявшийся прежде всего в неукротимом, гнусном тщеславии. Стارаясь во всем повторствовать этой отвратительной черте, Марсель неуклонно согласовал с ней каждый свой поступок, каждое слово. За очень короткое время Марсель так хорошо овладел этим искусством, что Шульце в его руках был подобен инструменту в опытных руках музыканта.

Тактика заключалась в том, что он, изощряя насколько возможно свои способности, делал все так, чтобы у Шульце всегда оставалась возможность чувствовать свое превосходство.

Так, например, делая какой-нибудь чертеж, он доводил его до совершенства, но оставлял на самом виду какую-нибудь бросающуюся в глаза ошибку, на которую бывший профессор тотчас же с великим воодушевлением указывал ему. Возникала ли у Марселя какая-нибудь интересная для

Шульце мысль, он старался ввернуть ее в разговор так, чтобы у герра Шульце создалось впечатление, что эта мысль зародилась у него.

Иногда Марсель даже оставлял в стороне все эти хитрости и попросту говорил:

— Герр Шульце, я набросал вам модель этого нового судна со съемным, на манер волнореза, шестом, о котором вы мне говорили.

— Я говорил? — в недоумении спрашивал герр Шульце, у которого и в мыслях не было ничего подобного.

— Ну да. Разве вы забыли? Съемный шест, оставляющий в борту неприятельского судна веретенообразную торпеду, которая взрывается по истечении трех минут.

— Представьте, совершенно из головы вылетело. Ну оно и неудивительно — у меня столько всяких идей!

И герр Шульце со спокойной совестью приписывал себе изобретение своего ассистента.

Возможно, что сам он и не совсем верил в это. Весьма вероятно, что в глубине души он считал Марселя значительно осведомленнее и способнее себя. Но он не останавливался на этой мысли и тешил свое тщеславие тем «впечатлением», которое производил на других и в особенности на своего подчиненного.

— А все-таки, при всем своем уме и способностях, он сущий простофия, этот Шварц, — нередко говорил он себе, самодовольно посмеиваясь и обнажая все свои чудовищные, звериные зубы.

Но не это было главным источником удовлетворения его ненасытного тщеславия, а то, что он один он во всем мире мог осуществить эти изобретения, эти проекты. Только благодаря ему и только для него, для него одного, они воплощались в действительность. Марсель в конечном счете был всего лишь одним из полезных винтиков того мощного механизма, создание которого принадлежит ему, Шульце.

И как ни тесно было его сотрудничество с Марслем, герр Шульце никогда не посвящал его в свои планы. После пяти месяцев пребывания в «Башне быка» тайны центрального сектора были все так же непроницаемы для Марселя. Правда, кое-какие из его предположений обратились в уверенность. С каждым днем он все больше убеждался, что в Штальштадте действительно существует некая тайна и что деятельность герра Шульце ставит себе целью не только наживу. Его теоретические занятия и самый характер его производства вполне определенно указы-

вали на то, что он изобрел какую-то новую военную машину.

Тайна заключалась в том, что это была за машина.

Время шло, и Марсель в конце концов вынужден был сказать себе, что ожиданием он ничего не добьется и только какой-нибудь случай мог дать ему возможность проникнуть в эту тайну. А так как случай не приходил ему на помощь, он решил создать его сам.

Вечером пятого сентября он сидел с герром Шульце за обедом. Ровно год тому назад, в этот самый день, Марсель нашел в шахте Альбрехт труп своего маленького приятеля Карла. Вдали за окном виднелись уже покрытые снежной пеленой горные склоны и поселки. Но в парке Штальштадта воздух был теплый, как в июне, и хлопья снега, тая на лету, ложились на землю обильной свежей росой.

— А сосиски с капустой сегодня были недурны, — мечтательно промолвил герр Шульце, который при всех своих миллионах не утратил пылкой привязанности к своему излюбленному кушанью.

— Да, изумительны! — подхватил Марсель, который с геройским стоицизмом каждый день ел эти досмерти опротивевшие ему сосиски. Он почувствовал, как у него поднимается тошнота, и, должно быть, это чувство заставило его решиться проделать, не откладывая, задуманный им опыт.

— Я иногда думаю, — со вздохом продолжал герр Шульце, — как это люди, которые живут в странах, где нет ни пива, ни сосисок, ни капусты, могут мириться с таким жалким существованием.

— Да, конечно, такая жизнь — сплошное мученье, — поддакнул Марсель. — По-моему, было бы высшим актом гуманности объединить их всех в Фатерланде.

— А что ж, так оно и будет, так и будет! — воскликнул герр Шульце. — Вот мы уже сейчас в самом центре Америки. Дайте нам только занять островок-другой поближе к Японии, и вы увидите, как быстро мы приберем к рукам весь земной шар.

Лакей подал им трубки. Герр Шульце не спеша набил трубку, раскурил ее и, откинувшись на спинку кресла, погрузился в полное блаженство. Марсель только и ждал этой минуты.

— Признаться, не очень я верю в возможность такого завоевания, — сказал он помолчав.

— Какого завоевания? — с удивлением спросил герр Шульце, который уже успел забыть, о чем они говорили.

— Да вот, завоевания немцами всего мира.

Бывшему профессору Иенского университета показалось, что он ослышался.

— Вы не верите в то, что немцы завоюют мир?

— Не верю.

— Нет, это прямо поразительно, какая самонадеянность! Может быть, вы соблаговолите изложить причины вашего неверия?

— Причина, на мой взгляд, самая простая. Мне кажется, этого не произойдет потому, что французская артиллерия в конце концов обгонит вас и возьмет над вами верх. Мои соотечественники, которые хорошо знают французов, считают, что француз, которого раз проучили, стоит двоих. Урок тысяча восемьсот семидесятого года обернется против тех, кто его дал. У меня на родине, в моей маленькой стране, сударь, в этом никто не сомневается, и уж если говорить все до конца, того же мнения держатся и наиболее передовые люди Англии.

Марсель произнес эти слова холодным, сухим, резким тоном, который должен был насколько возможно усилить действие этого неслыханного оскорбления, нанесенного ни с того ни с сего стальному королю.

Герр Шульце сидел ошеломленный, неподвижный, задыхающийся. Вся кровь хлынула ему в лицо, так что Марсель даже испугался, не зашел ли он слишком далеко. Но, видя, что его жертва, хоть и задыхающаяся от бешенства, выдержала этот удар, он снова заговорил:

— Да, как ни грустно, но это так. А если наши соперники не поднимают столько шума, как мы, из этого не следует, что они не делают дела. Вы думаете, эта война ничему не научила? Можете быть уверены, что в то время, как мы с тупым упорством стремимся только к одному — увеличить вес наших орудий, они готовят что-то новенькое и покажут нам свою новинку при первом же удобном случае.

— Готовят новинку! Новинку! — пробормотал герр Шульце. — Позвольте, а мы что же, этого не делаем?

— Вот в этом-то вся и штука, что нет. Мы отливаем из стали то, что наши предшественники мастерили из бронзы, вот и все! И удваиваем размеры и дальность наших орудий.

— Удваиваем! — с негодованием воскликнул герр Шульце.

— Да, по сути дела, — невозмутимо продолжал Марсель, — мы не что иное, как жалкие подражатели. Хотите знать правду? Вся беда в том, что нам недостает изобретательской жилки. Нам никогда ничего нового не выдумать, а у французов есть выдумка, с этим никто спорить не станет.

Герр Шульце внешне овладел собой. Но по тому, как дрожали его губы, по багровым пятнам, пропустившим на его побледневшем лице, можно было судить о его внутреннем состоянии.

Дойти до такого унижения! Ему, Шульце, созидателю и собственнику величайшего в мире пушечного завода, ему, который видел у своих ног королей и парламенты, выслушивать от какого-то жалкого швейцарца-чертежника, что у него, стального короля Шульце, нехватает выдумки, что его побьет французский артиллерист!!! И это говорится здесь, где рядом, за стальной обшивкой толстой бронированной стены, находится нечто, чем он может припереть к стене этого наглого мальчишку, заткнуть ему рот, свести на нет все эти идиотские рассуждения! Нет, этого он не может терпеть!

Герр Шульце так внезапно сорвался с места, что трубка его покатилась на пол и разлетелась на куски. Окинув Марселя язвительным, уничтожающим взглядом, он сжал челюсти и прошипел сквозь зубы:

— Идемте, сударь! Вы сейчас собственными глазами изволите убедиться, как у герра Шульце нехватает выдумки.

Марсель затеял опасную игру, но он выиграл. Выиграл потому, что ему удалось сначала ошеломить Шульце своим неожиданно дерзким заявлением, а потом, не давая ему времени опомниться, привести его в полное исступление. Ибо когда у Шульце было задето тщеславие, он забывал думать об осторожности. Теперь Шульце уже не терпелось поделиться своей тайной.

Они вошли в кабинет; пропустив Марселя вперед, Шульце тщательно запер дверь; потом подошел к книжным полкам и нажал на стене какую-то кнопку — тотчас же узкий простенок, замаскированный рядами книг, раздвинулся, образовав проход, откуда начинались каменные ступени лестницы, которая вела до самого подножия «Башни быка». Они очутились перед тяжелой дубовой дверью; Шульце открыл ее небольшим ключиком, который всегда носил при себе. За этой дверью оказалась вторая, из кованого железа, запертая висячим замком с шиф-

ром — такими замками запирают несгораемые шкапы в банках. Шульце сложил слово и открыл половину тяжелой двери, которая изнутри была снабжена сложным автоматическим приспособлением, взрывающимся от прикосновения. Марсель из чисто профессионального любопытства хотел было рассмотреть поближе этот механизм, но спутник его не дал ему на это времени.

Они очутились перед третьей дверью, без всякого наружного запора, открывшейся от простого нажима, произведенного, разумеется, по какому-то определенному способу.

Преодолев эти три преграды, они поднялись на двести ступеней по железной винтовой лестнице, которая привела их на вершину «Башни быка», поднимавшейся высоко над городом.

Верхняя площадка этой несокрушимой гранитной башни представляла собой нечто вроде круглого каземата с узкими бойницами в стенах. В самом центре этого каземата стояла громадная стальная пушка.

— Вот, — сказал профессор, указывая на нее Марселя.

Это было первое слово, которое он произнес после сцены в столовой.

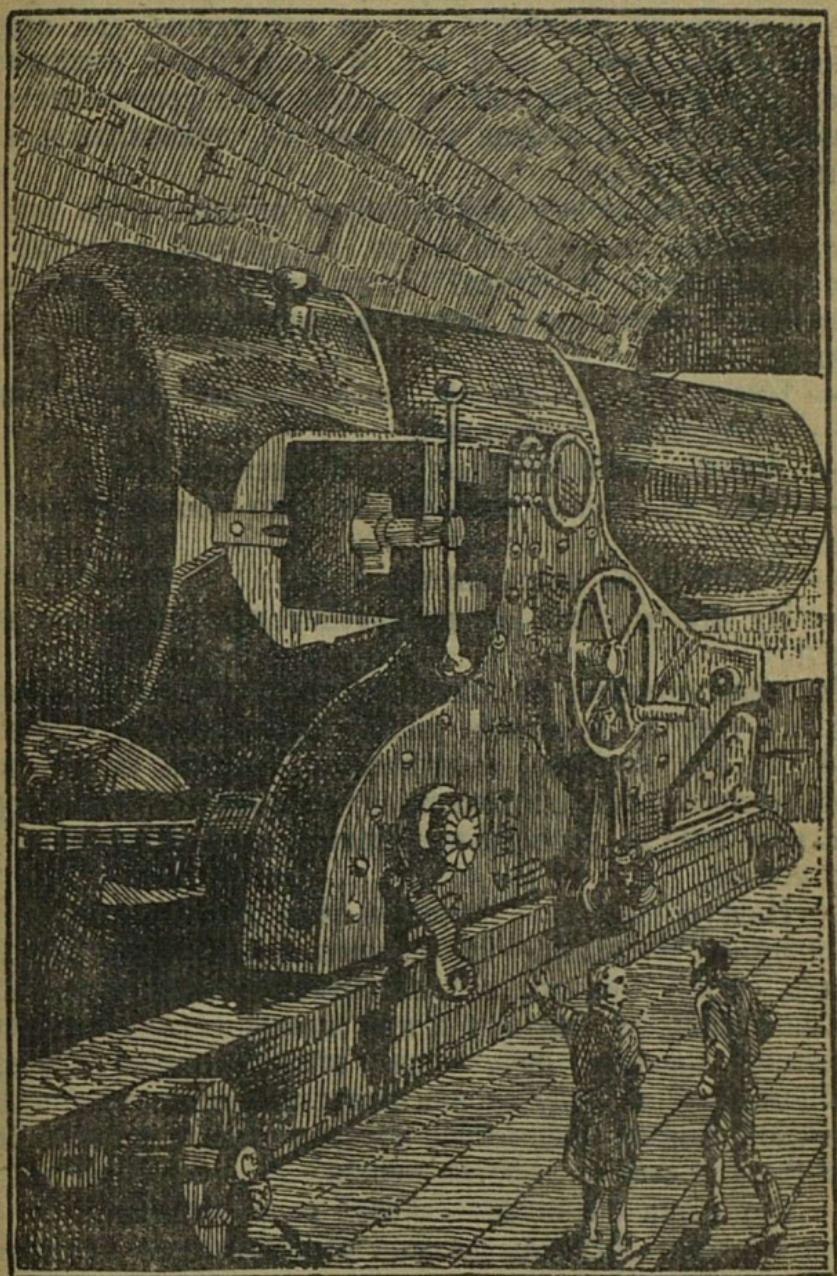
Пушка представляла собой самое большое осадное орудие, какое когда-либо видел Марсель. Оно весило по меньшей мере триста тысяч тонн и заряжалось с казенной части. Дуло его имело в диаметре полтора метра. Воздруженное на стальном лафете, оно двигалось на стальных ползунах, поворачивалось при помощи несложной системы зубчатых колес, управлять которой мог бы ребенок. Пружинящий буфер, установленный с задней стороны лафета, ослаблял отдачу и после каждого выстрела автоматически возвращал орудие в его первоначальное положение.

— А какова мощность этой штуки? — спросил Марсель, невольно залюбовавшись этим стальным чудом.

— Полным зарядом на расстоянии двадцати километров оно пробивает сорокадюймовую балку с такой легкостью, как если бы это была тартинка.

— А дальность?

— Дальнобойность! — воодушевляясь, вскричал Шульце. — Вот вы только что говорили, что мы, жалкие подражатели, можем только удваивать вес и дальность наших пушек. Так вот, из этой пушечки я берусь с достаточной точностью отправить снаряд на расстояние сорока километров.

«Вот», сказал профессор.

— Сорок километров! — вскричал пораженный Марсель. — Вы, вероятно, пользуетесь каким-то новым порохом?

— О, я теперь могу вам все рассказать, — каким-то загадочным тоном ответил Шульце. — Теперь я могу без всяких опасений посвятить вас во все тайны. Да, старый черный порох отжил свой век. Я употребляю бездымный порох. Его взрывчатая сила в четыре раза превышает силу черного пороха. И я еще усиливаю ее, прибавляя к нему азотнокислый калий.

— Но разве может какое-нибудь орудие, будь оно из самой высококачественной стали, выдержать давление такого взрывчатого вещества? После трех-четырех выстрелов ваша пушка износится и придет в совершенно негодное состояние.

— Пусть она выстрелит только один единственный раз — этого будет достаточно.

— Дорого обойдется вам такой выстрел!

— Один миллион — столько, сколько обошлось мне это орудие.

— Миллион за один выстрел?

— Ну что ж, если он произведет разрушений на миллиард!

Марсель подавил восхищение ужаса, готовое сорваться с его губ, и, помолчав, сказал спокойным голосом:

— Да, это, конечно, замечательное орудие, но при всех своих несомненных достоинствах оно как раз подтверждает мою мысль: усовершенствование, подражание, но ничего нового.

— Ничего нового! — фыркнул герр Шульце, насмешливо пожимая плечами. — Ну хорошо. Я, кажется, вам уже говорил, что у меня от вас нет никаких тайн. Идемте.

Они вышли из каземата и при помощи гидравлической подъемной машины спустились этажом ниже. Здесь, в большом зале, на полу стояли ряды продолговатых, цилиндрической формы предметов, которые издали можно было принять за снятые с лафетов пушки.

— Вот наши снаряды, — сказал герр Шульце.

На этот раз Марсель должен был признать, что ничего подобного ему никогда не приходилось видеть.

Это были громадные цилиндры двух с половиной метров длины и метр с лишним в диаметре, в свинцовой оболочке, легко поддающейся нарезам орудия; сзади цилиндр был закрыт стальной пластинкой, закрепленной болтом, а спереди он оканчивался стальным сигарообразным наконечником с ударником для взрыва.

Трудно было определить по наружному виду, в чем заключались особые свойства этих снарядов, но, глядя на них, чувствовалось, что они таят в себе такую страшную разрушительную силу, какой еще не видывал мир.

— Что, не догадываетесь? — спросил герр Шульце, видя недоумение Марселя.

— Нет, честно признаюсь, не понимаю, зачем нужен такой длинный и такой, если судить по виду, тяжелый снаряд.

— Вид обманчив, — сказал Шульце. — Вес его мало чем отличается от веса обыкновенного снаряда такого же калибра. Но я вам сейчас расскажу. Это стеклянный цилиндр в дубовой обшивке, наполненный под давлением в семьдесят две атмосферы жидкой углекислотой. При падении свинцовая оболочка разрывается, и жидкость превращается в газ. В результате этого температура в окружающей зоне понижается на сто градусов ниже нуля, и вместе с тем огромное количество углекислого газа распространяется в воздухе. Всякое живое существо, находящееся в пределах тридцати метров от места взрыва, должно неминуемо погибнуть от этой леденящей температуры и от удушья. Тридцать метров — это, так сказать, исходная цифра, на самом же деле действие снаряда охватывает, вероятно, значительно большую площадь, примерно сто, двести метров в окружности. Тут надо учесть еще одно благоприятное для нас обстоятельство, а именно то, что углекислый газ благодаря своей тяжести надолго задерживается в нижних слоях атмосферы, в силу чего охваченная его действием зона остается зараженной в течение нескольких часов после взрыва и всякое живое существо, осмеливающееся проникнуть туда, погибает. Как видите, выстрел из моей пушки дает двоякий результат — мгновенный и длительный! И при этом раненых не бывает — одни трупы.

Профессор Шульце явно наслаждался, расписывая достоинства своего изобретения. К нему вернулось его прекрасное настроение, он раскраснелся, он весь сиял от гордости и показывал все свои тридцать два зуба.

— Представьте себе, — продолжал он, — несколько таких пушечек, жерла которых смотрят на осажденный город. Предположим, что на каждый гектар поверхности требуется одна пушка. Тогда, значит, для уничтожения города в тысячу гектаров надо располагать сотней батарей по десять орудий в каждой. И вот представьте себе: все наши орудия на местах, для каждого выбрана цель, погода благоприятная, ясная. По электрическому проводудается

общий сигнал — одна минута... и на площади протяжением в тысячу гектаров не останется ни одного живого существа! Целый океан углекислоты затопит город! А знаете, что навело меня на эту мысль? Медицинский отчет о смерти мальчишки-шахтера в шахте Альбрехт. Правда, что-то в этом роде мне мерещилось еще в Неаполе, когда я осматривал Собачий грот¹. Но только после этого случая мысль моя облеклась в правильную форму. Ну-с, вам теперь ясен принцип моего изобретения? Целый искусственно созданный океан чистой углекислоты! Да, даже одной пятой этого количества достаточно для того, чтобы нельзя было дышать.

Марсель стоял молча. Ему, в сущности, нечего было сказать. Герр Шульце наслаждался полным торжеством, поэтому он даже несколько смягчился.

— Меня только одно не удовлетворяет, — сказал он.

— Что именно? — спросил Марсель.

— А то, что мне не удается добиться того, чтобы выстрел и взрыв были совершенно бесшумны. Досадно, что выстрел из моего орудия слишком напоминает выстрел самой обыкновенной пушки. Подумайте только, что было бы, если бы и то и другое происходило совершенно бесшумно! Эта неожиданная смерть, которая прилетает беззвучно ясной тихой ночью и настигает внезапно сотни тысяч людей...

Воображаемая картина так увлекла герра Шульце, что он замолчал, поглощенный своей мечтой, которая, в сущности, была не чем иным, как манией величия. Марсель неожиданно вывел его из этого блаженного состояния.

— Все это, конечно, превосходно, действительно превосходно, — сказал он. — Но соорудить тысячу таких пушек — на это нужны времена и деньги.

— Деньги? Денег у нас хватит! А времена? Временем распоряжаемся мы.

Этот немец, истинный представитель своей нации, говорил с полным убеждением, искренне веря своим словам.

— Допустим, — продолжал Марсель. — Конечно, ваш снаряд, наполненный углекислотой, не такая уж новинка — снаряды с удушливыми газами были изобретены уже давно, но что касается его разрушительной силы, она чудовищна, с этим спорить не приходится. Тут только...

¹ Собачий грот — в окрестностях Неаполя — получил свое название от того, что всякое четвероногое умирает в нем, отравленное углекислотой, которая из-за своей тяжести не поднимается высоко и не причиняет вреда человеку, стоящему на ногах.

— Что только?

— Не слишком ли он легок для своего объема? Пролетит ли он сорок километров?

— С меня достаточно, если он пролетит восемь, — усмехаясь, ответил герр Шульце.

— Но вот, — добавил он, показывая на другую бомбу, — вот вам другой литой снаряд. Он с начинкой. Эта начинка представляет собою сотню маленьких, симметрично расположенных пушечек, которые входят одна в другую наподобие цилиндров в бинокле. Эти пушечки, которые после взрыва разлетаются, как снаряды, через мгновение выбрасывают из себя маленькие бомбы с зажигательными веществами. Это все равно, как если бы я бросил в пространство целую батарею, способную охватить пожаром и смертью весь город, объять его со всех сторон бушующим, неугасимым огнем. И вес этого снаряда рассчитан точно — как раз на сорок километров! Вскоре я произведу один опыт, и тогда те, что сомневаются, смогут собственными руками ощупать сотни тысяч трупов, которые мой снаряд уложит на месте.

Чудовищные зубы Шульце так и сверкали. Марсель с наслаждением выбил бы ему пяток-другой. Но, сделав над собой усилие, он сдержался. Он узнал еще далеко не все, что ему было нужно.

— Да, — повторил герр Шульце, — скоро мы произведем решительный опыт.

— Как? Где? — вскричал Марсель.

— Как? Да вот при помощи одного из этих снарядов, который, будучи выпущен из моего орудия, перелетит горный кряж Каскад-Маунтс. Вы спрашиваете, где будет произведен опыт? Над городом, который лежит от нас на расстоянии сорока километров. Город этот не ожидает, что на него обрушится такой громадный удар, а если бы даже и ожидал, ему нечем защитить себя от его испепеляющей силы. Так вот, тринадцатого сентября, в одиннадцать сорок пять вечера, Франсевилль исчезнет с лица земли! Его постигнет участь Содома. Профессор Шульце низринет на него пламя с небес.

Марсель оледенел от этого неожиданного заявления. Но Шульце, не замечая впечатления, какое произвели на слушателя его слова, продолжал с воодушевлением:

— Мы здесь, в Штальштадте, дёлаем как раз обратное тому, что делают изобретатели Франсевилля. Мы стремимся сократить человеческую жизнь, тогда как они изыскивают способы продлить ее. Но их усилия обречены на ги-

бель, и только смерть, которую мы ниспошлем на них, даст место новой жизни. Однако все в природе имеет свой смысл, и доктор Саразен, основав свой город, предоставил мне, сам того не зная, прекрасный материал для опытов.

Марсель слушал все это, не веря собственным ушам.

— Но, сударь, — вымолвил он наконец прерывающимся от волнения голосом, — ведь жители Франсевилля не сделали вам ничего дурного! Насколько мне известно, у вас нет повода искать с ними ссоры.

— Дорогой мой, — отвечал Шульце, — в вашем, вообще говоря, недурно устроенном мозгу сохранились кое-какие вздорные кельтские идеи, и, если бы вам предстояла долгая жизнь, они могли бы сильно повредить вам. Добро, право — все это вещи относительные и весьма условные. В мире нет ничего абсолютного, за исключением великих законов природы. Один из этих законов — борьба за существование — столь же непреложный, как закон всемирного тяготения. Пытаться уклониться от него бессмысленно. Надо жить разумно — иначе говоря, подчиниться этому закону и действовать так, как он нам диктует. И вот потому-то я и уничтожу город доктора Саразена. С помощью моей пушки пятьдесят тысяч германцев без труда отправят на тот свет сто тысяч жалких мечтателей, ибо это порода, обреченная на гибель.

Марсель понял, что пытаться отговорить герра Шульце от его преступной затеи — дело бесполезное. Они вышли из зала снарядов. Герр Шульце запер секретным запором двери, и они молча спустились вниз, в столовую.

Герр Шульце уселся в кресло, спокойно поднес к губам кружку пива, позвонил и приказал подать себе новую трубку взамен разбитой.

— Арминий и Сигимер здесь? — спросил он лакея.

— Здесь, ваше сиятельство.

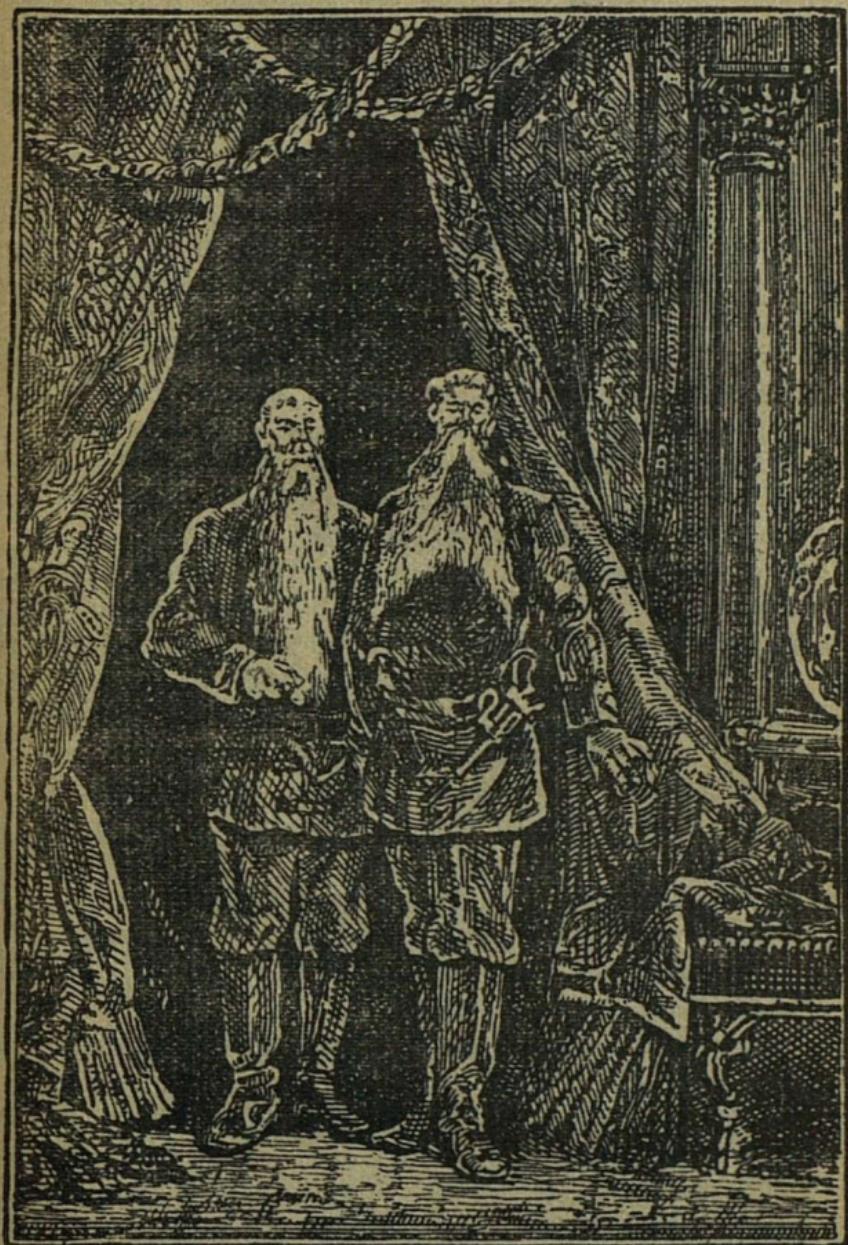
— Скажите им, чтобы они никуда не уходили.

Когда слуга вышел, стальной король повернулся к Марселью и пристально посмотрел ему в лицо. Марсель спокойно выдержал этот холодный, непроницаемый взгляд.

— Вы серьезно намереваетесь привести в исполнение эту затею? — спросил он.

— Совершенно серьезно. Мне известны до одной десятой секунды широты и долготы Франсевилля. Тринадцатого сентября, в одиннадцать часов сорок пять минут вечера, он прекратит свое существование.

— Лучше вам было бы держать про себя подобный проект.

В дверях появились два гиганта.

— Вы, дорогой мой, повидимому, абсолютно неспособны мыслить логически. Поэтому мне не так уж приходится жалеть, что смерть постигает вас в таком юном возрасте.

Марсель при этих словах молча поднялся с места.

Шульце позвонил, и тотчас же в дверях появились два гиганта — Арминий и Сигимер.

— Вам хотелось проникнуть в мою тайну, — продолжал герр Шульце. — Ну вот, ваше желание удовлетворено. А теперь вы должны умереть.

Марсель безмолвствовал.

— Вы достаточно умны и вряд ли могли предполагать, что после того, как я открыл вам свою тайну, я позволю вам жить. Это было бы с моей стороны непростительным легкомыслием, полным отсутствием логики. Цель, которую я ставлю перед собой, столь грандиозна, что я не могу рисковать успехом дела из-за таких, можно сказать, ничтожных соображений, как жизнь одного человека — даже такого человека, как вы, дорогой мой, чьи умственные способности я высоко ценю. Признаться, я сейчас очень жалею, что мое уязвленное самолюбие толкнуло меня на излишнюю откровенность и теперь ставит перед необходимостью расстаться с вами. Но вы должны сами понимать: когда перед человеком стоит такая цель, какую я поставил перед собой, ни о каком личном чувстве не может быть речи. Могу вам сказать теперь, что ваш предшественник, Зоне, погиб не от взрыва динамита, а от того, что он про ник в мою тайну. Так что вы видите, это правило без исключений, я не могу от него отступить. Ничего не сделаешь.

Марсель молча смотрел на герра Шульце. По его тону, по животному упрямству, написанному на этом низком племшивом лбу, он понял, что для него все кончено. Поэтому он даже не пытался возражать.

— Когда я должен умереть и каким образом? — спросил он.

— Насчет этого вы можете не беспокоиться, — спокойно ответил Шульце. — Вы умрете без всяких мучений. В одно прекрасное утро вы не проснетесь, и все.

По знаку стального короля, Марселя взяли под стражу и проводили в его комнату. Гиганты Арминий и Сигимер стали на часах у дверей.

Марсель, оставшись один, перестал сдерживаться. Задыхаясь от гнева и отчаяния, он думал о докторе Саразене и других близких ему людях, о своих соотечественниках, о всех тех, кто был ему дорог.

— Смерти я не боюсь, умереть не страшно, — говорил он себе. — Но как предотвратить эту страшную угрозу, которая нависла над ними?

IX. Побег

Положение поистине было безвыходным. Что мог сделать Марсель, когда часы его жизни были сочтены и наступавшая ночь, быть может, была для него последней?

Он не мог уснуть, охваченный мучительной тревогой. Но он думал не о себе, не о том, что он каждую минуту может расстаться с жизнью, что ему, может быть, не дожить до рассвета. Нет. Все мысли его были устремлены к Франсевиллю.

«Что делать? — спрашивал он себя в сотый раз. — Уничтожить чудовищную пушку? Взорвать башню с казематом? Но как это сделать? Бежать? Но как бежать, когда дверь сторожат эти великаны? И если бы даже мне удалось каким-нибудь чудом бежать из этого проклятого города, как я могу успеть до тринацатого числа помешать Шульце осуществить его страшную затею? Ах, нет! Я все-таки мог бы если не спасти самый город, то по крайней мере хоть предупредить его жителей, крикнуть им: «Спасайтесь! Бегите отсюда без оглядки! Вам грозит смерть!»

Потом мысли его вдруг принимали другое направление.

«Этот гнусный негодяй Шульце! — думал он. — Если допустить даже, что он преувеличивает разрушительную силу своих снарядов и они не могут объяять пламенем сразу целый город, все же достаточно одного выстрела, чтобы в Франсевилле вспыхнуло несколько пожаров. Чудовищное изобретение! Подумать только, что его скорость достигает десяти тысяч метров в минуту! Ведь это почти третья той скорости, с которой Земля несется по своей орбите. Может ли это быть? Увы, да. И если только это проклятое оружие не разорвется при первом выстреле... А оно не разорвется! Нет! Я знаю металл, из которого оно сделано. Его сопротивление на разрыв почти не имеет предела. И ведь этот негодяй безошибочно знает расположение Франсевилля. И, никуда не двигаясь из своей берлоги, он с математической точностью наведет свою чудовищную пушку и пошлет снаряд в самый центр города. Как предупредить несчастных жителей?»

С рассветом Марсель поднялся, так и не сомкнув глаз всю ночь.

— Итак, казнь отложена до следующей ночи. Этот плач, повидимому, решил ждать, пока я не засну от усталости, чтобы отправить меня на тот свет без мучений. Но какой же род смерти придумал он для меня? Может быть, он даст мне вдохнуть синильной кислоты во время сна? Или пустит в мою комнату углекислый газ? А может быть, применит этот газ в жидкоком состояния, в каком он вводил его в свои стеклянные снаряды, и заморозит меня? И завтра вместо этого тела, полного жизни и силы, будет лежать оледеневший труп, недвижный истукан... А, злобное животное! Ты хочешь остановить биение моего сердца, отнять у меня жизнь? Что ж, я готов умереть, лишь бы доктор Саразен и его семейство, лишь бы моя маленькая Жанна остались живы. А для этого мне надо бежать. Я должен, должен бежать, и я убегу!

Произнося эти слова, Марсель машинально взялся за ручку двери.

К его крайнему удивлению, дверь отворилась, он беспрепятственно спустился по лестнице и вышел в сад.

«Повидимому, меня решили не запирать в комнате, — подумал он. — Хоть я и узник, но могу двигаться по всему сектору. Это уже много легче».

Но едва только Марсель сделал несколько шагов, как позади него выросли две громадные тени, два гиганта, носившие столь громкие исторические, или, вернее, доисторические, имена: Арминий и Сигимер.

Встречая их раньше, Марсель не раз спрашивал себя, какую службу могут нести эти краснорожие бородатые великаны с бычачьими шеями, с геркулесовскими мускулами, неизменно одетые в серые казакины.

Теперь он узнал, в чем состоит их служба. Это были личные телохранители Шульце, вершители его правосудия, палачи и тюремщики.

В течение всего дня они не спускали с него глаз, сидели на часах у дверей его комнаты, следили за ним по пятам, когда он выходил в парк. Они были буквально увешаны оружием — револьверами, пистолетами, кинжалами. При всем этом они были немы, как рыбы. Все попытки Марселя вступить с ними в разговор оказались безуспешными. Ответом ему были только свирепые взгляды. Даже его попытка угостить их пивом не увенчалась успехом.

Целый день наблюдал Марсель за этими церберами и обнаружил у них только одну слабость: это были трубки, оба они курили не переставая. Нельзя ли было воспользоваться этой единственной слабостью для своего спасения?

Марсель невольно остановился на этой мысли. Поклявшись бежать, он еще не знал, каким образом он приведет в исполнение свое намерение, но решил не пренебрегать ничем, не упускать ни малейшей возможности.

Он знал, что открытая попытка к бегству приведет только к тому, что он получит две пули в голову. Но если даже предположить, что ему удастся избежать этих пуль, все равно ведь его окружает тройное кольцо крепостных стен, тройной караул.

По старой привычке, приобретенной в Центральной школе, Марсель поставил себе вопрос о бегстве в форме математической задачи.

«Если человек находится под охраной двух молодцов без совести и сострадания, причем оба они сильнее его и вооружены до зубов, что он должен сделать? Прежде всего ему необходимо уйти от бдительности этих аргусов. После того как этот первый шаг будет сделан, ему предстоит выбраться из укрепления, все выходы которого защищены строгой охраной...»

Марсель без конца ломал себе голову над этой задачей и никак не мог найти способа решения.

Но вдруг его осенило. Случай ли пришел ему на помощь или, подстегиваемый нависшей над ним опасностью, он проявил сверхчеловеческую изобретательность — сказать трудно. Но как бы там ни было, во всяком случае это была счастливая находка.

Прогуливаясь днем в парке, Марсель случайно обратил внимание на невзрачный кустарник с острыми продолговатыми листьями и большими красными цветами в форме колокольчиков на длинных стебельках.

Марслю никогда не приходилось всерьез заниматься ботаникой, но все же ему показалось, что он узнает в этом растении характерные признаки семейства пасленовых. Желая себя проверить, он сорвал листочек и попробовал его пожевать.

Он не ошибся. Свинцовая тяжесть во всем теле, приступы тошноты — все это указывало на то, что у него под рукой находился естественный источник белладонны, сильнейшего наркотического средства.

Продолжая свою прогулку, он подошел к небольшому искусственному озеру, которое с южной стороны низвергалось водопадом, точно скопированным с водопада в Булонском лесу.

«Куда стекает вода этого водопада?» заинтересовался Марсель.

Она сбегала в небольшую речку, которая после нескольких крутых поворотов исчезала у ограды парка.

Повидимому, где-нибудь поблизости находился сток, и речка, вливаясь в него, уходила в один из больших подземных каналов, орошающих долину за пределами Штальштадта.

Марсель решил, что эта речка может быть для него выходом. Разумеется, это не были широко раскрытые ворота, но все же это была дверца, через которую можно было ускользнуть.

«А что если канал отгорожен железной решеткой?» благоразумно шепнул ему робкий голос осторожности.

«Кто не рискует, тот не выигрывает, — возразил другой, насмешливый голос — голос, который диктует нам самые отчаянные решения. — Ведь не только для обточки пробок существуют напильники. У тебя в лаборатории их целая коллекция».

Итак, решение было принято.

Марсель не спеша вернулся к кустарнику с красными цветами, нагнулся к нему и под внимательными взорами своих стражей сорвал несколько листочек.

Затем, вернувшись к себе в комнату, он опять-таки на виду у своих тюремщиков высушил листья над огнем, растер их между пальцами и смешал с табаком.

Прошло шесть дней, а Марсель, к крайнему своему удивлению, просыпался каждое утро живым и невредимым. Могло ли это означать, что герр Шульце, которого он больше не видел с того памятного дня, отказался от своего намерения разделаться с ним? Нет, вряд ли можно было ожидать этого от герра Шульце, а еще того меньше, чтобы он отказался от своего проекта уничтожить Франсевилль.

Но пока что, пользуясь этой неожиданной отсрочкой, Марсель каждый день проделывал тот же фокус с табаком. Разумеется, он не курил белладонну и постоянно носил при себе два пакетика с табаком: один для своего личного пользования, а другой — для своих манипуляций, которые, по его расчетам, должны были возбудить любопытство таких завзятых курильщиков, как Арминий и Сигимер, и заставить их последовать его примеру.

Расчет его оказался верным. Утром на шестой день, — это был последний день перед роковым тринадцатым сентября, — Марсель, бродя по парку, увидел, как его неизменные стражи остановились около кустарника с красными цветами, чтобы нарвать листьев.

Час спустя он уже имел удовольствие наблюдать, как они сушили их над огнем, потом растерли своими грубыми ладонями и смешали с табаком. По их лицам видно было, что они уже предвкушают наслаждение покурить эту замечательную смесь.

Похоже, что первый шаг на пути к бегству оказался удачным. Если аргусы¹ будут усыплены, Марсель на некоторое время освободится от надзора. Но это было еще далеко не все. Надо было найти способ проникнуть через сток в канал и проплыть по этому каналу, хотя бы он тянулся на несколько километров. Марселью казалось, что он нашел такой способ. Правда, шансы на спасение были невелики, но так или иначе жизнь его висела на волоске, и он решил рискнуть.

Настал вечер, подали ужин, а после ужина неразлучное трио, перед тем как отойти ко сну, отправилось в парк.

Марсель, не теряя времени, спокойно направился в глубину парка, к стоящему в уединении флигелю, где находилась мастерская моделей; здесь он уселся на садовую скамью, достал трубку, не спеша набил ее и закурил.

Арминий и Сигимер тотчас же расположились на соседней скамье. Трубки у них были уже наготове; они с явным наслаждением затянулись и стали пускать густые клубы дыма.

Действие наркотика не заставило себя ждать. Не прошло и пяти минут, как оба неуклюжих тевтонца начали зевать и потягиваться, покачиваясь из стороны в сторону, как сонные медведи. В ушах у них стоял звон, глаза заволокло, лица из красных сделались багровыми, руки беспомощно упали, головы запрокинулись на спинку скамьи, и трубки покатились на землю.

Вскоре к пению ночных птиц, раздававшемуся в тишине парка, присоединилось зычное храпенье крепко уснувших великанов.

Марсель только этого и ждал.

Не теряя ни минуты, он бросился в мастерскую моделей. Здесь в просторном зале был собран целый музей. Длинными рядами стояли модели гидравлических и паровых машин, локомобилей, насосов, турбин, пароходных двигателей. Это были деревянные модели всех видов продукции завода Шульце, с первого дня его основания и по настоящее время. Большое место среди них занимали модели всевозможных пушек, торпед и снарядов. Тут было

¹ Аргус — мифическое стоглазое чудовище; бдительный, неусыпный страж.

немало настоящих шедевров. Эта коллекция, несомненно, стоила несколько миллионов.

Ночь была темная, и молодой эльзасец благодарил судьбу, ибо темнота способствовала осуществлению задуманного им отчаянного плана. Прежде чем бежать, Марсель решил уничтожить музей моделей. Ах, если бы он мог так же уничтожить и неприступную «Башню быка» с ее проклятым казематом и чудовищной пушкой! Но об этом нечего было и думать.

Прежде всего Марсель сунул в карман маленькую стальную пилу, которая висела на стене среди других инструментов. Затем, чиркнув спичкой, он поднес ее к груде чертежей и мелких моделей из легкого соснового дерева, сложенных в углу мастерской. Вспыхнуло пламя, и Марсель быстро выбежал обратно в сад.

Спустя несколько минут огненные языки уже вырывались из окон мастерской, разрывая ночную темь. Загудел набат; электрический сигнал понесся по проводам, и со всего города съехались пожарные с паровыми насосами.

Не замедлил появиться и сам герр Шульце, присутствие которого наводило такой страх на его подчиненных, что они готовы были лезть в огонь, лишь бы избежать его гнева.

В несколько минут паровые машины были приведены в действие, и огромные насосы заработали со страшной силой, извергая потоки воды на горящие стены. Но огонь оказался на этот раз сильнее воды: она не тушила его, а мгновенно испарялась, и скоро все здание пыпало, как громадный костер. В какие-нибудь четверть часа пламя достигло такой силы, что люди принуждены были отказаться от дальнейшей борьбы. Зрелище было страшное, но в то же время величественное.

Марсель, спрятавшись в кусты, не спускал глаз со своего патрона, который понукал людей, словно посыпая их на приступ укрепленного города. Но огонь уже сделал свое дело, и всем было ясно, что спасти музей нет никакой возможности.

Наконец, убедившись, что здание погибло, Шульце закричал громовым голосом:

— Десять тысяч долларов тому, кто спасет модель номер три тысячи сто семьдесят пять, под стеклянным колпаком посреди зала!

Под этим номером значилась модель знаменитой усовершенствованной пушки Шульце, которая была для него дороже всей его музейной коллекции.

Огромные насосы заработали, извергая потоки воды
на горящие стены.

Но, для того чтобы спасти эту модель, надо было ринуться в море огня и в черную завесу дыма. Из десяти шансов вряд ли был хоть один выйти живым из этого ада. Поэтому, несмотря на заманчивую цифру в десять тысяч долларов, на призыв герра Шульце не отозвался никто.

Люди молча топтались на месте.

И вдруг из-за деревьев вышел человек и решительно направился к пожарищу. Это был Марсель.

— Я пойду, — сказал он спокойно.

— Вы? — недоверчиво вскричал Шульце.

— Да, я.

— Не надейтесь, что это спасет вас от смерти, которая вас ждет.

— Я не себя хочу спасти, я хочу спасти драгоценную модель.

— Тогда ступай, — сказал Шульце. — И клянусь: если ты вернешься с моделью, десять тысяч долларов будут переданы в руки твоим наследникам.

— Согласен, — ответил Марсель.

Ему привязали на спину аппарат Галибера, которым он уже имел случай пользоваться, разыскивая в шахте Альбрехт маленького Карла Бауэра. Зажав нос деревянными щипчиками, Марсель взял в рот наконечник трубки и смело бросился в пламя.

«Наконец-то! — мысленно воскликнул он. — Воздуха у меня на четверть часа. Дай боже, чтобы мне его хватило».

Разумеется, у Марселя и в мыслях не было спасать модель шульцевской пушки. Он только пробежал через горящее здание, лавируя с опасностью для жизни среди рушащихся пылающих балок, и в ту самую минуту, когда крыша с грохотом провалилась и громадные снопы искр фейерверком взвились к небу, он успел выскочить в противоположную дверь, выходившую на другую сторону парка.

Он мигом добежал до реки, спустился с откоса к тому месту, где она, образуя сток, вливалась в подземный канал, и прыгнул в воду.

Течение тотчас же подхватило его и стремительно увлекло в глубину подземного канала.

«Далеко ли тянется этот канал? — пронеслось в голове у Марселя. — Если через четверть часа он не кончится, я погиб».

Холодный стремительный поток нес его под землей по крайней мере минут десять, и вдруг его обо что-то ударило.

Это была железная решетка, запирающая канал.

«Я должен был это предвидеть», сказал себе Марсель.

И, не теряя ни секунды, он вынул из кармана пилу и начал пилить железный засов у самого замка.

Минут пять он пилил — засов не подавался. Марселью уже нехватало воздуха. В ушах стоял звон, глаза налились кровью, в висках стучало. Он продолжал пилить, стараясь задерживать дыхание, чтобы сохранить последние остатки кислорода, но засов не подавался.

И вдруг пила выскоцила у него из рук.

«Бог не может быть против меня», подумал Марсель и, схватившись обеими руками за решетку, рванул ее изо всех сил, которыми в последнюю минуту наделяет человека инстинкт самосохранения. Решетка открылась, засов отскочил, и течение вынесло несчастного, задыхающегося, обессиленного Марселя на свежий воздух.

На следующее утро, когда рабочие Шульце пришли на место пожарища, они не нашли среди золы и черных головешек ничего, что бы напоминало останки человеческого существа. Повидимому, отважный юноша пал жертвой преданности своему делу: это нисколько не удивило его товарищей по работе.

Драгоценную модель не удалось спасти, но человек, проникший в тайну стального короля, погиб.

«Бог свидетель, что я хотел избавить его от мучений,— сказал себе герр Шульце.— Но как бы там ни было, а десять тысяч долларов остались у меня в кармане».

И это было все, чем он почтил память молодого эльзасца.

X. Статья в немецком журнале

За месяц до описанных нами событий в немецком обозрении «Unsere Centurie» — «Наш век» — появилась статья, посвященная Франсевиллю. Статья эта пришла по вкусу даже самым взыскательным людям Германской империи, должно быть, потому, что автор рассматривал этот город исключительно с материально-политической точки зрения.

«Мы уже сообщали нашим читателям о необыкновенной колонии, основанной в западной части Соединенных штатов. Хотя великая американская республика благодаря тому, что значительная часть ее населения состоит из эмигрантов, с давних пор приучила мир к необычайным сюрпризам, однако нельзя не удивляться неожиданному

возникновению нового города, именуемого Франсевиллем, города, о котором пять лет тому назад не было и речи, ныне же не только благоденствующего, но и достигшего высшей степени процветания.

Этот чудесный город вырос, словно по волшебству, на благоуханном берегу Тихого океана. Мы не ставим себе задачей расследовать, действительно ли первоначальный проект и самая идея этого города принадлежат французу, доктору Саразену. Возможность этого не исключена, принимая во внимание то обстоятельство, что названный доктор может похвастаться тем, что состоит в отдаленном родстве с нашим знаменитым «стальным королем». Полагают даже, что основанию Франсевилля немало способствовала полученная доктором Саразеном не совсем честным путем значительная часть наследства, которое, по закону, должно было бы полностью отойти герру Шульце. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что все полезное и хорошее, совершающееся в мире, происходит с участием германской расы, и мы рады воспользоваться случаем, чтобы лишний раз с гордостью отметить этот факт.

Но мы поставили себе целью сообщить нашим читателям подробные и достоверные сведения о неожиданном возникновении идеального города Франсевилля.

Напрасно стал бы читатель искать это название на карте. Даже большой атлас в триста семьдесят восемь томов *in folio*¹ нашего знаменитого Тухтигманна, где с безошибочной точностью отмечен каждый кустарник, каждое дерево как Старого, так и Нового Света, даже этот монументальный вклад в географическую науку, предназначенный для артиллеристов, не упоминает о Франсевилле. Точное местонахождение этого города определяется $43^{\circ}11'3''$ северной широты и $124^{\circ}41'17''$ долготы по меридиану Гринича. Итак, мы видим, что он расположен на побережье Тихого океана, у подножья Скалистых гор, которые в этом месте носят название Каскад-Маунтс, в восьмидесяти километрах к северу от мыса Бланк, штат Орегон в Североамериканских соединенных штатах. Район этот был выбран с большой тщательностью; наиболее важными соображениями, говорящими в его пользу, надо считать: умеренный климат Северного полушария, которое всегда играло ведущую роль в истории цивилизации; выгодное в политическом смысле положение в самом центре федеративной республики сравнительно недавно возникшего го-

¹ *In folio* — формат издания книги в одну вторую бумажного листа.

сударства, что позволило вновь основанному городу обеспечить себе временную независимость и права, подобные тем, коими пользуется в Европе княжество Монако; удобное географическое положение на берегу океана, который из года в год становится все более оживленным торговым путем всего земного шара; богатая, плодородная почва; близость гор, которые задерживают северные, южные и восточные ветры, благодаря чему воздух освежается только здоровым морским ветром; быстрая горная речка с прозрачной, чистой водой и, наконец, естественная бухта, которую легко можно расширить при помощи плотины и мола.

Отметим бегло кое-какие второстепенные преимущества этого района: прекрасные залежи мрамора и камня, богатые месторождения каолина и даже признаки золотоносных жил.

Надо сказать, что это последнее обстоятельство чуть было не заставило основателей города отказаться от выбранной территории, ибо они опасались, что золотая лихорадка помешает им в осуществлении их проектов. Но, к счастью, золотоносные жилы оказались скучными, а самородки — очень незначительного размера.

Выбор территории занял очень немного времени, хотя вопрос этот и был предметом тщательного и глубокого изучения. Не было надобности снаряжать для этой цели специальную экспедицию. Наука мироведения в наши дни подвинулась так далеко вперед, что можно, не выходя из кабинета, получить самые точные и обстоятельные сведения о самых отдаленных уголках земного шара.

Как только вопрос был решен, двое уполномоченных от организационного комитета сели в Ливерпуле на первый отправлявшийся пароход и на одиннадцатый день прибыли в Нью-Йорк, а оттуда неделю спустя — в Сан-Франциско, где они зафрахтовали небольшое судно, которое через десять часов доставило их к месту назначения.

Переговоры с законодательным собранием штата Орегон о приобретении концессии на участок земли протяженiem в шестнадцать километров по берегу океана, до горного кряжа Каскад-Маунтс, согласование этого вопроса при помощи нескольких тысяч долларов с полудюжины плантаторов, которые обладали действительными или мнимыми правами на эту землю, — все это заняло не более месяца.

К январю тысяча восемьсот семьдесят второго года участок был уже закреплен за новыми владельцами, промерен, размечен, и двадцатитысячная армия китайских ра-

бочих под руководством пятисот европейцев, десятников и инженеров приступила к работе. По всей Калифорнии на стенах, на столбах, на заборах были расклеены объявления о постройке нового города. К скорому поезду, который ежедневно отправлялся из Сан-Франциско и пересекал Североамериканский материк, был прибавлен специальный вагон-реклама, и двадцать три газеты, выходящие в этом городе, ежедневно помещали заметку о Франсевилле. Таким образом, приток рабочей силы был обеспечен.

Надо сказать, что наплыв китайских кули в Западную Америку сильно понизил в тот год цены на рабочем рынке. Многие штаты вынуждены были принять серьезные меры, чтобы обеспечить средства к существованию своим гражданам, и, во избежание кровопролитных стычек, прибегнуть к массовому изгнанию несчастных желтокожих. Постройка нового города Франсевилля спасла этих изгнанников от гибели. Им установили плату по одному доллару в день, при полном содержании, но жалованье выплачивалось только по окончании работ, причем каждый рабочий-китаец давал обязательство, получив расчет, выехать из города. Таким образом были предупреждены массовые беспорядки и бесстыдная эксплоатация рабочей силы, неизбежно возникающая при избытке рабочих рук на трудовом рынке. Но, вообще говоря, основатели города оставили за собой право разрешать или запрещать жительство в городе, и всякий мог воспользоваться возможностью получить такое разрешение.

В первую очередь строители позаботились провести железнодорожную ветку, которая шла до города Сакраменто и соединяла Франсевилль с Тихоокеанской магистралью.

Постройка этой ветки, так же как и постройка порта, производилась с необычайной энергией и воодушевлением, и уже в апреле месяце первый сквозной поезд из Нью-Йорка доставил на вокзал Франсевилля членов организационного комитета, которые до тех пор оставались в Европе.

К этому времени были уже завершены общая распланировка города, проекты жилищ и общественных зданий.

В строительных материалах не было недостатка. Едва только распространилась весть о постройке нового города, как американские промышленники начали свозить в порт Франсевилля все, что только можно придумать. Общественные здания решено было строить из тесаного камня, а жилые дома из кирпича, но исключительно высокого качества. Все кирпичные плитки были сделаны по одному

образцу, строго определенного веса и плотности, с идущими параллельно рядами цилиндрических отверстий, предназначавшихся для вентиляции жилищ. Стены из такого кирпича обладают, кроме того, еще одним ценным свойством — они поглощают звуки, благодаря чему каждое помещение становится вполне изолированным.

Комитет не счел нужным навязывать строителям проект однотипной постройки домов. Наоборот, он стремился к тому, чтобы в архитектуре города не было утомительного и безвкусного однообразия, которым отличаются казенные постройки. Но он выработал ряд строго определенных правил, которых должны были придерживаться архитекторы:

1. Каждому дому отводится участок земли, на котором надлежит насадить деревья, разбить цветники и газоны. Дом и участок пред назначаются для отдельной семьи.

2. Ни один дом не должен иметь больше двух этажей, чтобы не лишать света и воздуха соседние постройки.

3. Фасадная стена каждого дома должна отстоять на расстояние десяти метров от улицы. На этом пространстве должен быть разбит цветник или газон, который отделяется от улицы оградой в половину человеческого роста.

4. Стены домов строятся из патентованного сквозного кирпича. Орнамент домов предоставляется на усмотрение архитекторов.

5. Крыши надлежит строить в виде плоских террас, с легким наклоном, и обносить их, во избежание несчастных случаев, балюстрадой; крыши заливаются асфальтом, по краям их прорезаются желоба для немедленного стока дождевой воды в водосточные трубы.

6. Все дома строятся на высоком фундаменте, образующем под нижним этажом открытый сводчатый подвал, который способствует циркуляции воздуха и в то же время служит местом хранения продуктов. Сточные и водопроводные трубы должны проходить в этом подвале на виду, так, чтобы можно было всегда проверить их состояние, а в случае пожара обеспечить подачу воды. Полы подвального помещения должны находиться на высоте пяти-шести сантиметров над уровнем земли, их следует тщательно посыпать песком. Подвал сообщается с кухней и хозяйственными помещениями особой лестницей.

7. Кухня, хозяйственные помещения и помещение для прислуги должны быть расположены, против обыкновения, в верхнем этаже; они сообщаются с крышей-террасой, которая используется таким образом для хозяйственных надобностей.

Каждый дом снабжается подъемной машиной, с помощью которой можно без труда поднимать тяжести на верхний этаж. За пользование подъемной машиной, так же как за освещение и водопровод, с жителей взимается умеренная плата.

8. В распланировке комнат и внутренней отделке дома строителям предоставляется полная свобода. Но все вредные элементы — носители инфекции и бактерий, рассадники болезней — строго изгоняются из обихода, и в первую очередь ковры и обои. Нет надобности прятать под тяжелой, впитывающей пыль ворсяной материей художественный мозаичный паркет из ценного дерева, а стены, выложенные цветными изразцами, должны радовать взор богатством красок наподобие жилищ Помпей, и никакие обои, насыщенные всевозможными бациллами, не сравнятся с ними по красоте и прочности. Такие стены можно протирать, как паркет, или мыть, как стекло, и в них не спрячется ни одна вредоносная бактерия.

9. Спальные комнаты надлежит устраивать отдельно от будуаров. Это помещение, где человек проводит треть своей жизни, должно быть наиболее просторным, чтобы в нем было как можно больше воздуха, и обставлять его следует возможно проще, ибо оно служит только для спанья. Достаточно иметь здесь четыре стула, ночной столик, железную кровать с пружинным матрацем и легким тюфяком, набитым мягкой шерстью, который рекомендуется как можно чаще выбивать. Пуховики, перины, стеганые одеяла — все, что может способствовать распространению какой-либо инфекции, изгоняется из употребления. Рекомендуется пользоваться легкими теплыми шерстяными одеялами, которые можно часто стирать. Не запрещается вешать шторы, занавески и драпировки, но и для этой цели следует выбирать легко моющийся материал.

10. В каждой комнате должен быть камин, приспособленный для топки дровами или углем. Дымовые трубы выводятся не на крышу, а в подземные дымоходы, откуда дым поступает в особые печи, установленные за счет города позади домов. Здесь он освобождается от частиц углерода и в обесцвеченному состоянии выпускается на высоте тридцати пяти метров в атмосферу.

Таковы десять правил, которые надлежит соблюдать при постройке каждого жилого дома.

Столь же тщательно разработаны проекты построек общественных зданий.

План города в основе своей очень прост и предусма-

тряивает возможность расширения и роста Франсевилля. Улицы одинаковой ширины идут на одинаковом расстоянии одна от другой и пересекаются под прямыми углами. Все они обсажены по краям деревьями и обозначены номерами.

Через каждые полкилометра идет улица на треть шире других, она носит название бульвара или авеню. По одной из ее сторон проходят трамвайные пути и выводятся на поверхность пути подземной железной дороги.

На всех перекрестках разбиты общественные скверы, украшенные копиями скульптур великих мастеров, пока художники Франсевилля не создали своих произведений, достойных этих копий.

Всем жителям предоставлено право свободно заниматься всеми видами промышленности, ремесла и торговли.

Для получения права жительства в Франсевилле необходимо представить рекомендацию или отзыв, иметь любую полезную профессию, связанную с какой-либо областью промышленности, науки или искусства, и дать обязательство соблюдать законы города.

В городе уже сейчас имеется большое количество общественных зданий: собор, несколько церквей и часовен, музеи, библиотеки, школы, спортивные площадки; все это великолепно оборудовано и отвечает всем самым строгим правилам гигиены.

Нет нужды говорить, что дети с четырехлетнего возраста в обязательном порядке приучаются к физическим и умственным упражнениям, которые развивают их телесные и духовные силы. Их приучают к такой безукоризненной чистоте, что пятно на платье считается у них настоящим позором.

Забота о чистоте, индивидуальной и коллективной, выдвинута на первое место в Франсевилле. Чистить и мыть непрестанно, уничтожать и обезвреживать зловредные бактерии, неминуемо зарождающиеся всюду, где скапливается большое количество людей, — это основное и повседневное занятие администрации города.

В воде нет недостатка, она течет в изобилии. Улицы, залитые асфальтом, и каменные тротуары блестят, как выложенный плитками пол голландской фермы. Особенно строгое наблюдение установлено за рынками. Торговцы, осмеливающиеся продавать несвежие продукты — испорченные яйца, лежалое мясо, прокисшее молоко, — подвергаются строгой каре, как отправители, каковыми они, в сущности, и являются. Дело санитарной инспекции, чрезвычайно сложное и ответственное, находится в руках опытных

специалистов, которые проходят для этого особую школу.

В их ведении находятся также и прачечные, оборудованные по последнему слову техники: паровыми машинами, искусственными сушилками и дезинфекционными камерами. Белье выходит из прачечной ослепительно белым, причем строго соблюдается правило стирать белье каждого семейства в отдельности. Эта простая предосторожность имеет огромное значение.

Больницы немногочисленны, ибо всем предоставлена возможность пользоваться врачебной помощью дома. Больничные койки предназначаются главным образом для бесприютных чужеземцев и для каких-нибудь исключительных случаев.

Излишне говорить, что в Франсевилле совершенно отсутствуют большие, многокорпусные больницы — скопища заразы, вмещающие обычно от семисот до восьмисот больных. Такая мысль не могла притти в голову основателям идеального города. Они всячески стремятся изолировать больных, а ни в коем случае не объединять их. Даже и дома рекомендуется держать больных в отдельной комнате, чтобы они не соприкасались с остальными членами семьи.

Больницы в Франсевилле рассчитаны не более чем на двадцать-тридцать человек. Каждый больной помещается в отдельной палате. Строятся больницы по типу легких переносных бараков, из елового дерева. Каждый год их сжигают и строят новые. Такие бараки имеют то преимущество, что их можно легко переносить с места на место, а в случае надобности быстро построить новые.

Для обслуживания населения на медицинском пункте имеется целый штат опытных сестер-сиделок, которые проходят для этой цели специальную школу, куда принимают со строгим отбором. Эти сестры являются незаменимыми помощницами врачей.

Но мы никогда не кончим, если будем перечислять все гигиенические усовершенствования, введенные основателями нового города.

Каждый вступающий в число граждан города получает брошюру, где простым и общепонятным языком изложены главные правила, которые следует соблюдать каждому человеку, желающему вести здоровый, нормальный образ жизни.

Из этой брошюры он узнает, что необходимым условием для здоровья является правильная деятельность всех чело-

веченских органов; что труд и отдых одинаково необходимы организму; что мозг должен работать и утомляться, так же как и мускулы, и что девять десятых болезней вызываются инфекцией, передающейся по воздуху или через пищу. Поэтому человек должен тщательно следить за собой и своим жилищем, избегать возбуждающих напитков, заниматься гимнастикой, добросовестно исполнять свои повседневные обязанности, пить чистую воду, есть простую здоровую пищу, мясо, овощи, спать восемь часов в сутки. Таковы элементарные правила, или, если так можно выражаться, азбука здоровья.

Начав нашу статью с момента основания города, мы незаметно перешли к описанию его внешнего и внутреннего устройства, как если бы постройка его была уже вполне закончена. Это может показаться странным, но в действительности едва только были возведены первые дома, как вслед за ними другие стали вырастать мгновенно, словно по волшебству. Участок, который в январе тысяча восемьсот семьдесят второго года представлял собой еще совершенную пустыню, в тысяча восемьсот семьдесят третьем году насчитывал уже шесть тысяч домов. В тысяча восемьсот семьдесят четвертом году цифра жилых домов дошла уже до девяти тысяч, и все общественные постройки были к этому времени вполне закончены.

Большую роль в этом неслыханном росте сыграло то обстоятельство, что дома и прилегающие к ним обширные участки сдавались за очень умеренную цену. Отсутствие пошлин, политическая независимость этой маленькой обособленной колонии, прелест новизны, мягкий климат — все это привлекало сюда массу народа. В настоящее время Франсевилль уже насчитывает около ста тысяч жителей.

Весьма показательны и для нас весьма интересны статистические данные, свидетельствующие о результатах санитарных мероприятий нового города.

В то время как в наиболее крупных городах Европы и Нового Света годовая смертность редко падает ниже трех процентов, в Франсевилле средняя цифра за пять лет составляет всего полтора процента. В этот процент входят жертвы эпидемии болотной лихорадки, вспыхнувшей в период основания города. Цифра смертности за последний год составляет всего один с четвертью процента. Следует отметить еще одно важное обстоятельство: все зарегистрированные смертные случаи, за небольшим исключением, являются результатом наследственных или хронических болезней. Острые заболевания в Франсевилле наблюдаются

несравненно реже, чем в какой-либо другой точке земного шара. Что же касается эпидемий, то их, после того как были введены все вышеописанные санитарные мероприятия, вовсе не наблюдалось.

Интересно будет проследить дальнейшие результаты этого опыта и тем более интересно будет установить, может ли действие такого режима на протяжении нескольких десятилетий обезопасить подрастающие поколения от тяжелых наследственных заболеваний.

«Мы позволяем себе надеяться на это, — писал один из основателей этой удивительной колонии, — и, если надежды наши оправдаются, перед человечеством открываются новые блестящие перспективы. Люди обретут возможность жить до девяноста и до ста лет и умирать безболезненно от старости, как умирает большинство животных и растений».

Заманчивая мечта!..

Но мы позволим себе усомниться в том, что этот опыт приведет когда-либо к таким блестящим результатам. В постановке этого опыта мы усматриваем один коренной и весьма существенный недостаток. Дело в том, что в организационном комитете, в руках которого находится это предприятие, преобладает латинский элемент, а германский элемент категорически исключается. Это опасный симптом. С тех пор как существует мир, все великое и полезное, что происходило в нем, происходило по инициативе Германии. Ничего серьезного и решающего без Германии произойти не может. Самое большое, на что способны основатели Франсевилля, — это подготовить почву, выяснить кое-какие узкие вопросы, но не их руками и не на этом участке Америки будет воздвигнут когда-нибудь истинно идеальный город».

XI. Обед у доктора Саразена

Тринадцатого сентября, всего за несколько часов до назначенного герром Шульце срока, когда Франсевиллю надлежало исчезнуть с лица земли, ни правители города, ни любой из жителей не подозревали о грозящей катастрофе.

Было семь часов вечера.

Утопая в зелени олеандровых и тамариндовых деревьев, город живописно раскинулся у подножья Каскад-Маунтс, купая свои одетые в мрамор берега в мягко набегающих

волнах Тихого океана. На только что политых улицах, овеваемых свежим морским ветром, царило веселое оживление. Мягко шелестели деревья. Зеленели газоны; цветы раскрывали свои чашечки, наполняя воздух тонким благоуханием; приветливые белые особнячки, казалось, радушно улыбались; воздух был теплый, небо синело, и море сверкало из-за густой зелени широких бульваров.

Путешественника, очутившегося в этом городе, вероятно поразили бы необыкновенно цветущий вид жителей и какое-то праздничное оживление, царящее на улицах. В школе живописи и скульптуры, в музыкальной школе и в городской библиотеке,— а все эти учреждения были сосредоточены в одном квартале,— только что окончились занятия, и толпа молодежи, выходившая оттуда, запрудила улицу и площадь. Но никто не толкался, не раздражался, не слышно было никаких окриков. У всех были довольные, веселые, улыбающиеся лица.

Дом доктора Саразена стоял не в центре города, а на самом берегу Тихого океана. Он был построен одним из первых, и доктор тотчас же поселился в нем со своей женой и дочерью Жанной. Октав, почувствовав себя миллионером, пожелал остаться в Париже. Но при нем, к сожалению, не было его наставника Марселя.

Они почти потеряли друг друга из виду, и, когда доктор с женой и дочерью переселился в Франсевилль, Октав оказался предоставленным самому себе.

Он вскоре совсем забросил занятия в школе и провалился на выпускном экзамене.

Когда его приятель Марсель, окончив первым Центральную школу, уехал из Парижа, Октав, что называется, закусил удила. Он снял себе роскошный особняк на авеню Мариньи, разъезжал в карете, запряженной четверкой лошадей, и чаще всего его можно было видеть на ипподромах. Октав Саразен, который три месяца тому назад едва мог держаться в седле на уроках верховой езды в манеже, внезапно превратился в завзятого лошадника. Своей эрудицией в этой области он был обязан некоему англичанину — груму, которого взял к себе на службу и который совершенно покорил его необыкновенными познаниями по этой части.

Утренние часы Октава были распределены между портными, сапожниками и седельными мастерами. Вечера он проводил в оперетке или в салоне только что открытого на улице Тронше клуба. Октав выбрал этот клуб потому, что его капитал пользовался там таким уважением и лю-

бовью, каких он одними личными достоинствами нигде не мог завоевать. Общество, которое он встречал там, казалось ему идеалом изысканности. Но странное дело, в списке членов, вывешенном в нарядной рамке в приемном зале, красовались почти исключительно иностранные фамилии. Читая этот список, изобиловавший всевозможными титулами, можно было подумать, что вы случайно попали в приемную департамента геральдики. Однако, когда вы переходили в гостиную, у вас создавалось впечатление, что вы находитесь на этнологической¹ выставке; казалось, что здесь собирались все ястребиные носы и желтые лица всех оттенков со всех концов земного шара.

Октав Саразен казался юным богом среди этих помятых представителей всех стран света. Его слова передавались из уст в уста, ему старались подражать, его мнения считались законом. А он, опьяненный этим фимиамом, не замечал того, что систематически, изо дня в день, проигрывает свои деньги различным князьям и баронам то в карты, то в рулетку. Возможно, что некоторые члены этого клуба, будучи людьми восточного происхождения, считали, что они, в сущности, также имеют права на наследство своей соотечественницы бегумы. Во всяком случае, они медленно, но неуклонно перекладывали это наследство в свои карманы.

Неудивительно, что при таком образе жизни дружба, связывавшая Октава с Марселеем, мало-помалу прекратилась. Что общего могло быть между суровым тружеником, стремящимся непрестанно совершенствовать свой ум и свои знания, и красивым, изнеженным юношей, проматывающим свое состояние и не интересующимся ничем, кроме конюшен, клубных сплетен и анекдотов?

В течение двух лет вел Октав это бессмысленное, бесполезное существование и за это время успел пустить на ветер несколько миллионов. В конце концов это нелепое времяпрепровождение наскучило ему, и в один прекрасный день он бросил все и приехал к отцу. Это спасло его от гибели не только физической, но и моральной.

Итак, сейчас все семейство доктора Саразена было в полном соборе.

Жанна за эти четыре года жизни в Франсевилле успела превратиться в очаровательную девятнадцатилетнюю девушку, сочетавшую своеобразную прелест усвоенных ею американских манер с грацией и изяществом француженки.

¹ Этнология — наука, рассматривающая человека с чисто биологической стороны

Что касается госпожи Саразен, ее жизнь в Франсевилле была наполнена полезной и плодотворной работой. Она деятельно помогала своему мужу во всех его добрых начинаниях. Только мысль об Октаве не давала ей покоя; но с тех пор как «блудный сын» вернулся в лоно семьи, она чувствовала себя счастливейшей из смертных.

В этот вечер, тринадцатого сентября, у доктора Саразена обедали двое из его ближайших друзей: полковник Гендон, старый ветеран, участвовавший в гражданской войне, потерявший руку при осаде Питтсбурга и ухо в сражении при Севен-Оксе, что не мешало ему теперь успешно сражаться в шахматы, и господин Ленц, главный инспектор учебных заведений Франсевилля.

Говорили о городских делах, о различных мероприятиях, проводимых в общественных учреждениях, в больницах, школах.

Согласно школьной программе доктора Саразена, в которой важное место было отведено религии, инспектор Ленц создал несколько опытных первоначальных школ, где педагоги, наблюдая за детьми, стремились выявить их врожденные способности и помогали им развиваться в этом направлении.

В школах Франсевилля детям прививали любовь к науке, не обременяя их юные мозги поверхностными знаниями, которые не приносят им никакой пользы, не делают их ни умнее, ни лучше. При естественной склонности к той или другой отрасли науки детский ум жадно воспринимает все, что относится к его любимому предмету, и опытный педагог, умело руководя им, должен расширить круг его знаний и тем самым помочь ему впоследствии выбрать себе дорогу.

В этой глубоко продуманной системе воспитания серьезное внимание уделялось также и гигиене тела: ибо мозг и тело человека несут одинаково важную службу, и для того, чтобы они могли хорошо выполнять ее, то и другое следует развивать и воспитывать с юных лет.

В описываемый нами момент Франсевилль достиг высшей степени благосостояния. Он в полном смысле слова процветал. На его конгрессы съезжались величайшие учёные мира. Со всех концов земли, привлеченные рассказами об этом чудесном городе, стекались туда знаменитые артисты, художники, скульпторы, музыканты; под их руководством таланты юных франсевильцев обещали в недалеком будущем прославить этот уголок земного шара.

Можно было предвидеть, что эти новые французские

Афины вскоре завоюют себе первое место среди столиц мира.

Наряду с гражданским обучением в школах в обязательном порядке проводились и военные занятия.

По окончании школы все молодые люди умели владеть оружием и имели достаточную теоретическую подготовку, чтобы разбираться в вопросах тактики и стратегии.

Когда разговор за столом коснулся этой темы, полковник Гендон с большой похвалой отозвался о своих новобранцах.

— Они отлично тренированы, — сказал он, — и во время маневров проявили прекрасную подготовку и уменье принародовляться к условиям походной жизни. Наша армия хороша тем, что в нее входят все граждане, и если когда-нибудь понадобится, все возьмутся за оружие и покажут себя хорошо обученными, дисциплинированными солдатами.

До сих пор Франсевилль поддерживал наилучшие отношения со всеми своими соседями, ибо он никогда не упускал случая оказать им какую-нибудь услугу, но когда дело касается корысти, человеческая неблагодарность не знает предела, и доктор Саразен и его друзья, помня об этом, считали за благо придерживаться мудрого житейского правила: береженого и бог бережет.

Обед кончился, и дамы, по английскому обычаю, покинули столовую.

Доктор Саразен, Октав, полковник Гендон и господин Лэнц продолжали начатую беседу, оживленно обсуждая вопросы политического устройства и экономического развития города. В это время вошел слуга и подал доктору «Нью-Йорк геральд».

Эта почтенная газета с самого момента основания Франсевилля проявляла к нему живейшую симпатию и с интересом следила за всеми фазами его развития.

Граждане Франсевилля привыкли находить на ее страницах всевозможные высказывания и заметки о своем городе.

Эта маленькая колония свободных, счастливых, независимых людей вызывала не только восторженное удивление, но и самую черную зависть, и если у франсевильцев было много друзей и поклонников, которые восхищались ими, то было немало и врагов, которые рады были при всяком удобном случае нападать и клеветать на них. «Нью-Йорк геральд» неизменно стояла за Франсевилль и всячески высказывала это на своих страницах.

Доктор Саразен, продолжая беседу, разорвал бандероль и, бросив беглый взгляд на передовую статью, хотел было отложить газету, но вдруг, остановившись на полуслове, с недоуменным видом пробежал глазами несколько строк и тут же прерывающимся от волнения голосом прочел их вслух:

— «Нью-Йорк, восьмое сентября. Как сообщают из достоверных источников, Штальштадт, собрав мощное вооружение, готовится выступить против французского города Франсевилля, чтобы стереть его с лица земли. Мы не беремся решать, должны ли Соединенные штаты вмешаться в это столкновение между германской и латинской расами, но мы считаем своим долгом довести до сведения всех порядочных и честных людей об этом чудовищном насилии. Жители Франсевилля, не теряя ни минуты, должны принять все меры к обороне...»

XII. Заседание совета

Ненависть стального короля к городу, созданному доктором Саразеном, ни для кого не была тайной. Все знали, что Штальштадт был задуман им в пику Франсевиллю. Но чтобы он мог напасть на мирный город, разрушить его, воспользовавшись преимуществом грубой силы, — этого никто не мог ожидать. Однако «Нью-Йорк геральд» высказывалась вполне определенно. Повидимому, корреспонденты этого влиятельного органа печати каким-то образом узнали о намерениях герра Шульце и спешили предупредить франсевильцев. Они ясно говорили: нельзя терять ни минуты.

Доктор Саразен не мог притти в себя от охватившего его чувства недоумения. Он не допускал мысли, что человек может быть до такой степени извращен, чтобы у него без всякой причины, просто из какого-то самодурства могло возникнуть желание разрушить целый город, который является культурной собственностью всего человечества.

— Подумать только,— говорил доктор,— что у нас в этом году процент смертности снизился до одного с четвертью, что у нас нет ни одной семьи, в которой дети в десятилетнем возрасте не умели бы читать, что со временем основания Франсевилля у нас не было ни одного случая убийства или кражи. И вот находятся варвары, которые жаждут погубить в самом начале такой замечательный опыт. Нет,

я не могу поверить, чтобы ученый, химик, будь он хоть сто раз немцем, оказался способным на такое злодеяние.

Однако нельзя было не считаться с предупреждением этой благожелательной газеты, и необходимо было принять срочные меры к самозащите.

— Господа, — сказал доктор, обращаясь к присутствующим, — вам как членам гражданского совета надлежит вместе со мной обсудить, что нам следует предпринять для спасения нашего города. Что мы прежде всего должны сделать?

— Нет ли какой-нибудь возможности притти к соглашению? Возможности избежать войны, не поступаясь нашей честью? — промолвил господин Ленц.

— Нет, такая возможность совершенно исключена, — возразил Октав. — По всему видно, что герр Шульце решил воевать во что бы то ни стало. Его ненависть к нам не дает ему покоя, и ясно, что он не пойдет ни на какие уступки.

— В таком случае мы должны постараться дать надлежащий отпор, — сказал доктор. — Как вы считаете, полковник, способны мы противостоять пушкам Штальштадта?

— Любую военную силу можно успешно отразить другой такой же силой, — ответил полковник, — но дело в том, что у нас нет возможности защищаться теми же средствами и тем же оружием, с которым собирается напасть на нас герр Шульце. Изготовить пушки, которые могли бы бороться с его пушками, слишком долгая история, и, признаюсь, я сомневаюсь, что мы в состоянии это сделать, для этого нужно иметь специально оборудованные мастерские. Единственный возможный для нас выход — это не дать врагу приблизиться к городу, не допустить осады.

— Я сейчас же созову совет, — сказал доктор Саразен и, поднявшись с места, предложил гостям перейти в кабинет.

Это была просторная, светлая комната. Три ее стены были до самого потолка заставлены книжными полками, четвертая увешана картинами, а под ними, на уровне человеческого роста, виднелась целая система обозначенных номерами аппаратов, похожих на акустические трубы.

— С помощью телефона мы теперь можем созвать совет, не выходя из дома, — сказал доктор и, нажав кнопку, привел в действие целую систему проводов, которые соединили его с квартирами членов гражданского совета.

Через три минуты все аппараты, соединенные с аппаратом доктора Саразена, ответили: «Слушаю», и доктор, став

перед микрофоном, позвонил в колокольчик и объявил заседание открытым.

— Слово предоставляется почтенному полковнику Гендону. Он имеет сообщить гражданскому совету нечто чрезвычайно важное.

Полковник стал у микрофона и, прочитав сообщение «Нью-Йорк геральд», доложил совету, какие, по его мнению, меры следует принять в первую очередь.

Как только он кончил, номер шесть задал ему следующий вопрос: считает ли полковник возможным защищать город, если те меры, о которых он говорит, окажутся недостаточными для того, чтобы задержать врага и помешать ему приблизиться к городу?

Полковник ответил утвердительно.

Затем номер семь спросил, каким сроком примерно располагают франсевильцы для организации самообороны.

Полковник, разумеется, не мог ответить точно на этот вопрос, но сказал, что, по его мнению, надо постараться сделать все возможное в течение двух недель.

Вслед за этим доктор Саразен предложил созвать научный совет химиков, инженеров и артиллеристов для обсуждения плана защиты города, разработанного полковником Гендоном, чтобы затем немедленно приступить к его осуществлению.

После доктора Саразена выступил номер одиннадцать:

— Какая сумма денег потребуется для того, чтобы немедленно начать работы по обороне города?

Полковник Гендон ответил, что для этого надо располагать капиталом в пределах от пятнадцати до двадцати миллионов долларов.

Номер четыре внес предложение немедленно созвать общее собрание граждан Франсевилля.

Председатель, доктор Саразен, поставил этот вопрос на голосование. Предложение это было принято единодушно.

На этом заседание совета закончилось.

Часы показывали восемь. Заседание продолжалось всего восемнадцать минут, и никому не пришлось тратить время на ходьбу и дожидаться друг друга.

Общее собрание граждан было созвано столь же простым и быстрым способом. Доктор Саразен сообщил по телефону резолюцию совета в городскую ратушу, и тотчас же на двухстах восьмидесяти колоннах, которые стояли на всех перекрестках города, зазвонили электрические колокола, а стрелки светящихся циферблотов, установленных на

этих колоколах, остановились на половине девятого — часе, назначеннем для собрания франсевильцев.

Услышав звон, жители города Франсевилля поспешили выходили на улицу, прохожие поднимали глаза на ближайший циферблат, и каждый, сознавая, что его призывает гражданский долг, отправлялся на городскую площадь.

В назначенный час все франсевильцы были в сборе. Доктор Саразен и другие члены совета восседали на трибуне. Полковник Гендон, который должен был выступить с сообщением, стоял на ступенях трибуны, дожидаясь, когда ему дадут слово.

Большинство граждан уже знало, чем вызвано сегодняшнее собрание, так как заседание совета записывалось фонографом в ратуше и тотчас же было передано в газеты, а те моментально отпечатали экстренный выпуск, который в виде афиш расклеили по всему городу.

Павильон на городской площади, где происходило собрание, представлял собой огромное помещение со стеклянной крышей. Длинная вереница газовых рожков, укрепленных под высоким сводом, освещала его ровным ярким светом.

Толпа стояла спокойная, сдержанная; в ней чувствовалось сознание собственного достоинства и невозмутимая уверенность в своих силах.

Ровно в половине девятого председатель позвонил в колокольчик, и в зале воцарилась мертвая тишина.

Полковник поднялся на трибуну.

Простым, энергичным языком, без всяких ораторских ухищрений и прикрас, но внятно и ясно, как говорят люди, которые знают, что они хотят сказать, и взвешивают каждое слово, а не расточают их попусту, полковник Гендон рассказал собравшимся о том, как герр Шульце, всегда питавший ненависть к Франции и ко всей латинской расе, поклялся погубить дело доктора Саразена и теперь намеревается осуществить это. В его распоряжении, как сообщил «Нью-Йорк геральд», имеются чудовищные средства, с помощью которых он собираетсястереть с лица земли Франсевилль со всеми его жителями.

— И вот теперь гражданам Франсевилля предоставляется решить, что они будут делать. Конечно, люди трусливые и лишенные чувства патриотизма предпочли бы уступить врагу и позволили бы ему завладеть их новым отечеством. Но среди нас, можно быть уверенным, не найдется ни одного такого труса. Люди, которые сумели постигнуть великий идеал, вдохновлявший основателей прекрасного горо-

да Франсевилля, люди, которые свято соблюдали его законы, — это люди с мужественным сердцем и ясным умом. Они сделают все, чтобы спасти свой несравненный город, славный памятник благородной человеческой мысли, устремленной к великой цели — облегчить существование людям. Долг каждого из нас, — заключил полковник, — отдать жизнь во имя этого великого дела.

Гром аплодисментов покрыл последние слова полковника. Вслед за ним выступило еще несколько человек, которые говорили примерно в том же духе.

Затем доктор Саразен предложил собранию тут же учредить совет обороны, снабдив его всеми полномочиями для проведения необходимых мер по защите города.

После того как это предложение было принято, один из членов гражданского совета высказался за то, чтобы поставить на голосование вопрос о предоставлении кредита на оборону города в размере пяти миллионов долларов.

Это предложение также было принято единодушно, и в десять часов двадцать пять минут, после того как состав членов совета обороны был утвержден, собрание было распущено. Франсевильцы уже собирались расходиться, как вдруг на трибуне неизвестно откуда появился какой-то незнакомец. Вид его был до того необычен, что все остановились.

Рваная, покрытая илом одежда прилипала к телу. Лицо в кровоподтеках и ссадинах носило следы страшного душевного напряжения. Однако держался он решительно и спокойно.

Кто он был? Откуда явился? Никому, даже доктору Саразену, не пришло в голову его спросить.

Подойдя к самому краю трибуны, он властным жестом призвал толпу к молчанию.

— Я только что вырвался из Штальштадта, — сказал он. — Герр Шульце приговорил меня к смерти, но волей провидения мне удалось бежать и явиться во-время, чтобы попытаться спасти вас... Я не совсем чужой здесь... Надеюсь, мой досточтимый учитель, доктор Саразен, не откажется подтвердить, — хоть я и являюсь перед вами в таком виде, что даже он не узнает меня, — что Марсель Брукман заслуживает некоторого доверия.

— Марсель! — воскликнули в один голос доктор Саразен и Октав и уже хотели было броситься к нему, но он жестом остановил их.

Да, это был Марсель, спасшийся каким-то чудом. В ту минуту, когда он, уже совсем отчаявшись, схватился за ре-

шетку и она подалась, силы оставили его, и он лишился сознания. Течение вынесло его за пределы Штальштадта и выбросило на берег. Сколько часов пролежал он без чувств на пустынном берегу, во мраке ночи, он не мог сказать. Когда он очнулся, было уже светло.

Едва только сознание вернулось к нему, он вспомнил... Боже! Неужели он вырвался из этого проклятого места? Он свободен! Так скорей же на помощь к друзьям, скончавшимся предупредить доктора Саразена! Невероятным усилием он заставил себя подняться.

Сорок километров отделяло его от Франсевилля; сорок километров пешком по этой пустынной, словно проклятой богом местности, окружающей страшный Стальной город. Он прошел эти сорок километров, ни разу не присев, не отдохшая, и в четверть одиннадцатого уже входил в город доктора Саразена. Из расклеенных на стенах афиш он узнал, что жители Франсевилля уже предупреждены о том, что им угрожает опасность; но он понял, что они не знают ни размеров этой чудовищной опасности, ни того, что она обрушится на них сегодня же.

Часы показывали четверть одиннадцатого. Катастрофа, задуманная герром Шульце, должна произойти в одиннадцать сорок пять.

Собрав последние остатки сил, Марсель бегом пробежал расстояние, отделявшее его от городской площади, и в ту минуту, когда собрание уже готово было разойтись, появился на трибуне.

Остановив жестом доктора Саразена и Октава, Марсель снова обратился к толпе.

— Друзья мои! — воскликнул он. — Катастрофа угрожает вам не через месяц, не через неделю: она разразится над вами меньше чем через час. Море огня и железа обрушится на Франсевиль. Я видел своими глазами это адское орудие и знаю, что оно уже наведено на ваш город. Пусть женщины и дети сейчас же укроются в подвалах или выйдут за пределы города и спрячутся в горах, а мужчины пусть приготовятся всеми средствами, всеми силами бороться с огнем. Огонь — это сейчас единственный ваш враг. Ни суда, ни войска не движутся на вас. Противник, угрожающий вам, пренебрег этими обычными способами нападения. И если планы и расчеты этого человека, способного, как вы знаете, на неизмеримое зло, если, повторяю, эти расчеты правильны, если Шульце на этот раз не ошибся, то весь город от его снаряда мгновенно будет объят пламенем. Огонь вспыхнет сразу в ста различных точках, и

нужно будет бороться с ним всюду. Но в первую очередь, конечно, надо спасти население, потому что, в конце концов, если нам не удастся спасти дома, памятники, если даже, несмотря на все наши усилия, весь город сгорит дотла, то мы сможем построить его заново. Для этого нужны только время и деньги.

В Европе Марселя, наверно, сочли бы за сумасшедшего, но в Америке люди привыкли не удивляться чудесам науки, сколь бы они ни казались невероятными, и толпа, которую вззволнованный тон и измученный вид Марселя потрясли не меньше, чем его слова, готова была повиноваться ему без всяких возражений. Доктор Саразен ручался за Марселя Брукмана, этого для франсевильцев было достаточно.

Тотчас же были отданы необходимые распоряжения и по всем кварталам разосланы уполномоченные с соответствующими инструкциями. Жители стали расходиться по домам: кто укрывался в подвале, решив перетерпеть дома все ужасы бомбардировки, а кто пешком, верхом или в экипаже отправлялся за город, в ущелье Каскад-Маунтс.

Тем временем мужчины таскали на главную площадь и на другие указанные доктором пункты воду, песок, землю, все, что могло служить оружием для борьбы с огнем.

В зале заседаний между тем продолжалась беседа; члены совета расспрашивали Марселя о смертоубийственном изобретении Шульце.

Но Марсель казался поглощенным какой-то одной неотвязной мыслью. Он рассеянно отвечал на вопросы и, нахмурив лоб, что-то шептал про себя. Внезапно судорожным движением он сунул руку в карман и вытащил запущенную книжку. Поспешно перелистив ее, он лихорадочно начал записывать какие-то цифры, и по мере того, как он проделывал свои вычисления, лоб его разглаживался, лицо прояснялось. Наконец, подняв голову, он обвел присутствующих сияющим взглядом.

— Вот, друзья мои! — воскликнул он. — Или эти цифры лгут, или угроза, нависшая над нами, рассеется, как кошмар. Расчеты Шульце идут вразрез с основными законами баллистики. Это подтверждается решением вот этой задачи, над которой я долго ломал себе голову. Шульце на этот раз ошибся. Ничего из того, что он задумал, не случится. Его чудовищный снаряд пролетит над Франсевиллем, не причинив ему никакого вреда. И если нам грозит какая-либо опасность, то, во всяком случае, не сейчас.

Что означали слова Марселя, никто, в сущности, не

понял. Тогда юный эльзасец подробно изложил суть своих вычислений и так просто и внятно объяснил ход своих мыслей и решение задачи, что даже тем, кто никогда не занимался математикой, все стало совершенно ясно.

И у тех, кто его слушал, отлегло от сердца. Снаряд Шульце не только не заденет Франсевилля, он вообще ничего не заденет, ибо начальная скорость этого снаряда настолько велика, что он должен вылететь за пределы атмосферы и затеряться в пространстве.

Доктор Саразен, одобрительно кивая головой, следил за вычислениями Марселя, потом вдруг, подняв руку и указав на светящийся циферблат стенных часов, висевших в зале, сказал громко:

— Через три минуты, друзья мои, мы своими глазами увидим, на чьей стороне правда... Но как бы там ни было, меры предосторожности, принятые нами, никогда не помешают. Если этот удар и минует нас, Шульце на этом не остановится. Ненависть его только возрастет от неудачи. Будем же готовы дать ему надлежащий отпор.

— Идемте! — вскричал Марсель.

И все устремились за ним на площадь.

Часы на ратуше медленно отзвонили три четверти двенадцатого.

Спустя несколько секунд высоко в небе показалась темная масса и с молниеносной быстротой, оглашая воздух зловещим свистом, пронеслась над Франсевиллем и мгновенно скрылась из глаз.

— Счастливого пути! — с хохотом крикнул ей вдогонку Марсель. — Тебе уже больше никогда не увидеть Земли!

Через две минуты в отдалении послышался глухой взрыв, и земля словно охнула у них под ногами. Это был звук пушечного выстрела на «Башне быка», долетевший до них на сто тринадцать секунд позже снаряда, который промчался со скоростью, превышавшей скорость звука.

XIII. Марсель Брукман профессору Шульце, Штальштадт

«Франсевиль, 14 сентября

Считаю своим долгом уведомить стального короля, что третьего дня вечером я благополучно перешел границу его владений, предпринял спасение собственной персоны спасению модели пушки герра Шульце. Свидетельствуя вам свое почтение, я желал бы поблагодарить вас за проявленную

вами любезность и, в свою очередь, посвятить вас в свою тайну — можете быть спокойны, вам не придется платить за это своей жизнью.

Моя фамилия не Шварц, и я не швейцарец. Я эльзасец. Зовут меня Марсель Брукман. Я неплохой инженер, по вашему признанию, но прежде всего я француз. Вы объявили себя неумолимым врагом моей родины, моих друзей, моей семьи. Вы замышляли погубить вашими гнусными изобретениями все самое дорогое для меня. Я пошел на все, чтобы проникнуть в ваши замыслы. И я сделаю все, чтобы их разрушить.

Спешу довести до вашего сведения, что первый ваш удар, слава богу, не попал в цель. Ваша пушка поистине достойна всяческого удивления, но самое удивительное в ней — это то, что снаряды, которые она выбрасывает при помощи такого чудовищного заряда пороха, никому не могут причинить вреда, ибо на свете не существует такой цели, в которую ими можно было бы попасть. Я об этом подумал с самого начала, когда вы мне ее показывали, но ныне это неоспоримый факт, который увековечит имя герра Шульце, славного изобретателя ужасного, мощного, но совершенно безобидного орудия.

Итак, я думаю, вам доставит удовольствие узнать, что вчера в одиннадцать часов сорок пять минут четыре секунды мы любовались вашим чересчур усовершенствованным снарядом, когда он пролетал над нашим городом. Он умчался на запад, кружась в безвоздушном пространстве, где ему отныне суждено носиться до скончания века. Снаряд, начальная скорость которого достигает десяти километров в секунду, то есть, иными словами, раз в двадцать превышает некоторую определенную скорость, не может упасть. Его поступательное движение вместе с силой тяготения обратит его в вечно движущееся тело, обреченное носиться в межпланетном пространстве в качестве постоянного спутника нашей планеты.

Не мешало бы вам помнить об этом.

В заключение выражаю надежду, что ваша пушка в «Башне быка» пришла в совершенную негодность после этой первой пробы. Но выпустить заряд в двести тысяч долларов, чтобы подарить миру новую звезду, а Земле — нового спутника, право, это не так уж дорого.

Марсель Брукман».

Это письмо было немедленно отправлено нарочным из Франсевилля в Штальштадт.

Читатель, конечно, простит Марселя эту мальчишескую выходку, которая была вызвана вполне невинным желанием — посмеяться над герром Шульце.

Можно себе представить, каким ударом для обманувшегося в своих надеждах Шульце было это письмо! Каким щелчком по его самолюбию!

Едва он пробежал глазами первые строчки, как вся кровь кинулась ему в лицо, и когда он дочитал до конца, голова его упала на грудь, руки повисли, и он так и остался сидеть на месте, словно его кто-то ударили. Так он просидел минут пятнадцать, а когда наконец вышел из оцепенения, то его охватила такая ярость, что на него страшно было смотреть.

Однако Шульце был не такой человек, чтобы признать себя побежденным. С этой минуты он объявил войну Марселю, войну не на жизнь, а на смерть. С пушкой не вышло, ну что ж! Посмотрим, как им понравятся его снаряды с жидкой углекислотой, которые на более близкой дистанции можно послать из самого обыкновенного орудия.

Утешившись этой мыслью, стальной король овладел собой и вернулся к прерванным занятиям.

Итак, над Франсевиллем снова нависла угроза, и теперь более чем когда-либо ему надо было держаться на готове.

XIV. Франсевилль готовится к бою

Франсевильцы прекрасно понимали, что если опасность нападения и отодвинулась на неопределенное время, все же положение вещей продолжало оставаться весьма угрожающим.

Марсель посвятил доктора Саразена и его друзей во все замыслы Шульце, рассказал им о его мощных орудиях разрушения, о подготовительных работах, которые велись в Штальштадте.

На следующий день совет обороны, куда вошел и Марсель, приступил к разработке плана защиты города.

Самым ревностным помощником Марселя оказался Октав, который за время своего пребывания в Франсевилле сильно изменился к лучшему.

Каковы были решения, принятые советом обороны, это жители города не были подробно посвящены, но инструкции, вытекавшие из этих решений, ежедневно печатались в прессе, и в них нетрудно было угадать практический ум и предусмотрительность молодого эльзасца.

— Для того чтобы хорошо организовать защиту города, — толковали между собой франсевильцы, — важнее всего знать силы противника и исходя из этого возводить оборону. Конечно, пушки Шульце — это страшная штука. Но лучше уж иметь дело с этими пушками, зная их количество, калибр и дальность, чем с какими-нибудь другими разрушительными орудиями, о которых ничего не известно.

Усилия всех членов совета обороны сводились к тому, чтобы выработать такой план защиты, который отнял бы всякую возможность у противника близко подойти к городу как с суши, так и с моря.

В тот день, когда на всех улицах появились объявления о том, что такой план выработан и гражданам предлагается принять участие в его осуществлении, франсевильцы с радостью бросились предлагать свои услуги. Люди всех возрастов и профессий становились одинаково охотно в ряды простых чернорабочих, землекопов или каменщиков.

Работа шла быстро и весело. В город навезли запасов продовольствия на два года. Крытые городские рынки, превращенные в продовольственные склады, наполнились доверху мешками с мукой, крупой, сахаром, сушеными овощами и фруктами, грудами всевозможных консервов, тушами копченого мяса, различными сортами сыров. Многочисленные стада домашнего скота были загнаны в сады и парки, окаймлявшие город. На площадях каждый день выгружали горы угля и железа.

Приказ о мобилизации всех граждан, способных носить оружие, был встречен с подлинным энтузиазмом и еще раз показал высокий моральный уровень воинов Франсевилля.

В коротких шерстяных куртках и полотняных брюках, в легких удобных сапогах, вооруженные ружьями Вердера, отряды горожан маршировали по широким бульварам.

Партии наемных китайцев-рабочих возводили укрепления, копали рвы и строили редуты. На вновь оборудованных заводах отливались пушки. Для этой цели пригодились большие дымогарные печи, которые нетрудно было переделать в доменные.

Во всех этих работах Марсель принимал деятельное участие. Он поспевал всюду, и за что бы он ни брался, работа так и кипела у него в руках. Где бы ни возникало какое-нибудь затруднение, теоретическое или практическое, он всегда умел его разрешить. На заводе, на стройке он охотно приходил на помощь каждому, кто к нему обра-

щался, и в случае надобности, засучив рукава, сам брался за любую работу. Благодаря этому он пользовался большим авторитетом, и все его распоряжения исполнялись немедленно и беспрекословно.

Октав старался не отставать от Марселя. Первые дни, правда, он предавался мечтам о том, как он украсит свой мундир золотыми галунами, но когда его призвали в армию, он все это выбросил из головы и понял, что ему придется начать свою военную службу простым солдатом. Он занял указанное ему место в строю и сумел стать примером для своих товарищей. А тем, кто пытался подшутить над ним, делая вид, что жалеют его, он отвечал спокойно:

— Каждому свое место по заслугам. Возможно, я не сумел бы командовать, зато теперь я, по крайней мере, научусь подчиняться.

Между тем в городе распространялись тревожные слухи, и хотя они, к счастью, оказались ложными, каждый франсевилец, насколько это было возможно, старался принадель на работу, чтобы скорей привести Франсевилль в боевую готовность. Кто-то сообщил, что герр Шульце ведет переговоры с несколькими судоходными транспортными компаниями о перевозке своих орудий. Вслед за этой «уткой» спустя некоторое время кто-то пустил другую, за ней третью, и они стали появляться чуть ли не каждый день. То это были слухи о том, что флот Шульце направляется к берегам Франсевилля, то сообщалось, что железная дорога в Сакраменто отрезана отрядами улан, свалившимися, повидимому, с неба.

Но все слухи, которые тут же опровергались, выдумывались для забавы читателей досужими репортерами; на самом же деле Стальной город не подавал никаких признаков жизни.

Это загадочное молчание, хотя и позволяло франсевильцам успешно продолжать работы по обороне, все же несколько беспокоило Марселя, когда он в редкие минуты отдыха задумывался.

«Неужели этот бандит изменил свои намерения и готовит нам какой-нибудь новый гнусный фокус?»

Но так как план обороны предусматривал все возможности нападения как с суши, так и с моря, то Марсель давлял свое беспокойство и с удвоенной энергией возвращался к работе.

Работа заполняла весь его день, и единственное удовольствие, которое он позволял себе после трудового дня,

были короткие полчаса-час вечером в гостиной госпожи Саразен.

Доктор с первого же дня настоял, чтобы Марсель каждый день приходил к ним обедать, конечно за исключением тех случаев, когда он будет связан каким-нибудь другим приглашением. Но, как это ни странно, Марсель, повидимому, не получил ни одного приглашения, ради которого он решился бы отказаться от этой привилегии.

Чем объяснялось такое постоянство? Вряд ли ему доставляло такое уж наслаждение смотреть на послеобеденную партию в шахматы доктора Саразена с полковником Гендоном. Повидимому, его привлекало что-то другое. И хотя он не отдавал себе отчета в своих чувствах, но ни на что в мире он не променял бы те короткие минуты, которые он проводил вечером после обеда в обществе госпожи Саразен и Жанны.

— Так, значит, эти стальные болты лучше тех, чертежи которых вы нам показывали в прошлый раз? — спрашивала Жанна, интересовавшаяся всеми работами по обороне.

— Несомненно, мадемуазель, — отвечал Марсель.

— Ну, я очень рада. Но подумать только, сколько труда и изобретательности требует в этом деле каждая маленькая деталь! Вы мне говорили, что саперы вырыли вчера около пятисот метров траншей. Ведь это очень много, правда?

— Увы, это далеко не достаточно. Если мы так будем продолжать, вряд ли нам удастся окончить наши укрепления к концу месяца.

— Я бы так хотела, чтобы у нас все уже было готово, и пусть тогда он приходит, этот гнусный Шульце, со своими пушками! Насколько мужчины счастливее нас, женщин! Они заняты делом, они знают, что нужны. И ожидание для них не так тягостно, как для нас. А мы, на что мы стоимся?

— На что вы годитесь? — вскричал Марсель. — Как вы можете так говорить, Жанна? А ради кого же, как не ради вас, наши мужчины бросили все и стали простыми солдатами?! Что заставляет их сейчас трудиться не покладая рук, если не единственное желание — обеспечить спокойствие и счастье своих матерей, жен, сестер, невест? Кто вдохновляет их, как не вы? Во имя чего они готовы жертвовать собой, как не во имя любви...

Но тут Марсель, запнувшись на этом слове, смущился и замолчал. Жанна тоже молчала. И добной госпоже Саразен пришлося притти им на выручку.

— Высокое чувство долга, — сказала она, — вот что заставляет наших франсевильцев забывать о себе в минуты опасности.

После таких бесед Марсель с еще большим воодушевлением возвращался к своей работе и в сотый раз давал себе клятву спасти Франсевиль и не допустить гибели ни одного из его обитателей.

XV. Биржа в Сан-Франциско

Биржа Сан-Франциско представляет собой некое общее выражение и, так сказать, алгебраическую сумму мировой промышленности и торговли.

Благодаря географическому положению столицы Калифорнии она носит космополитический характер. Под ее роскошными портиками из красного гранита, дородный белобрысый саксонец сталкивается с бледным тонким темноволосым кельтом, негр — с желтоглазым финном и бронзовым индусом; полинезиец с удивлением взирает на гренландца; косоглазый китаец, с традиционной косой, старается перехитрить своего исторического врага — японца. Все языки, все наречия смешиваются в единый жargon в этом современном Вавилоне.

День двенадцатого октября на этом единственном в своем роде рынке мира начался, как обычно, и не предвещал ничего особенного. Как всегда, к одиннадцати часам дня начали сходиться главные маклеры и профессиональные завсегдатаи. Они пожимали друг другу руки, весело или рассеянно, заискивающе или угрюмо, в зависимости от темперамента и положения дел каждого, и затем направлялись к буфету, чтоб совершить перед своими операциями умилостивительные возлияния. Совершив это жертвоприношение, они один за другим направлялись в вестибюль, где рядами вдоль стен стояли шкафы с нумерованными ящиками, и, достав полученную на их имя почту, торопливо просматривали ее. Вслед за этим вскоре устанавливались курсы сегодняшнего дня, между тем как толпа дельцов постепенно увеличивалась и вместе с ней нарастали оживление и сутолока.

К полудню со всех концов земного шара начали в изобилии поступать телеграммы. Среди общего гама и сумятицы их содержание выкрикивали во всю глотку и тотчас же расклеивали текст на стену для обозрения всем желающим. Блокноты, записные книжки мелькали в руках. Мак-

леры, агенты, биржевые зайцы сновали взад и вперед, бросались к телеграфному бюро, посыпали запросы, возвращались с ответами. Казалось, какое-то повальное безумие овладевает толпой, и вдруг словно какой-то магнитический ток пробежал по всему залу.

Клерк Дальневосточного банка принес неслыханное, потрясающее, невероятное известие, и оно с быстротой молнии облетело всех.

— Какой вздор! — говорили одни. — Кто поверит такой утке!

— Нет, не говорите, — возражали другие, — дыма без огня не бывает.

— Да разве такое предприятие может лопнуть?

— Всякое предприятие может лопнуть.

— Подумайте, какой капитал! Одно оборудование оценивается свыше восьмидесяти миллионов.

— Не считая литья, стали, запасов и готовой продукции.

— Кой чорт! Я вам говорю, Шульце стоит не меньше девяноста миллионов. И я берусь реализовать их в любое время.

— Но чем же вы объясняете, что они прекратили платежи?

— А зачем мне надо объяснять? Не верю я этой чепухе!

— Но ведь на наших глазах такие вещи случаются чуть ли не каждый день, и с самыми солидными фирмами.

— Штальштадт — это не фирма, это целый город.

— Во всяком случае, до краха тут дело дойти не может. Сейчас же объявится какая-нибудь компания и заберет это дело в свои руки.

— Но почему же сам Шульце не позаботился организовать такую компанию, а допустил, чтобы опротестовали его векселя?

— Вот потому-то я и говорю, что это абсурд. Ну, самим разве вы не видите, что это противоречит всякому здравому смыслу? Ясно и очевидно, что это утка, и пустил ее не кто иной, как Нэш. Ему дозарезу нужно поднять курс своих стальных акций.

— Вовсе это не утка. Шульце действительно обанкротился. Хуже того: он скрылся.

— Да перестаньте!

— А я вам говорю, скрылся. Да вон там, посмотрите, только что телеграмму наклеили.

Громадная толпа хлынула к стене, где висела доска депешами. Свеженаклеенная голубая бумажка гласила:

«Нью-Йорк, 12.10. Центральный банк. Завод Штадт. Платежи прекращены. Пассив¹: 47 миллионов долларов. Шульце исчез».

Теперь, как это ни казалось невероятно, сомневаться не приходилось, и пошли всякие догадки и предположения.

К двум часам со всех концов света уже посыпали телеграммы о потерях, понесенных различными предприятиями, связанными с Шульце. Больше всех потерял Нью-Йоркский Майнинг-банк; затем шла чикагская фирма «Уэстерли и сыновья», потерявшая семь миллионов долларов, Банк Милуоки — Буффало — пять миллионов, Промышленный банк в Сан-Франциско — полтора миллиона наконец, всякая мелюзга, целая серия мелких коммерческих предприятий.

Тем временем и другие естественные последствия этого грандиозного события развертывались с лихорадочной быстротой.

Затишье в делах, как с утра предвещали эксперты, сменилось бешеною скачкой.

Подскочили стальные акции, повысились угольные акции всех литейных предприятий американских Соединенных штатов. Мгновенно выросли цены на любую готовую продукцию всех видов железной промышленности. Появились в цене земельные участки Франсевилля. Последнее время, в связи с надвигающимися военными событиями, них пропал всякий спрос, они перестали котироваться на рынке; сейчас они подскочили сразу до ста восемьдесят долларов за акр.

Вечером у газетных киосков стояли толпы народу. Ни «Геральд», ни «Трибюн», ни «Альта», ни «Гардиан», ни «Эко», ни «Глоб», как ни старались возместить жирным шрифтом и грандиозными буквами скудость своей информации, не могли сообщить ничего, кроме того, что ушло известно.

А известно было следующее: двадцать пятого сентября банкирам стального короля — Шпринг, Штраусс и Ко в Нью-Йорке — был предъявлен фирмой «Джексон Элд и Ко» вексель на восемь миллионов долларов за подпись Шульце. Обнаружив, что банковский баланс их клиента позволяет покрыть этой громадной суммы, они тотчас же

¹ Пассив — совокупность долгов и обязательств.

послали Шульце запрос по телеграфу, но не получили ответа.

Тогда они бросились проверять свои книги и с удивлением обнаружили, что на протяжении тринадцати дней не получали из Штальштадта ни одного ценного письма, ни одного перевода; с этого момента все чеки и векселя, выданные за подписью Шульце на их банк и скоплявшиеся день за днем, возвращались ими обратно предъявителям с пометкой: «На текущем счету денег нет».

В течение четырех дней банкирский дом «Шпринг, Штраусс и К°», осаждаемый телеграммами, запросами и бесчисленными возмущенными требованиями, осаждал, в свою очередь, Штальштадт десятками депеш и запросов, с недоумением ожидая ответа.

Наконец ответ пришел: герр Шульце семнадцатого сентября бесследно исчез. Никто не имеет ни малейшего представления, что это значит. Он не оставил никаких распоряжений. В кассах Штальштадта денег нет.

С этого момента уже невозможно было скрывать истинное положение дел. Наиболее крупные кредиторы испугались и передали свои векселя в Коммерческий суд. В течение каких-нибудь двух-трех часов обнаружился полный крах, который с молниеносной быстротой повлек за собой целую серию крупных и мелких банкротств. В двенадцать часов дня тринадцатого октября общая сумма пассива Шульце определялась в сорок семь миллионов долларов. Можно было предполагать, что она дойдет до шестидесяти миллионов, так как опротестованные векселя все еще продолжали поступать.

Вот все, что было известно и что с более или менее живописными подробностями повторяли все газеты. Само собой разумеется, что все они обещали сообщить на следующий день самые достоверные сведения.

И в самом деле, не было ни одной газеты, которая не позаботилась бы с первого же момента послать своего корреспондента в Штальштадт.

Четырнадцатого октября вечером целая армия репортёров, вооруженных блокнотами и карандашами, подступила к Стальному городу. Но эта армия тотчас же отхлынула, ударившись, как волна, о крепостную стену Штальштадта. Стража, как и прежде, охраняла ворота, и тщетно репортеры пускались на всевозможные уловки, пробовали все средства соблазна — она оставалась неумолимой.

Единственно, что удалось узнать, — это что рабочие пребывали в полном неведении и в повседневной рутине

для них ничего не изменилось. Только накануне мастера получили распоряжение объявить рабочим, что в цеховых кассах нет денег и в связи с отсутствием каких бы то ни было инструкций из центрального сектора работы будут прекращены в следующую субботу, если до тех пор не будет получено какого-нибудь нового приказа.

Все это не только не разъясняло истинного положения дел, а наоборот, еще больше запутывало его. То, что герр Шульце исчез около месяца тому назад, ни для кого не было тайной. Но каковы были причины и смысл этого исчезновения, никто не мог сказать.

Смутное ожидание, что эта загадочная личность вот-вот снова появится, заглушало томительное чувство тревоги.

На заводе первые дни все шло по-старому, каждый с неизменной точностью и быстротой выполнял свои повседневные обязанности. Цеховые кассы аккуратно каждую субботу выплачивали жалованье. Центральная касса до самых последних дней удовлетворяла все местные нужды. Но система централизованной власти в Штальштадте была доведена до столь высокой степени совершенства, все так слепо повиновалось воле хозяина, что его отсутствие не замедлило естественным образом вызвать перебои в ходе этой сложной машины.

Так, в промежутке с семнадцатого сентября, с того дня, как стальной король в последний раз подписал приказы, до тринадцатого октября, когда, как гром с ясного неба, обрушилось известие о прекращении платежей, тысячи писем, адресованных в Штальштадт, и среди них, по всей вероятности, немало весьма ценных, были опущены в почтовый ящик центрального сектора и оттуда доставлены в кабинет герра Шульце. Только он один сохранил за собой право вскрывать эти письма, он сам делал на них пометки красным карандашом и направлял их к главному кассиру.

Даже самым ответственным чиновникам Штальштадта не пришло бы в голову превысить свои полномочия. Облеченные почти неограниченной властью по отношению к своим подчиненным, они перед лицом герра Шульце, и даже, можно сказать, призрака герра Шульце, были совершенно безличными пешками, послушными исполнителями его воли, лишенными всякой инициативы и даже права голоса. Каждый из них, замкнувшись в узком круге своих обязанностей, невозмутимо выжидал, медлил, способствуя тем самым назреванию катастрофы. И наконец катастрофа разразилась. Она назревала медленно. Крупные заинтересо-

ванные фирмы, встревоженные прекращением платежей, посылали запросы, телеграммы, объяснительные письма, протесты, но никто и мысли не допускал, что такое высокорентабельное предприятие может оказаться дутым. Понадобилось довольно много времени, чтобы наконец возникло подозрение, что дело обстоит неблагополучно. Тогда только были приняты соответствующие меры, и, ко всеобщему изумлению, выяснилось с совершенной ясностью: герр Шульце скрылся от своих кредиторов.

Это было все, что удалось узнать репортерам. И даже самому знаменитому Мейклдジョンу, прославившемуся тем, что он ухитрился выудить кое-какие политические признания у президента Гранта, известного своей скрытностью, и неутомимому Блундербуссу, завоевавшему себе славу тем, что он, скромный корреспондент Уорда, первым сообщил русскому царю о капитуляции Плевны, — даже этим китам репортажа посчастливилось не больше, чем остальным их собратьям.

Это зловещее событие приобретало совершенно исключительный характер благодаря особому положению, которое занимал Штальштадт — независимый, изолированный город, где нельзя было произвести нормального законного расследования.

Подпись Шульце, правда, была опровергнута в Нью-Йорке, и его кредиторы имели все основания предполагать, что имущество, оборудование и продукция завода Штальштадта в какой-то мере удовлетворят их претензии. Но в какой суд следовало обратиться для того, чтобы наложить на это имущество секвестр? Штальштадт представлял собой совершенно независимую территорию, он не относился ни к одному из Североамериканских штатов, он целиком принадлежал герру Шульце. Будь у него хотя бы заместитель, или уполномоченный, или какой-нибудь администраторный совет... Ничего подобного. В Штальштадте не было даже суда, даже какого-нибудь совещательного органа. Шульце был и королем, и судьей, и главнокомандующим, и адвокатом, и нотариусом, и прокурором по коммерческим делам. Он олицетворял собой идеал единовластия. И неудивительно, что с его исчезновением Стальной город, это грандиозное здание, рухнул, как карточный домик.

Во всяком другом такого же рода случае кредиторы могли бы объединиться в синдикат, взять управление делами в свои руки, по-своему распорядиться активом. Они могли бы тут же установить, что при очень небольшой

затрате денег и умении управлять машину эту можно было медленно пустить в ход и оправдать все понесенные издержки.

Но здесь все это было невозможно, ибо не было никакого юридического органа, который мог бы законным путем совершить подобного рода операцию. И это до известной степени моральное препятствие было, пожалуй, еще более непреодолимо, чем крепостные стены и рвы, окружающие Стальной город. Несчастные кредиторы видели капитал, который мог обеспечить их векселя, но не имели возможности взять его в свои руки.

Им не оставалось ничего другого, как, объединившись всем вместе, устроить генеральное совещание. На этом совещании решено было от лица всех потерпевших подать апелляцию в конгресс, чтобы он защитил интересы американских граждан, вынес решение присоединить Штальштадт к Североамериканским соединенным штатам и подчинить таким образом, этот чудовищный феномен законам всеобщивилизованного мира. Кое-кто из членов конгресса был лично заинтересован в этом деле; с другой стороны, такая апелляция вполне соответствовала духу американского законодательства, и можно было надеяться, что дело увенчается успехом.

К сожалению, сессия конгресса была только что рас蓬勃, и для того, чтобы дать ход этой апелляции, надо было ожидать следующего созыва. Между тем жизнь Штальштадте постепенно замирала, и гигантские печи ее заводов потухали одна за другой.

Глубокое уныние царило в поселках Стального города, где десять тысяч рабочих семей лишились источника существования. Что делать? Продолжать работу в надежде на жалованье, которое, может быть, выплатят через полгода, а может быть, и совсем не заплатят? А где она, работа-то? Заказы перестали поступать, как только прекратились платежи. Клиенты Шульце выжидали, чем кончится эта загадочная история. Начальники отделов, инженеры, мастера, не получая никаких распоряжений, ничего могли предпринять сами.

Рабочие сходились, советовались, устраивали собрания, митинги, произносили речи. Но никто не мог предложить никакого определенного плана действий, ибо никаких возможностей действовать не было. Следом за безработицей в город вошли нужда, отчаяние и пороки. Цехи закрывались, а на смену им в предместье и поселках вырастали кабаки.

Наиболее благоразумные из рабочих, наиболее предусмотрительные, те, что сумели припасти кое-что на черный день, складывали свои пожитки, инструменты, милые сердцу хозяйки перины и подушки и, окруженные кучей толстощеких ребятишек, восхищенных перспективой увидеть новый мир из окна вагона, торопились покинуть Штальштадт. Но таких счастливцев оказалось немногого, а сколько на каждого из них приходилось бедняков, которых нужда приковала к месту! Они никуда не могли двинуться. С потухшим взором, с отчаянием в сердце, они бродили по улицам, распродавали свой жалкий скарб хищному воронью, которое, словно по инстинкту, слетается к месту человеческих бедствий, а через несколько дней или недель, когда уже нечего было продавать, оставались без денег, без работы, без надежд, и будущее простипалось перед ними холодное, безотрадное и грозное, как ледяная рука надвигающейся зимы.

XVI. Два француза берут приступом город

Когда известие об исчезновении Шульце дошло до Франсевилля, первые слова Марселя были:

— А что, если это только военная хитрость?

Однако, по зрелом размышлении, он решил, что катастрофические условия, в которых очутился Штальштадт, исключают возможность подобного предположения, граничащего с нелепостью. Но, опасаясь проявить легкомыслие, он говорил себе, что ненависть не рассуждает, а исступленная ненависть такого человека, как Шульце, может сделать его способным на все. Поэтому, что бы там ни говорили, Франсевиллю следует попрежнему держаться настороже.

По настоянию Марселя, совет обороны выпустил воззвание к гражданам Франсевилля, в котором он призывал их не доверять лживым слухам, распространяемым врагом с целью усыпить бдительность.

Воодушевленные этим призывом, граждане Франсевилля удвоили свое рвение в работе и военной подготовке, решив, что это будет наилучшим ответом на любую вылазку врага.

Но подробные сообщения в сан-францисских, чикагских и нью-йоркских газетах, описания финансовых и коммерческих крахов, вызванных катастрофой в Штальштадте, создавали такую яркую, убедительную картину, что сомнение

ваться в истинности этого происшествия было просто нелепо.

В одно прекрасное утро жители города доктора Саразена проснулись и почувствовали себя в полной безопасности, подобно человеку, который, пробудившись и открыв глаза, чувствует, что он избавился от страшного кошмара.

Да, кошмар рассеялся; никакая угроза не висит больше над Франсевиллем. Радостную весть сообщил франсевильцам Марсель, который наконец твердо и безоговорочно убедился в этом.

Чувство несказанного облегчения охватило всех; люди пожимали друг другу руки, целовались, поздравляли знакомых и незнакомых. В городе наступил праздник: женщины нарядились в лучшие туалеты; мужчины остались земляные работы, прекратили военные упражнения, покинули лагеря. Все ликовали, радовались, сияли. Город словно вернулся к жизни после тяжкой болезни.

Но больше всех радовался доктор Саразен. Этот благородный человек чувствовал себя ответственным за судьбу тех, кто с таким доверием и надеждой отдал себя под его покровительство и обосновался в его городе. В течение целого месяца мысль о том, что он обрек этих людей на гибель, он, который думал только об их благополучии и счастье, не давала ему покоя. Наконец-то эта страшная тяжесть свалилась с его души, и он может дышать спокойно.

Пережитая опасность теснее сблизила граждан Франсевилля. Люди всех сословий, всех классов, всех слоев общества почувствовали себя братьями. Все они были связаны одним общим стремлением: воодушевлялись одними и теми же чувствами, жили одними и теми же интересами. Каждый чувствовал, как в душе его рождается что-то новое. Это новое было их новой отчизной. Они вместе страдали, тревожились за нее, вместе трудились для ее защиты и только теперь поняли, как она дорога им.

Словом, работы по укреплению и обороне Франсевилля, несомненно, послужили ему на пользу. Маленькая колония узнала, рассчитала и проверила свои силы. Она чувствовала себя теперь более уверенной, могла в любой момент дать отпор врагу.

К чести франсевильцев нужно сказать, что они не проявили себя неблагодарными, не забыли, кому они обязаны своим спасением. От имени всего города организатору защиты, молодому инженеру, самоотверженная деятель-

ность которого дала возможность Франсевиллю приготовиться к нападению врага, была принесена публичная благодарность. Но Марсель считал, что дело еще не доведено до конца.

«Тайна, окружающая Стальной город, может еще заключать в себе опасность, — рассуждал он. — Я только тогда буду спокоен, когда мне удастся рассеять этот мрак и вытащить на свет эту тайну».

И он решил вернуться в Штальштадт и во что бы то ни стало добиться разрешения загадки.

Напрасно доктор Саразен пытался отговорить его от смелой затеи; тщетно старался он убедить Марселя, что это дело рискованное, опасное, что ему на каждом шагу может грозить какая-нибудь страшная неожиданность.

— Герр Шульце не такой человек, чтобы исчезнуть так просто. Он, даже умирая, не забудет о том, чтобы подготовить ловушку своему врагу. Нельзя даже представить себе, на что может оказаться способным такой субъект, — убеждал Марселя доктор.

— Вот именно потому, что я совершенно согласен с вами и допускаю возможность всего того, что вы говорите, дорогой доктор, — отвечал Марсель, — я и считаю своим долгом отправиться в Штальштадт. Это бомба, у которой нужно вынуть фитиль, прежде чем она разорвется, и я даже хочу просить у вас разрешения взять с собой Октава.

— Октава?! — воскликнул доктор.

— Да, да. Вы только посмотрите, какой это молодец. На него смело можно положиться, и я уверяю вас, что эта маленькая прогулка пойдет ему только на пользу.

— Ступайте, дети мои, и да сохранит вас бог! — с волнением сказал стариk-доктор, обнимая Марселя и сына.

На следующий день, рано, до рассвета, Марсель с Октавом, оставив позади пустынные рабочие поселки, подъехали к первой крепостной стене Штальштадта. Оба были прекрасно вооружены, предусмотрительно запаслись всем необходимым, и оба твердо решили не отступать ни под каким видом и не возвращаться домой до тех пор, пока им не удастся раскрыть эту черную тайну.

Они вышли из экипажа и пошли по дороге вдоль крепостной стены. И тут только предстала их глазам мрачная действительность, которой так долго отказывался верить Марсель.

Завод молчал. На беззвездном небе смутно вырисовывалась темная громада — ни одного освещенного окна, ни

зарева огней, ни вспышки искр, разлетающихся огненным снопом, ни газовых рожков, ни фонарей. Никаких признаков жизни. Безмолвие и мрак. Казалось, будто смерть витает над городом, а черные трубы торчат, как обугленные скелеты. Звук шагов гулко разносился в пустынной тишине.

— Какое уныние! — невольно вырвалось у Октава. — Точно по кладбищу идешь.

Было пять часов утра, когда они подошли к главным воротам Штальштадта.

На крепостном валу, где раньше на расстоянии десяти шагов друг от друга стояли, как столбы, часовые, не видно было ни души. Но мост перед воротами был поднят, и Марсель с Октавом остановились на краю глубокого рва метров в пять-шесть шириной.

Они потратили не меньше часа, пока им удалось закинуть и зацепить захваченный с собой канат за железную перекладину ворот. Наконец Марсель посчастливилось удачно закрепить петлю, и Октав, ухватившись за канат, поднялся на руках до самого верха высоких ворот. Марсель кинул ему одно за другим все, что у них было с собой, а затем и сам поднялся тем же путем на ворота. Перебросить тот же канат по ту сторону стены, переправить «кобоз» и спуститься самим было делом нескольких минут.

Они очутились теперь на окружном шоссе, по которому некогда шествовал Марсель, направляясь в сектор «О». И тут тоже была пустыня и тишина. Прямо перед ними висела угрюмая стена завода. Она глядела на них черными глазницами окон и точно говорила им: «Прочь отсюда! Какое вам дело до наших тайн?»

— Пожалуй, лучше всего нам пройти к воротам «О», я их знаю, — сказал Марсель.

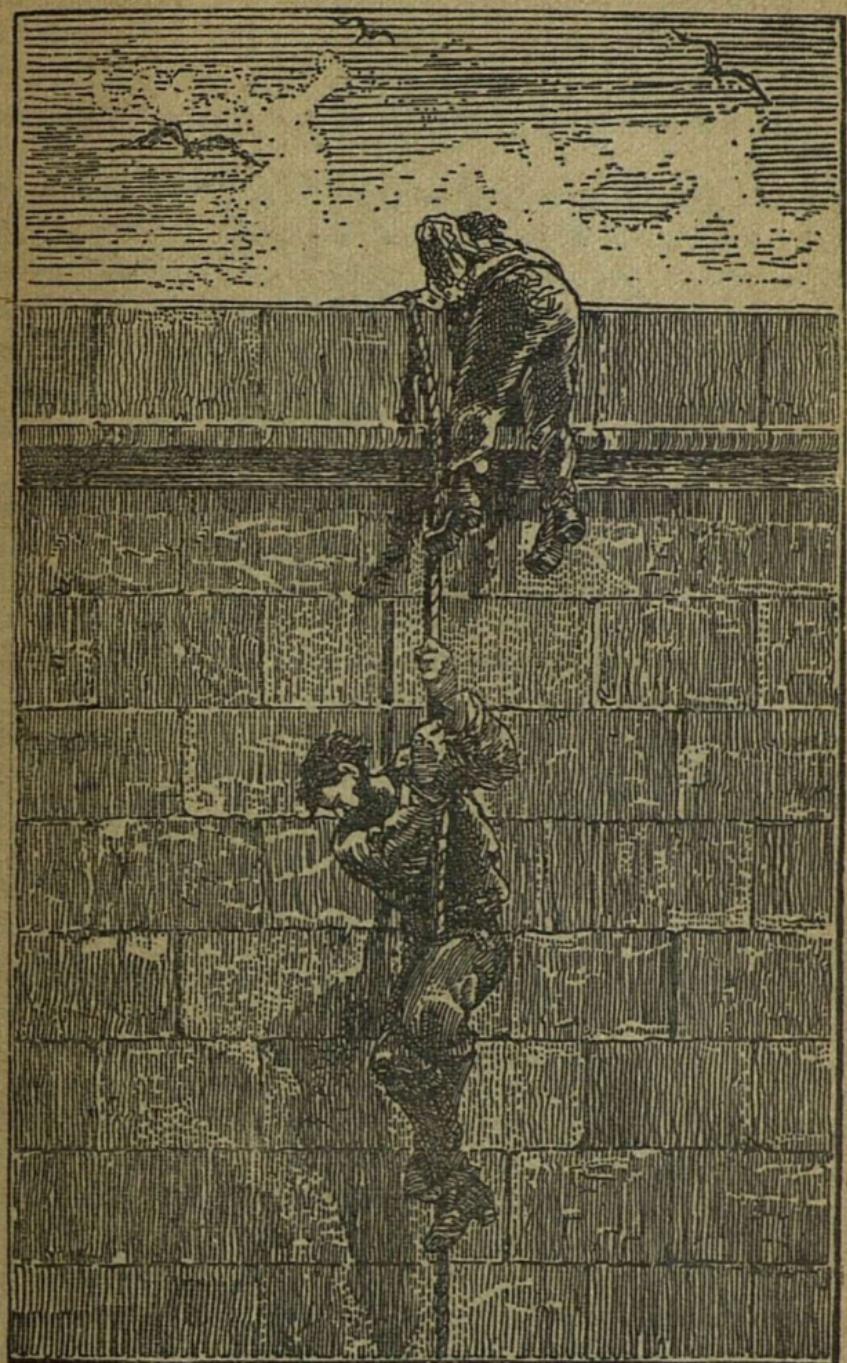
Они повернули налево и вскоре подошли к массивной арке, на которой посередине красовалась буква «О». Тяжелые дубовые ворота со стальными гвоздями и пробоями были закрыты.

Марсель поднял с земли большой булыжник и, размахнувшись, ударил им в ворота.

Ответом ему было только эхо, гулко откликнувшееся из-за каменной стены.

— Ну, марш на приступ! — крикнул Марсель.

Они снова принялись забрасывать канат на ворота и порядком измучились, прежде чем им удалось прочно зацепить его. Наконец они очутились по ту сторону стены, в кольце сектора «О».

Спуститься было делом нескольких минут.

— Стоило трудиться! — с негодованием воскликнул Октав. — Берем приступом одну стену — вырастает другая, третья... Что же это, так до бесконечности?

— В строю не рассуждать! — смеясь, крикнул Марсель. — Вон посмотри-ка лучше — направо мой цех. Я с удовольствием загляну в него еще раз. Кстати, мы там захватим кое-какие инструменты и несколько мешочеков с динамитом.

Они вошли в громадный литейный цех, где начал свою карьеру в Штальштадте молодой эльзасец. Каким мрачным казался теперь этот цех, со своими потухшими печами, покрытыми ржавчиной рельсами и серыми от пыли подъемными кранами, которые, словно виселицы, простирали вверх свои громадные разъятые руки! Это зловещее зрелище леденило сердце. Марсель поспешил увести отсюда Октава.

— Вот этот цех, пожалуй, будет интереснее для нас, — сказал он, направляясь по знакомой дороге к столовой, в которой когда-то обедал каждый день.

Октав молча кивнул, но лицо его заметно оживилось, когда он увидел деревянную стойку и на ней целую батарею бутылок всех цветов и размеров. Тут же стояло несколько коробок с консервами самых прославленных фирм. Молодые люди спокойно расположились за прилавком и с удовольствием приступили к завтраку. Экспедиция еще только началась, и подкрепиться не мешало.

Закусывая, Марсель думал о том, как им проникнуть в «Башню быка». Перебраться через стену центрального сектора нечего было и думать. Эта стена была неприступной высоты и совершенно гладкая, без единого выступа или зубца, за который можно было бы зацепить веревку, и при этом поблизости не было ни одного строения, ни одного дерева. Для того же, чтобы найти ее единственые ворота, надо было обойти всю стену кругом, преодолеть укрепления, расположенные радиально, что было далеко не просто. Оставалось одно: пустить в дело динамит. Конечно, это было весьма рискованно, так как можно было предполагать, что герр Шульце перед своим исчезновением по-заботился расставить ловушки своим врагам, заложив где-нибудь мины для пришельцев, которые отважатся завладеть Штальштадтом. Но все эти соображения не могли заставить Марселя отказаться от того, что он задумал.

Когда Октав подкрепился и отдохнул, Марсель предложил ему пройти с ним до конца улицы, которая пере-

резала сектор «О» и упиралась в высокую каменную стену.

— Что ты скажешь насчет того, чтобы заложить сюда несколько щепоток динамиту? — спросил он.

— Да придется, ничего не поделаешь, — сказал Октав.

Недолго думая, они принялись за работу. Дело было нелегкое. Надо было обнажить фундамент стены, вложить в расщелину между двумя камнями сильный рычаг, раскачать его, выломать один камень, пробуравить несколько небольших параллельных отверстий и заложить в них динамит. К десяти часам все было готово. Октав чиркнул спичкой и поджег фитиль.

Марсель знал, что фитиль будет гореть пять минут. Поэтому он заранее присмотрел поблизости небольшой кабачок в подвале с глубоким сводом и толстыми стенами. Там они и укрылись в ожидании взрыва.

Не без волнения считали они минуты. Вдруг здание и самый подвал покачнулись, как от землетрясения. Вслед за толчком раздался оглушительный взрыв, как если бы несколько десятков пушек грянули разом, и через две-три секунды послышался лязг, звон, грохот и треск обрушающихся домов.

Наконец все стихло. Марсель и Октав вылезли из своего убежища.

Картина, представившаяся их глазам, была поистине потрясающей. Половина сектора «О» взлетела на воздух. Казалось, город подвергся длительному орудийному обстрелу. Полуразрушенные стены зданий обнажали внутренности цехов. Вывороченные балки, рамы, железные листы, груды битого стекла и щебня покрывали землю, а густые облака пыли еще носились в воздухе и серой пеленой медленно окутывали груды развалин.

Марсель с Октавом бросились наперегонки к стене; в ней зияла громадная брешь метров в пятнадцать-двадцать шириной, а по ту сторону виднелся знакомый Марселю двор центрального сектора.

Двор был окружен железной решеткой, но так как он теперь никем не охранялся, они мигом перемахнули через нее.

И здесь их встретила та же мертвая тишина.

Марсель обошел модельные мастерские, где он когда-то изо дня в день сидел над своими чертежами. В одном из кабинетов ему случайно попался на глаза неоконченный чертеж паровой машины. Это был тот самый чертеж, над

которым он начал работать, когда его вызвали к герру Шульце. Проходя по читальному залу, он увидел знакомые книги, журналы...

Все словно говорило о том, что жизнь шла здесь своим привычным ходом и вдруг почему-то мгновенно остановилась.

Наконец они подошли к внутренней ограде сектора «О», и перед ними выросла стена, за которой находился парк герра Шульце.

— Придется нам, пожалуй, взрывать и этот заборчик, — сказал Октав.

— Возможно, только давай сначала поищем калитку, может быть ее можно будет взорвать простой ракетой.

Они перелезли через ограду и пошли вдоль стены. Иногда им приходилось сворачивать, обходить какое-нибудь здание, делать небольшой крюк, но высокая каменная стена все время была у них перед глазами. Путешествие это оказалось не напрасным. Через некоторое время они увидели низенькую дубовую дверцу, еле заметную в каменной кладке стены. Октав, недолго думая, достал бурав и быстро просверлил в ней отверстие. Марсель заглянул в него и увидел пышную тропическую зелень цветущего, благоухающего парка.

— Одолеть эту дверцу, и мы у цели, — сказал он.

— Стоит ли тратить порох на эту деревяшку! — фыркнул Октав и, размахнувшись, начал изо всех сил колотить в дверь ломом.

Она начала чуть-чуть подаваться, как вдруг они услышали глухой скрип отодвигаемого засова и щелканье ключа. Дверь немного приоткрылась, придерживаемая толстой цепью.

— Wer da? (Кто там?) — раздался хриплый голос.

XVII. Разворот при помощи пули

Если бы за этой стеной неожиданно грянул выстрел, друзья бы не так удивились. Все что угодно, но этого вопроса они никак не могли ожидать. Из всех предположений Марселя по поводу спящего города единственным, не приведшим ему в голову, было то, что кто-то может задать ему вполне естественный вопрос, зачем он сюда явился.

Их экспедиция, вполне законная в предположении, что Штальштадт покинут жителями, приобретала совсем иной

Раздался оглушительный взрыв.

характер, если город оказывался обитаемым. То, что в первом случае представляло собой нечто вроде археологического исследования, становилось во втором вооруженным нападением и насилием.

Все эти мысли с молниеносной быстротой промелькнули в голове у Марселя, в то время как он стоял не двигаясь, словно приросший к земле.

— Wer da? — повторил тот же голос уже несколько нетерпеливо.

Нетерпение казалось, пожалуй, вполне уместным. Но каково было преодолеть столько препятствий, перебраться через ров, через каменные стены, взорвать несколько кварталов, и все это только для того, чтобы услышать совершенно естественный вопрос: кто ты? — и не знать, что на него ответить!

Прошло, может быть, полминуты, прежде чем Марсель, овладев собой, понял всю двусмысленность своего положения и, спохватившись, ответил по-немецки:

— Друг или враг, это вы будете судить сами. Мне надо поговорить с герром Шульце.

Едва он успел произнести эти слова, как из-за полу-раскрытой дверцы раздался изумленный возглас, и перед глазами Марселя мелькнули огненно-рыжие бакенбарды, щетинистый ус и вытаращенный в тупом удивлении глаз. Это был не кто иной, как его бывший телохранитель Сигимер.

— Иоганн Шварц! — воскликнул ошеломленный великан, и в его голосе послышалась радость. — Иоганн Шварц!

Повидимому, неожиданное появление вверенного его попечению плениника удивило этого аргуса не меньше, чем его таинственное исчезновение.

— Могу я видеть герра Шульце? — повторил Марсель.

Сигимер отрицательно покачал головой.

— Нет приказа, — сказал он. — Без приказа никого не пускаем.

— Так, может быть, вы доложите герру Шульце, что я здесь. Я хочу его видеть.

— Нет герра Шульце. Герр Шульце уехал, — уныло отвечал великан.

— А где же он? Когда он вернется? — допытывался Марсель.

— Не знаю. Приказ один — никого не впускать.

Кроме этих отрывистых, невразумительных фраз, Мар-

сель ничего не мог добиться. Рыжий цербер¹ с тупым упрямством бессмысленно твердил одно: нет приказа.

— Да что нам у него спрашивать разрешения! — не выдержал наконец Октав. — Войдем, да и все!

И он изо всей силы налег на дверцу плечом. Но цепь выдержала, а вслед за тем здоровенный толчок с той стороны заставил его отлететь на несколько шагов, дверца захлопнулась, звякнул железный засов, и замок защелкнулся.

— Должно быть, их там целая шайка! — с досадой воскликнул Октав, несколько пристыженный своей неудачной попыткой, и, нагнувшись, приложился глазом к отверстию. — Смотри-ка, второй! — с удивлением вскричал он.

— Арминий! — подхватил Марсель и, нагнувшись в свою очередь, тоже заглянул в отверстие.

И вдруг откуда-то сверху, чуть ли не с неба, раздался другой голос:

— Кто идет?

Марсель с Октавом подняли головы.

Голос принадлежал Арминию. Голова его торчала над стеной. Повидимому, он успел подставить лестницу.

— Но ведь ты же сам видишь, Арминий, — ответил Марсель. — Долго я буду ждать? Откроешь ты или нет?

Не успел он договорить, как над стеной показалось дуло ружья, раздался выстрел, и пуля задела шляпу Октава.

— Ах, вот ты как! Ну, получай! — крикнул Марсель и, всунув ракету под дверь, поджег ее выстрелом из карabinа.

Дверь разлетелась в щепки, и молодые люди с оружием в руках бросились в парк.

У стены, давшей трещину от взрыва, еще стояла лестница; от нее шли следы крови, но ни Сигимера, ни Арминия не было видно. Кругом зеленою стеной поднимался тропический лес, волшебный парк герра Шульце. Октав остановился, завороженный.

— Боже, какая красота! — воскликнул он. — Но знаешь, нам лучше разделиться. Боюсь, что эти огородные пугала подстерегают нас где-нибудь тут-за деревьями.

Они углубились в кусты — Марсель по одну, а Октав по другую сторону аллеи. Осторожно переходя от дерева

¹ Цербер — в древнегреческой мифологии трехголовый злой пес, охранявший вход в ад; бледильный и свирепый страж.

к дереву и оглядываясь по сторонам, они медленно подвигались вперед.

Не успели друзья сделать несколько десятков шагов, как снова раздался выстрел, и кусок коры отлетел от дерева, под которым только что стоял Марсель.

— Хватит, поиграли! Бросайся на землю, ползком! — тихо скомандовал Октав и, тотчас же приникнув к земле, пополз к густому кустарнику, окаймлявшему широкую круглую площадку, посреди которой возвышалась «Башня быка». Марсель не успел во время последовать примеру товарища и едва избежал третьей пули; она просвистела у него над головой, и, когда он бросился плашмя на землю, четвертая пуля, прожужжав в воздухе, вонзилась рядом с ним в ствол пальмового дерева.

— Счастье наше, что эти уроды понятия не имеют, что такое цель! — вскричал Октав, подползая к товарищу.

— Шш... — остановил его Марсель, показывая глазами на дымок, поднимающийся из окна в нижнем этаже. — Вон где они засели, разбойники! Ну, подожди, я с ними сыграю штуку.

И он, быстро огляделвшись по сторонам, обломил со стоявшего рядом дерева толстый сук длиною примерно в человеческий рост. Затем, сбросив с себя блузу, надел ее на палку, а сверху нахлобучил шляпу. Водрузив сук таким образом, чтобы видны были шляпа и рукава блузы, Марсель подполз вплотную к Октаву и прошептал ему на ухо:

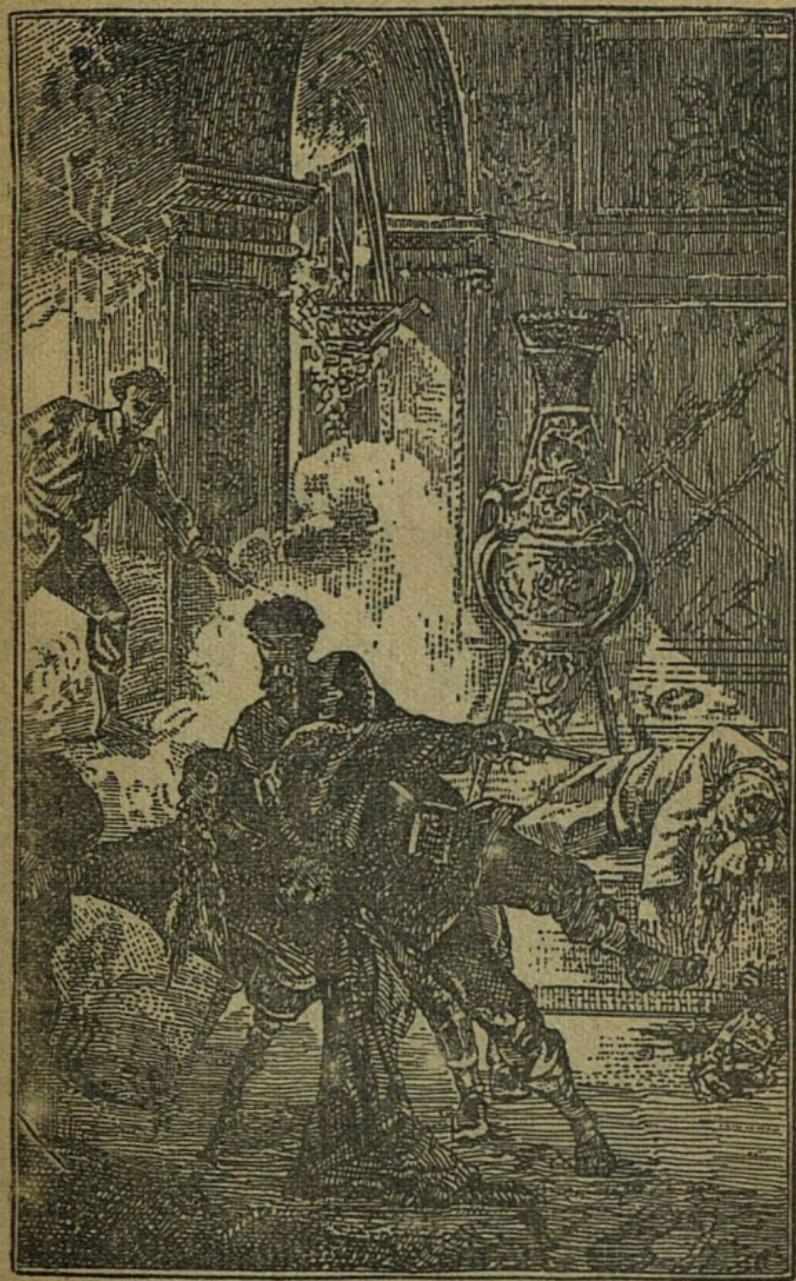
— Поиграй с ними отсюда, переползай с места на место и угощай за себя и за меня, а я попробую напасть на них с тыла.

И с этими словами он юркнул в чащу кустарника, окружавшего площадку. Прошло примерно четверть часа, в течение которых обе стороны обменялись десятком-двумя пуль без малейшего результата. Куртка и шляпа Марселя сильно пострадали, но на нем это никак не отразилось. Решетчатые ставни в окне нижнего этажа превратились в труху.

Внезапно стрельба затихла, и Октав услышал сдавленный крик:

— Ко мне, Октав! Он у меня в руках... Скорее сюда!

Октав не заставил себя ждать. Одним прыжком выскочил он из-за кустов, перебежал площадку и с разбегу вскочил в окно. На полу, свившись клубком, как змеи, катились в отчаянной схватке Марсель и Сигнер.

«Ко мне, Октав! Он у меня в руках!»

Марсель, которому удалось незаметно проникнуть в дом с противоположной стороны и подкрасться к Сигимеру сзади, не дал ему времени опомниться; выбив у него ружье из рук, он сразу повалил его на пол, но геркулесовская сила великана, хотя и поверженного наземь, делала его спасным противником, и Марселю приходилось пускать в ход всю свою ловкость, чтобы не дать ему схватить себя за горло. Октав подоспел как раз во время. Через минуту Сигимер, связанный по рукам и ногам, лежал неподвижно посреди комнаты.

— А где другой? — спросил Октав.

Марсель показал рукой на диван, где, вытянувшись, с запрокинутым окровавленным лицом, лежал Арминий.

— Пуля в голову, — сказал Октав, подходя к дивану.

— Да, — подтвердил Марсель.

— Что ж, сам напросился! Не мы его, так он бы нас уложил.

— Ну, мы теперь можем распоряжаться, как дома, — сказал Марсель. — Давай-ка приступим к осмотру. Начнем с кабинета Шульце.

Они вышли из приемной, где разыгрался последний акт сражения, и, пройдя через анфиладу роскошно убранных комнат, вступили в заповедный чертог стального короля.

Когда Марсель, нажав ручку, отворил дверь в зеленый с золотом кабинет, глазам его предстало такое странное зрелище, что он попятился от удивления.

Можно было подумать, что главная почтовая контора Нью-Йорка или Парижасыпала сюда всю свою почту до последней бумажки. На столах, на креслах, на полу — всюду валялись нераспечатанные пакеты, письма, депеши, бандероли. Нога тонула в них чуть не по колено. Вся корреспонденция Шульце, как личная, так и деловая, поступавшая изо дня в день в почтовый ящик на ограде парка, вынималась исполнительными Сигимером и Арминием, которые аккуратно доставляли ее в кабинет хозяина.

Сколько жадных вопросов, надежд, мучительных сомнений и слез отчаяния, ожидания и горя скрывалось в этих безгласных пакетах, адресованных Шульце! А сколько миллионов в ценных бумагах, в векселях, переводах, аккредитивах, чеках! И все это лежало здесь без движения, ибо только одна рука во всем мире имела право вскрыть эти легко доступные, но неприкосновенные конверты, и эта рука отсутствовала.

— Теперь все дело в том, чтобы найти потайную дверь

в лабораторию, — сказал Марсель и начал снимать книги с полок, стоящих по стенам кабинета.

Напрасный труд! Он обнажил все полки, но так и не нашел пружины потайного прохода; он отодрал панели, обошел всю комнату, постукивая по стенам, пытаясь угадать по звуку выход на лестницу. Но стена всюду звучала одинаково.

Очевидно, герр Шульце, узнав, что человек, проникший в его тайны, остался жив, заделал этот проход.

Но тогда, значит, он сделал где-то другой. Но где? Не иначе, как здесь, в кабинете. Здесь он работал, как и прежде; это видно было из того, что Арминий и Сигимер продолжали приносить сюда письма. Марсель хорошо изучил все привычки немца и знал, что все необходимое для работы, все, что нужно было скрыть от нескромных взоров, Шульце любил держать у себя под рукой. Проход должен быть здесь. Может быть, он устроил его в виде люка в полу? Марсель поднял ковер, осмотрел весь паркет. Нигде не было никаких следов потайного хода или люка.

— А почему ты думаешь, что проход должен быть здесь? — спросил Октав.

— Я совершенно уверен в этом, — ответил Марсель.

— В таком случае надо исследовать потолок, — сказал Октав и влез на стул. Он хотел взобраться на люстру и пощупать ружейным прикладом лепную отделку на самой середине потолка.

Но едва только он ухватился за массивную золоченую подвеску, как люстра медленно поехала вниз, барельеф на потолке раздвинулся, и из щели беззвучно спустилась вниз легкая стальная лесенка.

Их словно приглашали подняться.

— Вот и отлично, идем! — невозмутимо сказал Марсель и первый ступил на лесенку.

XVIII. Тайна раскрывается

Поднявшись на верхнюю ступеньку стальной лестницы, они очутились в большом круглом зале. Здесь не было ни дверей, ни окон, но яркий молочный свет, подобный лунному сиянию, заливал всю комнату. Свет этот шел из большого иллюминатора, вделанного посреди пола и напоминавшего светящийся диск полной луны.

Мертвая тишина царила в этих глухих стенах, не пропускавших ни звука, ни света.

Молодые люди остановились на пороге с таким чувством, словно вступили в склеп.

Там, за этим стеклом, скрывалась разгадка тайны. Они чувствовали это, но какой-то безотчетный страх удерживал их, не позволяя им приблизиться.

Наконец, стряхнув с себя оцепенение, они медленно подошли к иллюминатору и, опустившись на колени, заглянули в светящийся диск.

Заглянули и невольно отпрянули в ужасе.

Сквозь двояковыпуклое стекло, представлявшее собой громадную лупу, в ослепительном свете сильной электрической лампы, горевшей внизу, они увидели увеличенную до чудовищных размеров человеческую фигуру, застывшую, словно каменное изваяние. Вокруг нее все было усеяно мельчайшими стеклянными осколками.

Это был стальной король, герр Шульце, с его зловещей усмешкой, обнажающей звериные зубы, но герр Шульце, напоминающий гигантского сфинкса, герр Шульце, превращенный в ледяную глыбу действием жидкой углекислоты, распространившейся от взрыва снаряда.

Он сидел за письменным столом. Громадная рука сжимала громадное, словно копье, перо. Если бы не эта застывшая усмешка, не этот неподвижный, остекляневший взгляд, можно было бы подумать, что он жив. Словно ископаемые чудовища, которых находят в вечной мерзлоте, этот труп, скрытый от всех взоров, сохранялся здесь уже больше месяца. Вокруг него все замерзло — реактивы в банках, вода в сосудах, ртуть в чашечке барометра.

Как произошла эта катастрофа, нетрудно было угадать; об этом ясно свидетельствовали осколки стекла, разбросанные по всему полу. Внутренняя оболочка газовых снарядов герра Шульце, которой приходилось выдерживать невероятно высокое давление, была сделана из стекла особой закалки, с силой сопротивления, раз в десять, двадцать превышающей сопротивление обыкновенного стекла. Но оно было введено в употребление совсем недавно и, как оказалось потом, обладало одним единственным недостатком — в силу каких-то непостижимых физических изменений, иногда без всякой видимой причины, оно неожиданно лопалось. Снаряд находился в лаборатории. Когда его стеклянная внутренняя оболочка лопнула, он разорвался, жидкую углекислоту немедленно обратилась в газ. Температура воздуха упала до ста градусов ниже нуля.

Герр Шульце, застигнутый внезапной смертью, мгновенно превратился в ледяного истукана.

Кровь застыла от этого ужасного зрелица. У Марселя невольно мелькнула мысль: какое счастье, что их отделяет от лаборатории толстое стекло иллюминатора!

Затем мысль его снова вернулась к стальному королю. Смерть настигла злодея в то время, когда он писал. Что заключал в себе этот лежащий перед ним на столе листок бумаги? О чём думал этот человек? Какие мысли, какие слова запечатлело в последнюю минуту его застывшее в воздухе перо?

Марсель прижался лицом к стеклу и попытался разобрать написанные знакомым почерком строчки. Сильно увеличенные буквы выступали довольно отчетливо в ярком свете электрической лампы. Как и все, что исходило от герра Шульце, это письмо носило характер приказа. Вот что удалось прочесть Марселью:

«Распоряжение Б. К. Р. Ц. Перенести на две недели вперед установленный ранее срок экспедиции против Франсевилля. По получении приказа ввести в действие все, что значится в инструкции. Операция должна быть проведена полностью, без малейших отступлений. Я хочу иметь уверенность, что по истечении пятнадцати дней Франсевиль будет представлять собой мертвый город и что ни один из его жителей не останется в живых. Я хочу, чтобы это напоминало гибель Помпеи. Я хочу поразить и заставить содрогнуться весь мир. Точное выполнение моих инструкций обеспечивает желаемый результат.

Вы позаботитесь доставить сюда трупы доктора Сарзена и Марселя Брукмана. Я хочу видеть их собственными глазами и сохранить их.

Шульц...»

Подпись обрывалась. Недоставало последней буквы и обычного росчерка.

Марсель и Октав молча переглянулись, потрясенные всесокрушающей ненавистью, которой полны были последние мысли этого гения зла.

Бросив последний взгляд на застывшее в зловещей усмешке лицо, они поднялись и направились к выходу.

Там, в лаборатории, в этой могиле, которая погрузится в беспроблемный мрак, когда прекратится ток и погаснет электрическая лампа, труп стального короля сохранится подобно мумии какого-нибудь египетского фараона, лежащей в своем саркофаге тысячи лет.

Час спустя Марсель с Октавом, освободив Сигимера, который весьма удивился этой неожиданной для него ми- лости, распостились со Стальным городом и вышли на дорогу, ведущую в Франсевилль. Вечером они были дома.

Доктор Саразен работал у себя в кабинете, когда ему сообщили о том, что друзья вернулись.

— Зовите их скорей сюда! — вскричал он и бросился им навстречу.

— Ну что? — только и мог вымолвить он, увидя их.

— Доктор, — сказал Марсель, — мы привнесли вам доб- рую весть. Вы теперь можете быть спокойны. Вам больше нечего опасаться. Шульце больше нет. Шульце погиб.

И Марсель начал подробно рассказывать, как они на- шли Шульце в его таинственной лаборатории, которую он устроил так, что никто не знал о ее существовании и не мог оказать ему помощи. Он пал жертвой своего невероят- ного тщеславия, ибо, одержимый идеей самовластия, хотел один управлять всем.

Но могущественные силы, которые он желал один дер- жать в руках, волею провидения внезапно обратились про- тив него.

— Да, — сказал доктор, — иначе и быть не могло. И я должен был бы радоваться его смерти, потому что она избавляет нас от страшного бедствия — от войны, которую я ненавижу больше всего в мире, от несправедливой, бес- смысленной войны. Но знаешь, о чем я подумал? Почему этот человек с такими исключительными способностями объявил себя нашим врагом? Почему не направил он свой талант на служение добру? Сколько пользы он мог бы принести, если бы, объединив свои усилия с нашими, по- святил себя великой добродой цели — служению человечест- ву! Но продолжай дальше.

— Вы сейчас увидите, какой цели он посвятил себя, — сказал Марсель, доставая из кармана листок бумаги. — Оружие, которое он направлял против нас, поразило его в тот самый момент, когда он подписывал приказ об уни- тожении Франсевилля.

И Марсель громко прочел страшный приказ герра Шульце. Каждое слово врезалось ему в память, и Мар- сель записал текст приказа дорогой.

— Вот, — сказал он, окончив чтение, — на этом оборва- лась жизнь герра Шульце, и вместе с нею прекратилась жизнь Стального города. Подобно тому как в замке спя-

щей красавицы внезапный сон прерывает течение жизни, так смерть хозяина Штальштадта парализовала все вокруг него. Смерть Шульце — это крах его великолепного предприятия, его полное банкротство. Ослепленный своим успехом и своей бешеною ненавистью к Франции и, в частности, к вам, стальной король совершил ряд неосторожностей. В течение долгого времени он поставлял в кредит вооружение различным странам в надежде заставить их выступить против нас. Платежей по этому кредиту не скоро можно дождаться. Тем не менее мне кажется, что, взявшись серьезно за это дело, можно было бы поставить Штальштадт на ноги и употребить во благо те широкие возможности, которые до сих пор служили ненависти и злу. У Шульце может быть только один наследник, этот наследник — вы. Не следует обрекать на гибель такое мощное предприятие. У нас почему-то принято считать, что наиболее выгодный способ действия — это полное уничтожение моши противника. Какое заблуждение! Я думаю, что вы согласитесь со мной, что все, что можно обратить на пользу человечеству, должно и следует спасти. И я со своей стороны готов целиком посвятить себя этому делу.

— Марсель прав, — поддержал его Октав, — и если ты, папа, согласен, я готов работать под его руководством.

— Ну конечно, я согласен и от всего сердца одобряю вас, дети мои, — ответил растроганный доктор. — Мы располагаем достаточным капиталом, и с вашей энергией и настойчивостью мы сумеем превратить Стальной город в такой арсенал, что никто в мире не посмеет напасть на нас. И так как мы, будучи самыми сильными, будем стремиться, насаждать добро и любовь в мире, то можно надеяться, что со временем мы научим человечество ценить мир и справедливость. Ах, Марсель, какие это чудные мечты! И когда я думаю, что благодаря тебе я увижу хоть часть этой мечты осуществленной, то мне приходит на мысль: отчего у меня не два сына? Почему ты не брат Октава? Тогда, мне кажется, для нас троих не было бы ничего невозможного. Я хотел бы дожить до времени, когда эти чудесные мечты воплотятся в действительность. Я верю, что с твоей помощью, Марсель, мы сумеем осуществить их. Я хотел бы, чтобы ты был моим сыном...

XIX. Семейное объяснение

Возможно, что в этом рассказе мы слишком мало уделяли внимания личной жизни наших героев. Постараемся восполнить этот пробел и посвятить эту главу их сердечным делам.

Нужно сказать, что добрый доктор Саразен, который всю свою жизнь отдавал высокому делу служения человечеству, не принадлежал к числу людей, которые в увлечении своим идеалом теряют способность замечать чувства и переживания других. Фраза, вырвавшаяся у него, заставила побледнеть молодого эльзасца. Это не ускользнуло от внимания доктора. Пристально поглядев Марселя в лицо, он старался понять причину этого волнения и, может быть, втайне надеялся, что молодой человек откроет ему свои чувства. Но Марсель уже овладел собой и, устремив на доктора спокойно вопрошающий взгляд, казалось, с интересом ждал продолжения прерванного разговора.

Доктор Саразен, несколько уязвленный этим удивительным самообладанием и уклончивостью молодого человека, подошел к нему поближе и привычным жестом врача взял его за руку, словно желая проверить какие-то свои подозрения, и так как Марсель, повидимому не догадываясь о его намерении, продолжал стоять молча, доктор решил сам прервать молчание.

— Марсель, друг мой, — ласково сказал он, — мы еще не раз успеем поговорить с тобой о будущем Штальштадта. Мне хочется сейчас поговорить с тобой о другом! Позволь мне рассказать тебе о том, как некая упрямая молодая девица, имя которой я потом тебе назову, отвечала своим родителям, которые допрашивали ее, почему она с такой поспешностью категорически отказывает всем молодым людям, которые приходят к ним просить ее руки...

Тут Марсель довольно резким движением выдернул свою руку, но доктор Саразен, сделав вид, что он не заметил этого, продолжал:

— «Объясни мне, пожалуйста, — допытывалась мать этой юной особы, — как это надо понимать, что ты в течение этого года отказалась уже двадцати молодым людям, не пожелав даже выслушать их. Ведь все это были люди образованные, с положением, с капиталом, и многие из них даже очень недурны собой. Почему же ты так решительно, поспешно, не подумав, не взвесив, отвечаешь «нет»? Обычно ты не так скора в своих решениях».

Почувствовав в этих словах упрек, молодая особа по-

желала оправдать себя в глазах матери, и вот что она ответила:

«Милая мама, я отвечаю «нет» потому, что я не могу ответить ничего другого. Я знаю, вы предлагали мне очень хорошие и даже блестящие партии. Но, сказать вам по правде, мне кажется, что все эти предлагающие мне свою руку молодые люди интересуются не столько мной, сколько самой богатой, самой выгодной невестой в городе, и, конечно, меня это отталкивает. А тот, кому я охотно ответила бы «да», медлит со своим предложением и, как ни грустно в этом сознаться, может быть никогда его и не сделает...»

«Что я слышу, сударыня?..» — воскликнула потрясенная мать и, не кончив фразы, устремила беспомощный, умоляющий взгляд на своего супруга, призывая его притти ей на помощь.

Но супруг, видимо, хотел уклониться от этого тягостного объяснения или, может быть, не считал нужным вмешиваться, пока они до чего-нибудь не договорятся. Он сделал вид, что не заметил этого отчаянного призыва, и бедная девочка, вся красная от стыда и обиды, решилась высказать все.

«Я вам еще раз скажу, мама, — ответила она: — предложение, которого я жду, может заставить ждать себя очень долго, а очень может быть, что мне никогда его не сделают. И я могу сказать, что нисколько этому не удивлюсь и невижу в этом ничего для себя обидного. Вся беда в том, что я, на свое несчастье, считаюсь очень богатой, а он очень бедный. Поэтому он и не делает мне предложения. Он ждет...»

«Чтобы мы его сделали», — поспешило сказать мать, не давая договорить дочери фразы, которую ей было бы услышать.

«Друг мой, — сказал супруг, нежно обнимая жену за плечи, — разве могли мы ждать чего-нибудь другого, если наша дочка, которая привыкла уважать и слушаться тебя с тех пор, как она себя помнит, слышит изо дня в день, как ты расточаешь похвалы мужественному, достойному юноше, который рос в нашей семье, которого ее отец считает исключительно одаренным, который с такой самоотверженностью доказал нам свою любовь и преданность и которого мы с тобой любим, как родного! Если бы наша дочка, видя все это, осталась равнодушной к этому юноше, нам бы пришлось сознаться, что мы вырастили плохую дочь».

«Ах, папа! — вскричала бедная крошка, пряча свое смущенное лицико на груди матери. — Но если вы с мамой догадываетесь сами, зачем же вы заставляли меня признаваться?»

«Затем, моя душенька, — лаская ее, ответил отец, — чтобы ты нас порадовала, чтобы я мог после твоих слов убедиться, что не ошибся, и сказать тебе, что мы оба от всего сердца одобляем твой выбор, что мы только об этом и мечтали. А что касается предложения, которого этому бедному юноше не позволяет сделать достойное чувство гордости, это предложение я сам ему сделаю... Да, да! Потому что я прочел в его сердце то же, что и в твоем. Будь покойна, я обещаю тебе при первом же удобном случае спросить Марселя, не согласится ли он стать моим зятем...»

Марсель, который никак не ожидал, что этот длинный рассказ закончится таким прямым и решительным вопросом, вскочил в полном смятении, бледный, как полотно, и беспомощно поглядел на Октава. Октав молча сжал ему руку, а доктор Саразен взял его за плечо и привлек в свои объятия.

XX. Эпилог

Франсевиль, позабыв о всех своих несчастьях, живет в мире со всеми своими соседями и под мудрым управлением своих достойных правителей благоденствует и процветает. У него нет завистников, ибо он наслаждается заслуженным счастьем, а его сила внушиает уважение всем любителям бряцать оружием на чужой территории.

Стальной город, некогда представлявший собой один колоссальный завод, страшное орудие разрушения в железной руке герра Шульце, ныне благодаря усилиям Марселя Брукмана превратился в крупный промышленный центр, объединяющий всевозможные отрасли полезной промышленности.

Марсель уже больше года наслаждается супружеским счастьем с Жанной, а недавно появившийся на свет младенец является для них источником новых семейных радостей.

Октав, добровольно подчинившись руководству своего деверя, помогает ему во всех его начинаниях. Жанна хочет во что бы то ни стало женить его на своей подруге, очаровательной девушке с твердым и спокойным характе-

ром, которая сумеет прибрать его к рукам и сделает его прекрасным семьянином.

Мечты доктора Саразена и его супруги сбылись. В кругу своих детей они наслаждаются полным покоем и счастьем, пользуясь величайшим уважением и любовью всех франсевильцев.

Ныне можно с уверенностью сказать, что усилиями доктора Саразена и Марселя Брукмана Франсевиллю завоевана прекрасная будущность и что пример Франсевилля и Штальштадта не пропадет даром для грядущих поколений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>К. Андреев.</i> Великий мечтатель	3
I. Мы знакомимся с мистером Шарпом	7
II. Приятели	17
III. Хроника происшествий	26
IV. Раздел	35
V. Стальной город	45
VI. Шахта Альбрехт	56
VII. Центральный сектор	65
VIII. Пещера дракона	73
IX. Побег	87
X. Статья в немецком журнале	95
XI. Обед у доктора Саразена	104
XII. Заседание совета	109
XIII. Марсель Брукман профессору Шульце	116
XIV. Франсевилль готовится к бою	118
XV. Биржа в Сан-Франциско	122
XVI. Два француза берут приступом город	129
XVII. Разговор при помощи пули	136
XVIII. Тайна раскрывается	143
XIX. Семейное объяснение	148
XX. Эпилог	150

Обложка М. Гетманского

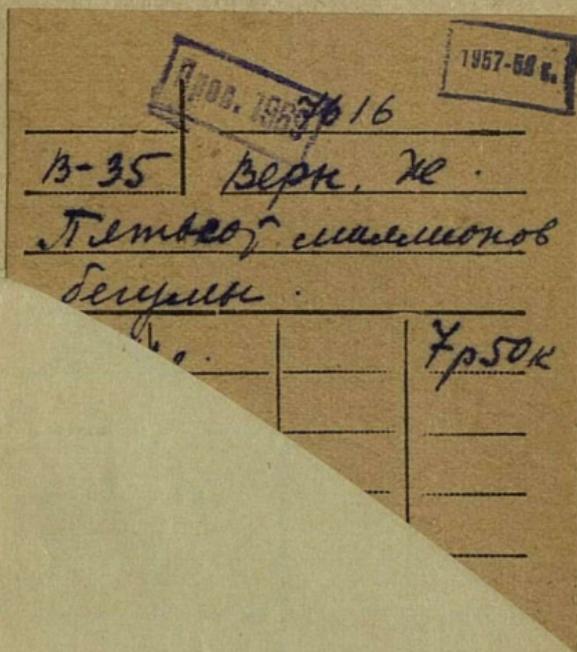
для старшего возраста

Ответственный редактор *М. Поступальская*.

Подписано к печати 9/IX 1944 г. 9½ печ. л. (8,71 уч.-изд. л.).
37440 зн. в печ. л. Тираж 30 000 экз. Л35372. Зак. № 5068.
Цена 7 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Сущевский вал, 49.

ПРД. 1989

150 =

Цена 7 р. 50 к.